

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

80

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

80

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1960

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

· Ответственный редактор доктор историч. наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора канд. историч. наук *Н. Н. Гурина*

Ч л е н ы р е д к о л л е г и и:

*Н. Н. Воронин, В. Ф. Гайдукевич, А. Ф. Медведев,
Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь), П. А. Раппопорт,
Д. Б. Шелов, В. П. Шилов*

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий выпуск «Кратких сообщений» ИИМК посвящен исследованиям в области истории и археологии народов Средней Азии. Этими проблемами в течении многих лет занимался один из крупнейших советских археологов, историк и этнограф, заслуженный деятель наук Киргизской ССР, доктор исторических наук, профессор Александр Натанович Бернштам, биографическим очерком и списком работ которого открывается сборник. В остальных статьях и заметках освещаются главным образом вопросы и проблемы археологии, истории и этнографии Средней Азии, разработке которых А. Н. Бернштам посвятил свою жизнь.

В сборнике приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Среднеазиатских республик. Многие из них являются учениками А. Н. Бернштама.

В этот сборник были также представлены статьи С. М. Абрамзона, К. А. Акишева, Ю. Д. Баруздина, Б. Э. Гамбурга, Г. А. Максименкова, В. М. Массона, И. Н. Хлопина, А. П. Окладникова, А. Г. Подольского, С. С. Сорокина, поместить которые не представилось возможным из-за недостатка места. Статьи всех перечисленных авторов редакция КСИИМК постарается поместить в следующих выпусках «Кратких сообщений».

АЛЕКСАНДР НАТАНОВИЧ БЕРШТАМ
(1910—1956)

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

АЛЕКСАНДР НАТАНОВИЧ БЕРНШТАМ

Александр Натанович Бернштам — один из крупнейших советских историков и археологов Средней и Центральной Азии. Обладая ярким дарованием, исключительной трудоспособностью и целеустремленностью, он оставил немалое количество трудов, занимающих большое место во многих отраслях исторической востоковедческой науки. Наибольшее значение имеют его труды по истории и археологии Средней Азии и особенно по истории кочевых народов.

Научную деятельность Александр Натанович начал в качестве этнографа тюркских народов. Еще студентом Этнографического отделения Ленинградского университета он опубликовал исследование по жилищам крымских татар (1931). Занятия этнографией крымских татар пробудили в нем интерес к этнографии и истории других тюркских народов. В 1930 г. он изучает жизнь и быт туркменского народа. Полученные наблюдения отражены в статье «Туркменский род и колхозы» (1931). Эта первая поездка Александра Натановича в Среднюю Азию в известной мере способствовала определению его научных интересов.

В начале 30-х годов Александр Натанович одним из первых востоковедов применяет марксистско-ленинское учение к изучению древней истории Средней Азии и вообще Востока в работах: «О роли завоеваний в исторической концепции Карла Маркса» (1933), «Ленин и история народов Советского Востока» (1934), «Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии» (1934) и др. Совместно с Е. Ю. Кричевским он написал в 1932 г. статью «К вопросу о закономерности в развитии архаической формации. (К разработке теоретического наследства Маркса, Энгельса, Ленина)» и составил хрестоматию: «Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о первобытном обществе» (1934). Эти работы способствовали критической проработке с позиций марксизма обширных материалов по истории тюркских народов Азии, хотя в них и сказались увлечения социологизаторского порядка.

В годы аспирантуры (1931—1934 гг.) Александр Натанович под руководством крупнейших тюркологов С. Е. Малова и А. Н. Самойловича получает хорошую лингвистическую подготовку и целиком поглощен изучением памятников древнетюркской рунической письменности, подходя к исследованию орхоно-енисейских надписей с новых, марксистских позиций, что позволило ему раскрыть социальную структуру тюркского каганата и показать в развитии социально-экономическую жизнь тюркских племен VI—VIII вв. Работа «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв.» (1946) была защищена в 1935 г. в качестве кандидатской диссертации.

В 1935—1938 гг. Александр Натанович проходит докторантуру в Институте востоковедения АН СССР, работая над темой: «История тюркских

племен и народов». Его занимают общие вопросы происхождения и развития тюркских племен.

Однако основное внимание в эти годы он направил на изучение гуннской проблемы и в ряде статей разрабатывал вопрос о социально-экономическом строе гуннского общества. Совершенно новой явилась его постановка вопроса о социальной структуре гуннского общества и о классообразовании, о возникновении государства, о взаимоотношениях гуннов с оседлыми обществами Китая и Восточного Туркестана, а также о роли гуннов в сложении тюркоязычного населения. В своей интерпретации замечательных находок Ноин-Улы Александр Натанович вскрыл наличие имущественного и социального неравенства среди гуннских племен и показал, как политика правящей верхушки привела к глубокому кризису и упадку в гуннском обществе. С появлением гуннских племен в Семиречье он связывал начало монголизации физического типа местного европеоидного населения и тюркизации его в языковом отношении.

С 1936 по 1941 г., ежегодно предпринимая археологические экспедиции, А. Н. Бернштам исследовал многие сотни памятников в долинах Таласа, Чу, Или в бассейне Иссык-Куля, открыл разнообразные памятники кочевого и земледельческого населения, начиная от эпохи бронзы и до XVIII в. Одновременно он вел раскопки на четырех крупных средневековых поселениях: Тараз, Сарыг, Баласагун (городище Ак-Бешим) и Кысмычи.

Большое внимание было уделено им также памятникам кочевого населения, относящимся, в основном, к сако-усуньскому, кенкольскому и тюркскому периодам. В результате всех этих работ были обследованы основные районы Семиречья и создана основа периодизации культуры древнего и средневекового населения этой области.

Археологические исследования Александра Натановича в этот период были особенно тесно связаны с разработкой исторических проблем, что наиболее ярко отразилось в двух работах, опубликованных в 1941 г. В первой из них — «Археологический очерк Северной Киргизии» — дан итог трехлетних исследований Семиречья. Использование новых источников позволило впервые написать для истории Киргизии разделы об эпохе бронзы и сако-усуньском периоде, которые отсутствовали в труде В. В. Бартольда о киргизах, основанном исключительно на письменных данных. По-новому трактуется вопрос о появлении киргизов на Тянь-Шане, которое А. Н. Бернштам связывал с передвижением северо-гуннских племен с середины I в. до н. э. В ином свете рассматривается согдийская колонизация Семиречья, которой автор придавал исключительное значение в развитии оседлой культуры в этом кочевническом мире. Во второй работе — «Памятники старины Таласской долины» — характеризуется культура кангюйского и кенкольского периодов по материалам Берккаринского и Кенкольского могильников, но главное внимание в ней уделено итогам археологического исследования крупного городского центра — средневекового города Тараза.

В научной деятельности А. Н. Бернштама переломным этапом был 1941 г., когда он возглавил экспедицию археологического надзора на строительстве Большого Чуйского Канала (БЧК) в Киргизии. Собранный тогда материал послужил основой для историко-археологического отдела Музея национальной культуры, открытого в г. Фрунзе в ноябре 1941 г. Работа по изучению этой огромной археологической коллекции пробудила у Александра Натановича глубокий интерес к области собственно археологии.

В годы Великой Отечественной войны Александр Натанович находился в Киргизии, где провел большую научно-организационную работу в Комитете наук, а затем в Киргизском филиале АН СССР. Одновременно он работал над большим исследованием по истории киргизов и Киргизстана с древнейших времен и до монгольского завоевания. Эта еще не опубликованная монография — первое обстоятельное исследование многовековой истории

киргизского народа, крупнейший вклад в разработку истории народов Средней Азии — в 1942 г. была защищена в качестве докторской диссертации.

В годы войны А. Н. Бернштам особенно много уделял внимания популяризации исторического и культурного прошлого киргизского народа и достижений археологической и исторической наук. Его многочисленные статьи в местной периодической печати и специальные брошюры, выходившие на русском и киргизском языках, становились достоянием широких масс. Не оставил он и полевых археологических работ. В 1944 г. он организовал поездку в Центральный Тянь-Шань, где открыл памятники андроновской культуры в долине р. Арпы, и в Узгенский оазис, обследование которого было подготовкой к разрывыванию в 1945 г. раскопок развалин крупного средневекового города Узген. Для археологических исследований послевоенного периода особенно характерны широкий территориальный и хронологический диапазон памятников и постановка ряда новых научных проблем по археологии и древней истории народов Средней Азии.

Не все проблемы и вопросы, над которыми трудился Александр Натанович, разработаны в достаточной мере, не все получили отражение в печати.

В 1950 г. вышел в свет том трудов Семиреченской экспедиции «Чуйская долина» (МИА, № 14), а в 1952 г. «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая» (МИА № 26), которые являются основными обобщающими трудами по археологии и древней истории Киргизии, а также и сопредельных областей Узбекистана, Казахстана и Таджикистана. В томе «Чуйская долина», помимо публикации обширных археологических материалов, содержится классификация находок с Большого Чуйского канала и очерк истории Семиречья в усуньский и тюркский периоды. Чрезвычайно наглядно успехи археологических исследований отражены в таблице «Историко-археологическая классификация памятников Семиречья и Тянь-Шаня». Этим трудом А. Н. Бернштам подвел итоги своим археологическим работам довоенного периода. Разработанная классификация и периодизация древней истории Киргизии выдержала испытание временем и, несмотря на ряд дополнений и уточнений, в основном осталась без изменений. То же следует сказать и о памятниках Центрального Тянь-Шаня, Ферганы и Алая, а также Памира, опубликованных в упомянутой работе 1952 г. Создание этих классификаций является большой и бесспорной заслугой Александра Натановича.

Новый материал позволил поставить вопрос о южносибирских культурных связях Семиречья в эпоху бронзы и в сакский период. Вопросы расселения отдельных сакских племен, выделение локальных групп по археологическим материалам и установление связей между культурой саков и их преемников — усуней и кангюй — таковы вопросы, разрабатывавшиеся А. Н. Бернштамом по сакской проблеме. Изучение культуры усуньских племен и их значения в истории древней Средней Азии привело его к утверждению важной роли усуньских племен в сложении кушанского государства.

Вопросы древней истории тюркоязычных народов и роль гуннских племен в истории Средней Азии рассмотрены в монографии «Очерк истории гуннов» (1951), вызвавшей обширную дискуссию и возражения по поводу преувеличения роли гуннов.

Александр Натанович настойчиво обращает внимание на сложный характер взаимоотношений кочевых народов с оседло-земледельческим населением Средней Азии. При этом он приводит убедительные факты, свидетельствующие о том, что кочевые народы являлись не только разрушительной силой, но и сыграли известную роль в развитии хозяйства и культуры, что тюрки-кочевники были соучастниками в создании культуры, унаследованной современными народами Средней Азии.

В некоторых своих работах А. Н. Бернштам, увлеченный материалом, иногда допускал преувеличения и ряд неверных положений. Широкие исторические построения не всегда оказывались достаточно обоснованными. Можно указать на ряд спорных положений в его концепции происхождения киргизского народа. Это касается в первую очередь положения о переселении киргизов с Енисея на Тянь-Шань с середины I в. до н. э. Однако отдельные ошибки и неудачи не могут заслонить того вклада в историческую науку, который внес своими трудами Александр Натанович.

Большой его заслугой является переиздание классических трудов русских востоковедов В. В. Бартольда («Очерк истории Семиречья», 1943; «Киргизы», 1943) и Н. Я. Бичурина («Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», 1950).

Александр Натанович постоянно и живо откликался на новые труды советских и зарубежных ученых. Им написано более 20 рецензий и критических обзоров, и в каждом из них содержится не только критический анализ, оценка исследования, но и внесены новые, творчески развитые положения.

В краткой статье невозможно всесторонне охарактеризовать научную деятельность такого многогранного и талантливого исследователя, каким был Александр Натанович Бернштам. Он не только обогатил советскую науку большим фактическим материалом, но и показал пути дальнейшего исследования сложных проблем истории среднеазиатских и особенно тюркоязычных народов. Своим ученикам он привил любовь к науке, широко помогал советами и делился опытом. Особо значительны его заслуги в подготовке местных национальных научных кадров в Киргизии, Казахстане и других республиках.

Ю. А. Заднепровский

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ
А. Н. БЕРНШТАМА

1929 г.

Принципы построения археологического отдела в краеведческом музее.— Методический сборник. Л., 1929 (Тр. Студенческого кружка краеведения при Географическом фак. ЛГУ), с. 56—61.

1931 г.

Жилище Крымского предгорья. Опыт социологического анализа. Л., 1931. 46 с. (ИГАИМК, т. 9, вып. 6-7).

Туркменский род и колхозы.— Труд и быт в колхозах. Сборник 2. Л., 1931 (АН СССР. Труды Ин-та по изучению народов СССР), с. 7—42.

1932 г.

Идеализм в этнографии.— СГАИМК, 1932, № 1-2, с. 22—27.

К вопросу о закономерности в развитии архаической формации. (К работе теоретического наследия Маркса, Энгельса, Ленина). Л., 1932, 52 с. (ИГАИМК, т. 13, вып. 3). (В соавторстве с Е. Ю. Кричевским).

Материнский и отцовский род, возникновение малой семьи, племя и условия его образования.— Первобытное общество. Сб. статей. М., 1932 (Популярная иллюстрированная библиотека. Всемирная история), с. 198—208.

Пути краеведческой работы в Крымской АССР.— Сов. краеведение, 1932, № 11-12, с. 83—85.

1933 г.

К вопросу о классовом расслоении. (Распад первобытного коммунизма по вещественным остаткам древнего минусинского общества).— ПИМК, 1933, № 7-8, с. 45—49.

К итогам I археолого-этнографического совещания.— ПИМК, 1933, № 7-8, с. 4—12.

О роли завоеваний в исторической концепции Карла Маркса.— ПИМК, 1933, № 3-4, с. 46—51.

Родовая структура Ту-Гю VIII в. (К исследованию памятников Кюль-Тегина).— ИГАИМК, вып. 100, 1933, с. 560—576.

Этнография.— БСЭ, т. 64, 1933, с. 777—787 (В соавторстве с Е. Ю. Кричевским).

1934 г.

[Выступление по вопросам истории феодализма у народов Востока].— В сб.: Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. Пленум ГАИМК 20—22 июня 1933 г. М.— Л., 1934, с. 335—344. (ИГАИМК, вып. 103).

Ленин и история народов Советского Востока.—ПИДО, 1934, № 2, с. 7—24.

Отчет о командировке в Среднюю Азию.—ПИДО, 1934, № 6, с. 100—101. (В соавторстве с А. С. Морозовой).

Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии.—СЭ, 1934, № 6, с. 86—115.

Указатели (предметный, географический, именной) к хрестоматии: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о первобытном обществе. М.—Л., 1934, 520 с. (ИГАИМК, вып. № 87). (В соавторстве с Е. Ю. Кричевским).

1935 г.

Изображение быка в находках из Ноин-Улинских курганов.—ПИДО, 1935, № 5-6, с. 127—130.

Историческая правда о легенде об Огуз-Кагане.—СЭ 1935, № 6, с. 33—43.

К вопросу о социальном строе восточных гуннов. Рец. на кн.: С. Trever. Excavations Northern Mongolia. L. 1932.—ПИДО, 1935, № 9-10, с. 226—234.

Наследственность и выборность у древних народов Центральной Азии.—ПИДО, 1935, № 7-8, с. 160—174.

Новые работы Н. Козьмина о древне-тюркском обществе.—ПИДО, 1935, № 1-2, с. 215—218.

О деревянных постройках Крыма.—ИГАИМК, вып. 117, 1935, с. 135—144.

О Н. Я. Марре.—ПИДО, 1935, № 3-4, с. 168—169.

Происхождение турок. К постановке проблемы.—ПИДО, 1935, № 5-6, с. 43—54.

Социально-экономический строй древне-тюркского общества VI—VIII вв. н. э. Турки в Монголии. Тезисы кандидатской диссертации. Л., 1935. 23 с. (ГАИМК).

Яфетическая теория Н. Я. Марра.—ВЭ, 1935, № 3, с. 178—181.

1936 г.

К вопросу о возникновении классов и государств у турок VI—VIII вв.—Вопросы истории докалассового общества. Сб. статей к пятидесятилетию книги Фр. Энгельса. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.—Л., 1936, с. 871—892.

1937 г.

Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение.—ИАН СССР. Отд. обществ. наук, 1937, № 4, с. 947—968.

1938 г.

О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии.—В сб.: Памяти акад. Н. Я. Марра. Л., 1938 (АН СССР, Ин-т языка и мышления), с. 17—24.

1939 г.

Археологические работы в Казахстане и Киргизии. 1936—1938 гг.—ВДИ, 1939, № 4, с. 169—181.

История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Части I—IV. М.—Л., 1939 (АН СССР, ИИМК). Ч. II, гл. 5. § 6. Упадок государства гуннов. Северные гунны, с. 375—377. (В соавторстве с С. П. Толстовым). Ч. III, гл. 2, § 4-5. Жуань-жуани и тюрки. Средняя Азия и тюрки в конце VI и первой половине VII вв., с. 87—100. (В соавторстве с С. П. Толстовым). Ч. III, гл. 4, § 3. Авары и болгарская

держава Органы и Кубраты, с. 189—195 (В соавторстве с М. И. Артамоновым). Ч. IV, гл. 4, § 1. Тюркские племена в конце VII и первой половине VIII в., с. 480—485.

Руническая надпись в уйгурской рукописи.— ЗИВ, т. 7, 1939, с. 303—305.

1940 г.

Археологические работы в Казахстане и Киргизии в 1938 и 1939 гг.— НИЖ, 1940, № 3, с. 40—43.

Археологические работы в Семиречье.— КСИИМК, вып. IV, 1940, с. 42—48.

Баня древнего Тараза и ее датировка.— ТОВЭ, т. 2, 1940, с. 177—183.

Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке.— КСИИМК, вып. V, 1940, с. 23—31.

Из истории гуннов I в. до н. э. (Ху-хань-е и Чжи-чжи-шанью).— СВ, т. 1, 1940, с. 51—77.

К исторической топографии Чуйской долины (Из археологических работ 1939 г. в Киргизии).— ВДИ, 1940, № 2, с. 191—198.

К семантике термина *ó úlcs*, сын.— Язык и мышление, т. 9, Л.—М., 1940, с. 95—100.

Кенкольский могильник. Л., 1940. 34 с.

По поводу переводов С. В. Киселевым древнетюркских текстов.— ВДИ, 1940, № 3-4, с. 209—214.

Рец. на кн.: William Montgomery Mc Govern. The Early Empires of Central Asia. A Study of the Scythians and the Huns and the part they played in World History with special reference to the chinese sources. The University of North Carolina Press. 1939.— ВДИ, 1940, № 3-4, с. 221—228.

Согдийская колонизация Семиречья.— КСИИМК, вып. VI, 1940, с. 34—43.

Тюркешские монеты.— ТОВЭ, т. 2, 1940, с. 105—111.

Уйгурские юридические документы.— Проблемы источниковедения. Сборник 3. М.—Л., 1940, с. 61—84.

1941 г.

Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941. 112 с. (Материалы и исслед. по истории Киргизии и Киргизстана, вып. 4).

Н. И. Репников (1882—1940), некролог.— КСИИМК, вып. IX, 1941, с. 121—123. (В соавторстве с С. Н. Бибиковым).

Инструкция по учету и охране археологических памятников на строительстве Большого Чуйского канала Киргизской ССР. Фрунзе, 1941, 28 с. (В соавторстве с А. И. Чекалинским).

Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата, 1941, 66 с.

1942 г.

Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе, 1942, 28 с. То же на киргиз. яз. 1943.

Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942, 24 с. То же на киргиз. яз. 1943.

1943 г.

Академик В. В. Бартольд как историк Киргизстана.— В кн.: В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья (Изд. 2). Фрунзе, 1943, с. 3—8.

Академик Василий Владимирович Бартольд (15 ноября 1869—19 августа 1930).— В кн.: В. В. Бартольд. Киргизы (Исторический очерк). Фрунзе, 1943, с. 3—11.

Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943, 67 с.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1943, 671 с. (А. Н. Бернштам соавтор ряда глав).

История Киргизии в дни Отечественной войны.— ИЖ, 1943, № 7, с. 104—105.

Материалы по истории Киргизии в дни Великой Отечественной войны. Вып. 1. Тысяча девятьсот сорок первый год. Фрунзе, 1943, 60 с. То же на киргиз. яз.

Работа историков Киргизии.— ИЖ, 1943, № 8-9, с. 108—109.

Строительные приемы древних зодчих и использование их опыта в современной практике.— ТКирФАН СССР, т. 1, 1943, вып. 1, с. 137—142.

1945 г.

Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая.— ИКирФАН СССР, вып. 2-3, 1945, с. 59—70.

Василий Владимирович Бартольд.— ИКирФАН СССР, вып. 2-3, 1945, с. 130—131.

Великое наследие киргизского народа.— ИКирФАН СССР, вып. 1, 1945, с. 71—82.

Заметки по искусству киргизского народа.— ТИЯЛИ КирФАН СССР, вып. 1, 1945, с. 151—156.

Из истории культурных связей Ферганы и Тянь-Шаня.— В сб.: Председателю президиума Киргизского ФАН СССР академику К. И. Скрябину в день 40-летия его научно-педагогической и общественной деятельности. Фрунзе, 1945, с. 94—96.

Из истории международных и военных отношений киргизского народа.— ИКирФАН СССР, вып. 1, 1945, с. 105—113.

Истоки киргизской литературы.— ТИЯЛИ КирФАН СССР, вып. 1, 1945, с. 79—84.

Рец. на кн.: К. Рахматуллин. Великий патриот — легендарный Манас. Фрунзе, 1943.— ТИЯЛИ КирФАН СССР, вып. 1, 1945, с. 185—188.

Среднеазиатская конференция по этнографии и фольклору.— ТИЯЛИ КирФАН СССР, вып. 1, 1945, с. 205—207.

1946 г.

Археологические работы ИИМК в Средней Азии за 25 лет.— КСИИМК, вып. XIII, 1946, с. 197—198.

Башня Бурана. Фрунзе, 1946, 10 с.

Историческая наука в Киргизии за 20 лет. В сб.: Наука Киргизии за 20 лет. 1926—1946. Фрунзе, 1946, с. 173—178.

Источники по истории киргизов XVIII века.— ВИ, 1946, № 11-12, с. 126—131.

Мазар Манаса. Фрунзе, 1946, 12 с.

Некоторые итоги археологических работ в Семиречье.— КСИИМК, вып. XIII, 1946, с. 110—118.

Рец. на кн.: Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сталинабад, 1945.— ВИ, 1946, № 5-6, с. 119—121.

Рец. на кн.: Н. Эберхард. Книга первоисточников о китайских северных соседях. Турецкое историческое общество. VII серия, № 9. Анкара, 1942.— ВИ, 1946, № 7, с. 124—127.

Рец. на статью: Л. Евтюхова и В. Левашева. Раскопки китайского дома близ Абакана.— ИАН СССР. Серия ист. и филос., т. 3, 1946, № 5, с. 479—482.

Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. Восточно-тюркский каганат и киргизы. М.—Л., 1946, 207 с.

Уйгуры в Семиречье.— «Белек С. Е. Малову». Сб. статей. Фрунзе, 1946, с. 20—25.

Эпоха возникновения великого героического киргизского эпоса «Манас».— Киргизстан. Лит.-худ. альманах. Фрунзе, 1946, с. 139—149.

1947 г.

Археологическая экспедиция на Памир.— ВЛУ, 1947, № 12, с. 135—136.

Археологические работы в Термезе. Рец. на кн.: Термезская археологическая экспедиция. Т. 1—2. Ташкент, 1940—1945.— ВИ, 1947, № 4, с. 122—124.

Беркаринская пряжка. О скифской традиции в сарматском искусстве.— КСИИМК, вып. XVII, 1947, с. 9—11.

Буддийская терракота из Сукулук.— КСИИМК, вып. XIV, 1947, с. 49—52.

Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии.— СЭ, Сборник VI—VII, 1947, с. 148—158.

Древняя Фергана.— КСИИМК, вып. XXI, 1947, с. 86—88.

Заметки по этногенезу народов Северной Азии.— СЭ, 1947, № 2, с. 60—66.

Из истории Восточной Ферганы и Алая. (Краткий отчет археологической экспедиции 1946 г.).— ИКирФАН СССР, вып. 6, 1947, с. 115—119.

Из итогов изучения древней истории Киргизстана.— ИКирФАН СССР, вып. 7, 1947, с. 49—54.

История кыргызов и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания. (Тезисы докторской диссертации).— КСИИМК, вып. XVI, 1947, с. 176—178.

К вопросу об усунь||кушан и тохарах (Из истории Центральной Азии).— СЭ, 1947, № 3, с. 41—47.

К истории Фергано-Тянь-Шанских культурных отношений (Из итогов археологических работ 1945 г.).— ИКирФАН СССР, вып. 4—5, 1947, с. 111—120.

Новые работы по тохарской проблеме. (Otto Maenchen — Helfen. The Jüch-chih Problem Re-examined JAOS, t. 65 (апр.—июнь 1945 г.) F. W. Thomas. A Tokhari. (?) MS, JAOS, t. 64 (январь—март. 1944 г.).— ВДИ, 1947, № 2, с. 134—138.

Проблемы истории Восточного Туркестана.— ВДИ, 1947, № 2, с. 52—71.

Рефераты: Археологические работы в 1944—1945 гг. (в Киргизии); Археология северного При Тяньшанья; История изобразительного искусства Киргизстана.— Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. М.— Л., 1947 (Отд. ист. и филос. АН СССР), с. 76—79.

Рец. на кн.: С. М. Абрамзон. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946.— СЭ, 1947, № 1, с. 223—225.

Рец. на кн.: К. Рахматулин. Великий патриот — легендарный Манас. Фрунзе, 1943.— СЭ, Сборник VI—VII, 1947, с. 295—297.

Рец. на кн.: С. Н. Рязанцев. Киргизия. Экономико-географическая характеристика. М., 1946.— ИВГО, т. 79, 1947, № 5, с. 600—602.

Рец. на кн.: Советская этнография. 1946, № 1—4.— ИАН СССР. Серия ист. и филос., т. 4, 1947, № 2, с. 194—198.

Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет.— ВДИ, 1947, № 3, с. 83—94.

Уйгурская эпиграфика Семиречья. I.— ЭВ, I, 1947, с. 33—37.

Фрагмент селадонного блюда с китайской надписью.— КСИИМК, вып. XVII, 1947, с. 12—13.

Этнографическая работа в Киргизии.— СЭ, Сборник VI—VII, 1947, с. 325—326.

1948 г.

Араванские наскальные изображения и Даваньская (Ферганская) столица Эрши.— СЭ, 1948, № 4, с. 155—161.

Археологические исследования на Памире и в Алае в 1948 г.— ВЛУ, 1948, № 11, с. 175—176.

Изображение согдийца в коропластике Чуйской долины.— КСИИМК, вып. XIX, 1948, с. 61—65.

Киргизский народный повествовательный узор.— В кн.: М. В. Рындин. Киргизский национальный узор. Ленинград — Фрунзе, 1948, с. 3—27.

Новые эпиграфические находки из Семиречья.— ЭВ, II, 1948, с. 107—113.

Образ сасанидского царя в Сукулукской терракоте.— КСИИМК, вып. XXIII, 1948, с. 36—39.

Памятники старины Алма-Атинской области. (По материалам экспедиции 1939 г.).— ИАН КазССР, № 46. Серия археол., вып. 1, 1948, с. 79—91.

Проблемы истории Восточного Туркестана.— Сб. языка, литературы и истории. Алма-Ата. 1948. На уйгур. яз.

Прошлое района Алма-Ата (Историко-археологический очерк). Алма-Ата, 1948. 18 с.

Уйгурская эпиграфика Семиречья II.— ЭВ, II, 1948, с. 102—106.

1949 г.

Археологические памятники Памира.— КСИИМК, вып. XXVI, 1949, с. 128—130.

Археологические работы в Южном Казахстане.— КСИИМК, вып. XXVI, 1949, с. 131—133.

Древняя Фергана.— ВДИ, 1949, № 1, с. 100—111.

Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае.— КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, с. 54—66.

История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. Изд. 2. Алма-Ата, 1949. Гл. 2, § 3—5. Казахстан в составе тюркского каганата; Государство караханидов в Южном Казахстане; Кыпчакское государство Центрального и Западного Казахстана, с. 62—86.

К пересмотру формально-типологических схем.— КСИИМК, вып. XXIX, 1949, с. 17—23.

Монография [А. П. Окладникова] по древней истории Якутии.— Летопись Севера, 1949, I, с. 296—300.

Новые надписи из Средней Азии.— ЭВ, III, 1949, с. 55—58.

Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня.— СА, XI, 1949, с. 337—384.

Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана.— ИАН КазССР, № 67. Серия археол., вып. 2, 1949, с. 59—99.

Рец. на кн.: Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948.— СЭ, 1949, № 3, с. 226—230.

Рец. на кн.: С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.— ИАН СССР. Серия ист. и филос., т. 6, 1949, № 1, с. 93—96.

Советская археология Средней Азии.— КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, с. 5—17.

1950 г.

Архитектурные памятники Киргизии. М.— Л., 1950, 146 с.

Материалы к изучению архитектуры киргизов и казахов XVIII—XIX вв. в Семиречье (Предварительное сообщение), КСИЭ, вып. X, 1950, с. 64—76.

Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». — В кн.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.—Л., 1950, с. V—LV.

Рец. на кн.: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1949.—ВЛУ, 1950, № 4, с. 164—168.

Рец. на кн.: А. П. Окладников. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск, 1949.—СК, 1950, № 5, с. 69—72.

Русская советская уйгуристика.— ИАН КазССР. Серия уйгуро-дунганской культуры, вып. 1, 1950, с. 73—83.

Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». Сост. под рук. А. Н. Бернштама. М.—Л., 1950, 158 с. (МИА № 14). А. Н. Бернштам автор «Введения», заключения и большинства глав.

1951 г.

Древнетюркский документ из Согда. (Предварительное сообщение).—ЭВ, V, 1951, с. 65—75.

Древнетюркское письмо на р. Лене.—ЭВ, IV, 1951, с. 76—86.

Древний Отрар. (Предварительный отчет Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1948 г.).—ИАН КазССР. Серия археол., вып. 3, 1951, с. 81—97.

Древний Тянь-Шань.—КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, с. 140—144.

Древняя Фергана (Научно-популярный очерк). Ташкент, 1951, 48 с.

Находки у оз. Боровое в Казахстане.—СМАЭ, 13, 1951, с. 216—229.

Некоторые данные к этногенезу туркмен.—СЭ, 1951, № 4, с. 199—201.

Новый тип тюркешских монет.—Туркологический сборник, I. М.—Л., 1951, с. 68—72.

Очерк истории гуннов. Л., 1951, 256 с.

Очерки древней и средневековой истории уйгурского народа. Алма-Ата, «Казак Эли», 1951, 280 с. На уйгур. яз.

Памиро-ферганская археолого-этнографическая экспедиция. (Археол. работы 1950 г.).—Тезисы докладов на сессии ОИФ и пленуме ИИМК, посвящ. итогам археол. исследований 1946—1950 гг. М., с. 46—48.

Постройка Чалдывар на реке Манакельды в Центральном Тянь-Шане — Архитектура республик Средней Азии. Сб. статей. М., 1951, с. 241—250.

1952 г

Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.—Л., 1952, 347 с. (МИА, № 26).

Наскальные изображения Саймалы-Таш.—СЭ, 1952, № 2, с. 50—68.

Очерки по истории Киргизской ССР. Ч. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1952, 260 с. На правах рукописи. Гл. II—III. Дофеодальные государства на территории Казахстана. Первые феодальные государства Южного Казахстана. Кыпчаки, с. 62—86.

Рец. на кн.: И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц и М. Е. Массон. Налоговые парфянские документы II в. до н. э. из Нисы. М.—Л., 1951.—ИАН СССР. Серия ист. и филос., т. 9, 1952, № 2, с. 203.

Рец. на кн.: С. Е. Малов. Памятники древне-тюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951.—ЭВ, VI, 1952, с. 113—115.

Тюрки и Средняя Азия в описаниях Хой Чао (726).—ВДИ, 1952, № 1, с. 187—195.

Уйгурская надпись из Эрши (Фергана).—ЭВ, VI, 1952, с. 101—105.

1954 г.

В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня.— В сб.: По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954, с. 261—304.

1955 г.

[Выступления на сессии].— В сб.: Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, с. 110—112 и 522—523.

Историческая география Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— ИВГО, т. 87, 1955, вып. 1, с. 42—53.

К вопросу о происхождении киргизского народа.— СЭ, 1955, № 2, с. 16—26.

1956 г.

История Киргизии. Т. I. Фрунзе, 1956, гл. II—IV. Племенные союзы на Тянь-Шане и Енисее (В соавторстве с А. П. Окладниковым).— Киргизстан в эпоху сложения раннефеодальных отношений в Средней Азии (В соавторстве с А. П. Окладниковым).— Киргизы и Киргизстан под игом монгольских, джунгарских и кокандских завоевателей (В соавторстве с С. С. Черниковым, В. А. Ромодиным и А. П. Кондратьевым), с. 42—185.

Древнетюркские рунические надписи из Ферганы.— ЭВ, XI, 1956, с. 54—58.

К происхождению мавзолея Бабаджи Хатун.— КСИИМК, вып. 61, 1956, с. 86—95.

Максимилиан Эммануилович Воронец (1883—1954).— СЭ, 1956, № 3, с. 153—154.

О появлении киргизов на Тянь-Шане в IX—X вв.— СВ, 1956, № 4, с. 118—125.

Рец. на кн.: Я. М. Свет. По следам путешественников и мореплавателей Востока. Очерки М., 1955.— ИВГО, т. 88, 1956, вып. 4, с. 410—411.

Саки Памира.— ВДИ, 1956, № 1, с. 121—133.

Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа.— Тезисы докладов и содокладов на научной сессии об этногенезе киргизского народа 10—14 ноября 1956 г. Фрунзе, 1956, с. 3—7.

1957 г.

Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии.— КСИЭ, вып. XXVI, 1957, с. 18—21.

1958 г.

Новые древнегреческие и китайские эпиграфические находки.— ЭВ, XII, 1958, с. 67—70.

Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа.— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. III. Фрунзе, 1959, с. 17—22.

1959 г.

Кроме того, 72 мелкие статьи и заметки опубликованы в различных периодических изданиях, в том числе в республиканских и областных газетах Средней Азии.

С. С. ЧЕРНИКОВ

О ТЕРМИНЕ «РАННИЕ КОЧЕВНИКИ»¹

Понятие «ранние кочевники» было впервые введено в научный оборот М. П. Грязновым в 1939 г.² Этот термин, получив с тех пор довольно широкое распространение в трудах советских археологов, применяется пока главным образом к территории Южной Сибири, Алтая и Казахстана. Он характеризует продолжительную историческую эпоху развития племенных и этнических образований, с основой хозяйства, — кочевым скотоводством и определенный круг памятников материальной культуры. Конкретно — это время с VIII в. до н. э. по первые века нашей эры (верхняя дата еще весьма неточная).

Термин «ранние кочевники» употребляется потому, что в письменных источниках (китайских, античных и иранских) нет такого общего названия, которое могло бы с достаточной полнотой характеризовать всю эту эпоху на упомянутых территориях. В других степных районах тот же исторический период называют конкретнее. В Причерноморье — это скифская, а позднее — сарматская эпоха, в Южном Казахстане и Киргизии — сако-массагетская, позднее усуньская эпоха, в Прибайкалье и Центральной Азии — гуннская.

Первое из этих определений «скифская эпоха» или «скифское время», следуя традиции, восходящей к античным авторам, до сих пор употребляется и более расширительно. Под ним часто подразумеваются вообще все кочевые культуры I тысячелетия до н. э. Такое подражание греческим и римским историкам заставляет некоторых наших исследователей искать скифов на Алтае и чуть ли не в Монголии, искажая тем самым особенности эпохи³.

Основной недостаток такого этнонимического определения длительного и сложного исторического периода, к тому же и на огромной территории, состоит в том, что внимание концентрируется на особенностях какого-либо одного, лучше всего известного этнического образования, в данном случае — скифов, поэтому стираются локальные отличия исторического развития других этнических групп, не прослеживается то общее, что свойственно всему периоду в целом.

¹ Вопросы, затрагиваемые в настоящей статье, были особенно близки А. Н. Бернштаму и всегда вызывали у него живой интерес. Многие здесь выяснено и уточнено в результате бесед и споров с ним, под его непосредственным влиянием.

² История СССР (макет). Ч. II, гл. 6, § 3. «Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана». Изд. ИИМК АН СССР, 1939.

³ С. Боговка. Scythian Art. Лондон, 1928; С. И. и Н. М. Руденко. Искусство алтайских скифов. М., 1949, и другие работы.

Для всей этой эпохи на пространстве евразийских степей правильнее применить более общий термин — «ранние кочевники», которым должен называться конкретный период развития человеческого общества, с присущими ему закономерностями на определенной территории.

Понятие «Древний Восток», объединяющее историю ранних рабовладельческих государств, основанных на ирригационной системе хозяйства, отнюдь не заслоняет от нас своеобразие исторического развития и культуры Египта, Месопотамии, Ирана и т. д. Также и термин — «ранние кочевники» не должен заслонять характерные черты скифов, саков, гуннов и т. д., подчеркивая лишь то общее, что им свойственно и что отличает их от народов с иной системой хозяйства.

Попытаемся кратко сформулировать, в чем же заключаются особенности исторического развития кочевников вообще, а затем определить специфические черты эпохи ранних кочевников как эпохи появления и формирования кочевого скотоводства на огромных территориях Азии и Европы¹.

Уточним сперва, где появляются кочевники, какие физико-географические условия наиболее благоприятствуют появлению и развитию именно этой системы хозяйства.

Это — великий пояс степей, простирающийся в широтном направлении от среднего Дуная до Китайской сельскохозяйственной равнины, включая в себя на востоке пустыни Туркмении и Казахстана, Гоби и Такламакан. С севера его ограничивает полоса лесостепи; южная граница более разнообразна и извилиста. Она проходит по северному берегу Черного моря и Кавказскому хребту, далее через страны поливного земледелия Средней Азии, горную систему Тянь-Шаня и Тибетское нагорье. В меридиональном направлении этот пояс как бы разрезан на три части отрогами Алтая и Тянь-Шаня, Уралом и Каспийским морем (Монгольские, Казахстанские и Причерноморские степи). Естественно, что на таком огромном пространстве мы наблюдаем большую разницу в физико-географических условиях, и Монгольские степи не похожи ни по климату, ни по растительному покрову и почвам на Причерноморские. Однако всем им присущи два общих свойства: отсутствие больших лесных массивов и невозможность широкого развития первобытного земледелия², в силу относительно слабой обводненности и тяжелых почв, почти недоступных примитивным сельскохозяйственным орудиям. Обрабатываться могли лишь сравнительно небольшие участки в поймах степных и предгорных рек. Естественно, что земледелие в условиях первобытного общества и не могло стать здесь единственной основой существования. Степные же пастбища, в соединении с горными, давали возможность для содержания больших стад скота в течение круглого года на подножном корму. Но, в отличие от сельскохозяйственных стран, эти пастбища почти всегда разбросаны на большой территории.

Таким образом, своеобразие физико-географических условий степной полосы оказало сильнейшее влияние на конкретные особенности исторического развития обитавших здесь племен и на их хозяйство. В степях зародилась и получила полное развитие особая, односторонне развитая отрасль хозяйства — кочевое скотоводство. В иных природных условиях возникали и

¹ Эти вопросы частично рассматривались на Ташкентской сессии АН СССР и академий среднеазиатских республик (доклад Л. П. Потапова). См. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, стр. 17 и др. Общие проблемы особенностей кочевого общества затрагиваются в работах: Б. Я. Владимирцев. Общественный строй монголов. Л., 1934; В. М. Кун. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии. — Уч. записки Ташкентского пед. ин-та им. Низами. Серия общ. наук, вып. 1. Ташкент, 1947. Об особенностях развития ранних кочевников см. М. П. Грязнов. Некоторые вопросы сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. — СЭ, 1956, № 1, стр. 19.

² Как ирригационного, так и основанного на естественном орошении полей.

развивались и иные формы скотоводства. В горных местностях — это яйлажное содержание скота, с перегонем его на альпийские луга летом и в долины зимой, в южных земледельческих районах — стойловое, с ограниченным выпасом, в лесной полосе — также стойловое, с кормозаготовками на зиму. Кочевое скотоводство, как доминирующую форму хозяйства, мы наблюдаем не только в степной полосе Евразии, но и в некоторых районах Переднего Востока, Южной и Северной Африке, Северной Индии и, наконец, в Северной Азии (на оленеводческой основе), но там оно бытовало на сравнительно небольших территориях, имело свои исторические предпосылки и свою специфику.

Рассматривая своеобразие исторического развития кочевого мира, необходимо учитывать, что, так сказать, «чистых» кочевников-скотоводов никогда не существовало и речь может идти лишь о преобладающей, но не единственной отрасли хозяйственной деятельности. Земледелием в той или иной мере занимались и сами кочевники и жившее рядом и среди них оседлое население, что сильно затрудняет понимание тех или иных исторических событий, связанных со степными территориями.

Но это не снимает возможность и необходимость рассмотрения истории кочевников как особого явления, отличающегося целым рядом существенных черт от истории земледельческих стран. В чем же заключается это, свойственное кочевому обществу, своеобразие? Исторические факты показывают следующее:

1. У кочевников не было рабовладельческой формации, хотя рабовладельческий уклад существовал очень длительное время и прослеживается достаточно четко (домашнее рабство, раб-ремесленник и раб-товар).

2. Процессы классообразования, консолидация господствующего класса и образование государства идут крайне медленно, долго задерживаются на стадии «военной демократии» и имеют очень нечеткие и примитивные формы. Социальная организация кочевников не поднимается выше уровня патриархально-феодальных отношений. Сильные пережитки первобытно-общинного строя характеризуют все дальнейшее развитие кочевых обществ. Феодалная эксплуатация облекается в родо-племенную оболочку¹.

3. Классовая иерархия, формы государственного устройства и правовые институты, даже в своем наиболее развитом виде, никогда не достигают такой выработанности и четкости, как в обществе земледельческом (например, Тюркский каганат, империя Чингиз-хана, Джунгарское государство и т. д.). Все, без исключения, кочевые государственные образования непрочно и недолговечны.

4. Процессы этногенеза также идут медленно и прослеживаются с трудом. Названия племен и народов часто меняются, создавая впечатление сплошных переселений (например, в Семиречье — саки, усуни, дулу и нушеби, тюргеши, карлуки, ягма, чигилы, каракитаи, найманы, племена старшего жуза и киргизы). Крупные племенные объединения непрочно, и процесс образования народностей часто обрывается (авары, кипчаки, хазары, джунгары и др.). В более или менее законченном виде кочевые народности складываются очень поздно (XIII—XV вв. н. э.).

5. Для всей истории кочевников наиболее характерны непрерывные военные столкновения и между собой и с земледельческими странами, расположенными по границам степи. Являясь сами варварской периферией рабовладельческого, а затем феодального мира, они оказывают на него непрерывное (преимущественно военное) давление, в свою очередь подвергаясь сильному воздействию более высокой оседлой культуры. Однако от первых

¹ Причины такой застойности и медлительности исторического процесса кроются в экономике кочевого хозяйства, но этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи.

По этой же причине не касаюсь я здесь и хозяйственного, и военного значения верхового жонья.

киммерийских походов VIII в. до н. э. и до монгольского завоевания XVIII в. н. э. (а в ряде мест и позднее) опасность нашествия кочевников была самой реальной и страшной угрозой для стран, соседящих со степью.

6. Передвижение больших масс кочевников идет, главным образом, с востока на запад (скифы, сарматы, гунны, болгары, авары, печенеги, половцы, татаро-монголы, калмыки). Крупные походы совершали кочевники на юг (киммерийцы, скифы, саки, сельджуки), на восток (хунны, тюрки, монголы) и значительно реже и в меньших масштабах — на север.

7. Вся организация общества носит в значительной степени военный характер. Для кочевников характерна массовость и хорошая организованность армии, большая подвижность крупных конных масс. Набеги кочевников сопровождалась грабежом и уничтожением населения, угоном скота, разрушением городов, сельскохозяйственных сооружений и вообще всех ценностей, которые кочевники не могли взять с собой.

Таковы факты, показывающие, что кочевые племена и народности на своем историческом пути, подчиняясь общим законам исторического развития, имели свою специфику, отличающую их от населения стран оседлых, с земледельческой системой хозяйства. Это дает нам право рассматривать кочевое скотоводство как специфическое явление в общем ходе исторического процесса, которое нуждается еще в детальном конкретном изучении.

Переход к кочеванию на определенной ступени развития производительных сил, у степных и лесостепных племен эпохи бронзы явился подлинным переворотом не только в их хозяйственной деятельности, но и в материальной культуре, быте, мировоззрении и социальной организации¹. Кочевое скотоводство было явлением несомненно прогрессивным, так как по сравнению с предшествующим, пастушеско-земледельческим хозяйством, оно давало неизмеримо большее количество прибавочного продукта. Были освоены громадные территории пустынных до того степей. Дальние перекочевки и походы способствовали быстрому обмену культурными ценностями, а одинаковый образ жизни создавал предпосылки единства отдельных элементов яркой и самобытной культуры и искусства, которые так хорошо прослеживаются на археологическом материале (так называемый «звериный стиль», конская сбруя, оружие).

Следовательно, эпоха «ранних кочевников» — это эпоха разложения родового строя у кочевых племен, эпоха «военной демократии» до появления патриархально-феодальных отношений. В силу особенностей кочевого хозяйства она продолжается свыше тысячелетия. Здесь можно наметить два периода. В VIII—III вв. до н. э. складываются крупные союзы племен — скифы, саки, савроматы, юечжи и др., которые были еще грозной опасностью для соседних земледельческих государств. Для них характерен способ кочевания большой ордой (племенем), находящейся в непрерывном, медленном, круглогодичном движении². Усиливается политическая и экономическая власть племенных вождей. Богатые курганы, свойственные только этому периоду, — это внешнее выражение процесса все более укрепляющейся политической и хозяйственной мощи племенной верхушки³.

Крупные, хотя до сих пор и не совсем еще ясные, изменения происходят в кочевом мире в III—II вв. до н. э. Появляются первые, еще очень нечеткие

¹ Нашей территории — это конец андроновской и срубной культуры.

² М. П. Грязнов. Указ. соч.

³ Такие, как Ульский курган, Келермес, Чертомлык, Солоха, Куль-оба, Пазырыкские курганы и многие другие. Позднее пышный погребальный обряд еще сохраняется, но драгоценных вещей и, что характерно, лошадей уже значительно меньше (сарматские курганы типа Воздвиженского и Хохлач, Ноин-Ула и др.). Видимо, здесь в какой-то степени меняется порядок наследования имущества умершего вождя, нашедший отражение в погребальном обряде.

государственные образования — хунну, усунь, кангюй, скифское царство в Крыму.

Пример скифского царства, а также государства юечжей-кушанов показывает, что кочевая знать, захватившая земледельческие области, очень быстро переставала быть кочевой и становилась рабовладельческой знатью.

Вероятно в этот период исчезает родовая собственность на скот, звание вождя становится наследственным, консолидируется степная аристократия, распоряжающаяся общинными пастбищами. Стада, принадлежащие вождям, видимо, начинают пасти уже отдельно от стад всего племени (усунь). Создаются предпосылки для перехода к патриархально-феодальным отношениям, которые начинают складываться в первых веках нашей эры, но ввиду недостаточности материала, проследить четко этот процесс сейчас невозможно. Однако несомненно, что в это время в кочевом мире происходят серьезные изменения, позволяющие говорить уже о совершенно другой эпохе, с новым историческим содержанием. Черты феодального строя вырисовываются все более явственно. Меняются формы материальной культуры, исчезает «звериный стиль» и богатые большие курганы. Перекочевки небольшими, имущественно неравноценными группами, получают все большее распространение и, наконец, становятся господствующими¹. Возникают огромные, но кратковременные кочевые государства с более или менее ясно выраженной феодальной иерархией (сяньби, жуань-жуани, авары, уйгуры, тюрки, кидане). Все эти процессы завершаются появлением империи Чингисхана — исторической вершины кочевого могущества.

В связи с этим термин «поздние кочевники» практически не нужен, так как исторические судьбы складывающихся в это время отдельных кочевых народностей, уже хорошо известны и различаются с большой определенностью. Их совершенно правильно называют конкретными этническими наименованиями, а всех вместе — просто кочевниками, кочевыми народами.

Иное дело эпоха «ранних кочевников», имеющая, как мы видим, свои, свойственные только ей, характерные черты, как в общей линии развития, так и в материальной и духовной культуре. Каково же ее общен историческое значение?

Рабовладельческие государства, граничащие со степью, независимо одно от другого, все, в той или иной степени испытывали влияние кочевого мира и в свою очередь на него влияли. Вспомним походы киммерийцев и скифов в Переднюю Азию, многовековую борьбу Чжоуского и Ханьского Китая с кочевниками и постройку Великой китайской стены, походы Кира и Дария I против саков и скифов, появление греческих колоний в Северном Причерноморье, тысячелетние взаимоотношения кочевников и земледельцев в Средней Азии, определившие всю ее историю и, наконец — движение гуннов на Запад и их роль в падении Римской империи. Эти и многие другие факты позволяют нам сделать вывод, что ранние кочевники (так их и нужно называть) в значительной степени способствовали объединению исторических судеб многих и разных стран и народов в общий исторический процесс большей части Евразийского материка.

¹ Б. Я. Владимирцев. Указ. соч.

В. А. Ш И Ш К И Н

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ РЕМЕСЛЕ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ V—VIII вв.
ПО ПАМЯТНИКАМ ДРЕВНЕЙ ЖИВОПИСИ
(ТЕКСТИЛЬ)

Многочисленные памятники искусства среднеазиатских народов времени разложения рабовладения и формирования феодальных отношений во-первых, важны для нас, как произведения искусства и, во-вторых, интересны в историко-этнографическом отношении; в них представлены костюмы, различного рода предметы обихода и т. п. Тщательно выполненные, хотя и отличающиеся некоторой условностью и схематичностью изображения различных предметов в стенной живописи дворцов и храмов существенно дополняют наши знания о материальной культуре того времени. Климатические и почвенные условия Средней Азии, за редкими исключениями, не благоприятны для сохранения таких предметов как ткани, дерево, кожа и т. п.¹ Обычно при раскопках мы их не находим. Поэтому основным и массовым археологическим источником для суждения о степени развития ремесленного производства служат обычно только керамические изделия, отражающие, конечно, состояние производительных сил в ту или иную эпоху, но несколько односторонне и недостаточно.

Эта краткая статья ставит своей задачей только наметить некоторые пути использования ценнейшего изобразительного материала росписей и посвящается одной из важнейших отраслей художественного ремесла — текстильному производству.

На стеновых росписях мы видим многие изображения орнаментированных тканей: одежда, завесы и драпировки, попоны, коврики. Росписи не дают возможности судить ни о фактуре тканей, ни о материале, из которого они изготовлены. Можно только угадывать, что часть из них, особенно ткани одежд, изготовлены из шелка, и что материалом для изготовления ковриков, по всей видимости, служила шерсть.

Из небольшого числа тканей, найденных на территории Узбекистана, очень интересен фрагмент шелковой ткани из раскопок на Балалык-тепе в Сурхандарьинской области, датируемый V—VI вв. н. э. Ткань эта шелковая, сложного переплетения, дающая узор «шевронов». Ее тонкость и

¹ К таким исключениям можно отнести куски грубой хлопчато-бумажной ткани из раскопок замка на горе Муг. См. С. В. Иванов. О находках в замке на горе Муг. — Изв. ООИ АН ТаджССР, Сталинабад, 1952, № 2, стр. 52. Незначительные обрывки ткани и фрагмент тонкого белого войлока известны из одного из замков времени «афригидской культуры» в Хорезме. См. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 150, табл. 57. Небольшие фрагменты тканей были открыты Сурхандарьинским отрядом (Л. И. Альбаум) Узбекисанской археологической экспедиции в слоях VI в на Балалык-тепе и на Джумалак-тепе.

тщательность выделки свидетельствуют о большом мастерстве изготовившего ее ткача. Одна эта находка показывает, что мастерами Средней Азии могли разрешаться достаточно сложные технические задачи текстильного производства. Если материал и фактура тканей, представленных в памятниках живописи, остаются не определены, то орнаментация их вполне ясна. Она передана в большом числе образцов, исключительно разнообразна по мотивам и вариантам узоров от самых простых — ромбических клеток, розеток, фигур в виде карточных «пик» и «червей», до сложных комбинаций из обрамленных «перлами» кругов, с помещенными в них изображениями животных, птиц и даже людей.

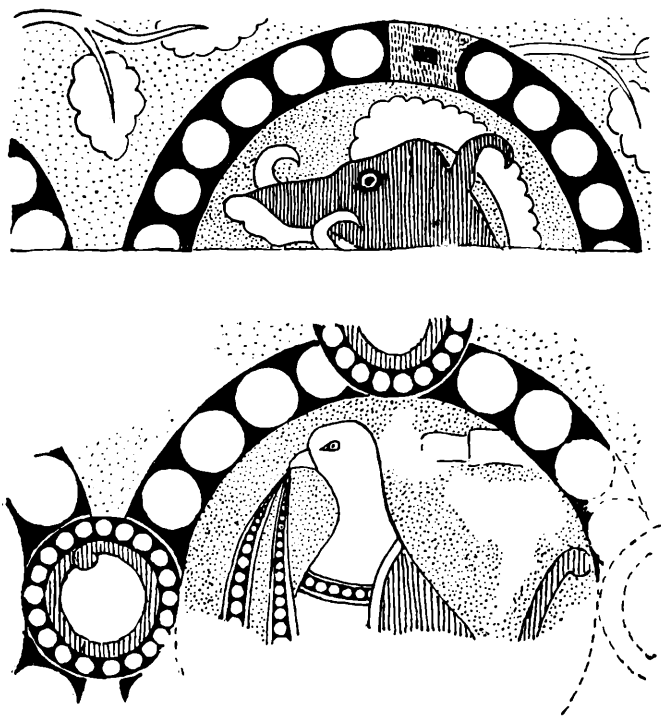

Рис. 1. Изображения тканей в стенной живописи Варахши.

Эта разновидность текстильного орнамента особенно богато представлена в росписях Балалык-тепе и Варахши (VII — начало VIII в.). Отметим известную по росписям Балалык-тепе ткань с изображением голов животных с высокими стоячими ушами (собак?) и профильных голов бородатых мужчин с «ассироидными» носами. На Варахше к этому типу текстильной орнаментации относятся изображения головы кабана и птицы с распростертыми крыльями, голубя (?) с ожерельем в клюве и развевающейся лентой (рис. 1). Менее отчетливо выявляется этот мотив в опубликованной пока части стенных росписей Пянджикента. Отметим полукруги с розетками в кайме попоны животного, изображающего, по-видимому, трон владетеля¹; сюда можно причислить изображение птицы в кайме под группой сидящих людей на восточной стене помещения 6 объекта III. Птица вкомпонована в полуовал, обрамленный такой же цепочкой перлов².

Можно допустить, что в живописи Балалык-тепе и Варахши могли быть представлены и импортные ткани, проникавшие в быт господствующей

¹ «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, табл. XXVII.

² Там же, табл. XXIV.

щей прослойки среднеазиатского общества по знаменитому «шелковому пути» из западных стран — преимущественно Ирана. Но это, как нам кажется, допустимо для отдельных случаев, а не для всего того богатства тканей, которое мы видим в росписях. Это подтверждается и рассказом Наршахи о «байт ат тираз» — мастерской в Бухаре, возможно дворцового характера, в которой изготовлялись ткани, ковры и занавесы, отличавшиеся настолько высоким качеством, что арабские сборщики подати выменивали полученные средства на ткани этой мастерской и «так иногда бывало, что за одну занавес, предназначавшуюся для халифа, расходовали весь харадж Бухары»¹. Бухарский историк, возможно, несколько преувеличивает, но все же его сообщение говорит о том, что бухарские ткани заслужили громкую славу своим высоким качеством. Там же сообщается и о тканях из бухарского селения Зандани, которые вывозились на запад вплоть до Сирии и Египта. В списке товаров, вывозившихся из Средней Азии в X в., сообщенном Макдиси, упоминается несколько населенных пунктов, славившихся текстильными изделиями. Кроме Бухары, «серебряными тканями», парчой и изделиями из шелка был известен Самарканд; особенно ценились «ведарийские ткани», изготовлявшиеся в самаркандском селении Ведар и в г. Дабусии².

Таким образом мы можем считать, что разнообразные и пышные ткани, изображенные в росписях, отражают высокий уровень мастерства Средней Азии того времени.

Рассмотрим ткани с большими кругами, располагающимся или в «шахматном» порядке, или — значительно чаще — по прямой квадратной сетке. Круги, украшенные цепочкой «перлов» или каким-либо другим простым орнаментом, внутри которых помещались розетки, животные, фантастические существа, а иногда и сложные многофигурные композиции с изображением людей³, служили излюбленным орнаментом богатых тканей, преимущественно шелковых, получивших исключительно широкое распространение — от Египта до Китая. По времени эти ткани относятся обычно к «сасанидскому» периоду, но традиции и привычка к ним оказались настолько сильны, что они изготовлялись, претерпевая ряд изменений, еще и в раннеисламское время в мастерских Египта, Передней Азии, Ирана и в других местах⁴. Известен этот орнамент в Византии, проник он и в древнюю Русь, как это видно на фресках Киевской Софии и Спаса на Нередице в Новгороде в одеждах дочерей княгини Ирины и князя Ярослава Всеволодовича. Местные отголоски этой традиции мы можем видеть, возможно, даже в поздних бухарских «сузани», для которых круг с розеткой внутри весьма характерен. Образцы орнамента этого же типа обнаружены и на тканях, и в стенных росписях Восточного Туркестана⁵. Отзвуки этого мотива в ви-

¹ Наршахи. Каганская литография, стр. 29—30. Сведения о том, что ткани этой мастерской включались в подать Бухары, сообщает также Белазури (пер. F. G. Murgot-ten, II, New-York, 1924, стр. 167).

² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II. СПб., 1900, стр. 245—246; «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1. Ташкент, 1956, стр. 197.

³ Особенно сложными были эти композиции в Византии и Египте, где в круг вкомпоновывались многофигурные сцены из Библии и Евангелия (например, коптские ткани Эрмитажа с вытканными в них сценами из жизни Иосифа).

⁴ Образцы таких тканей в «Survey of Persian art», т. VI, табл. 981 и сл. Элементы старого стиля, вкомпонованные в позднейшие орнаментальные композиции, нередки в мастерских Дамаска, Фустата и Туниса. См. статьи: F. E. Day. The tiraz silk of Merwan.— Сб. «In memoriam Ernst Herzfeld». New-York, 1955; E. Kuhnelt. Four remarkable tiraz textiles.— Там же.

⁵ A. Stein. Ancient Central-Asian tracks. London, 1933, стр. 268—269, рис. 124; A. Grünwedel. Altbuddhistische Kultstätten in chinesischem Turkistan. Berlin, 1912, стр. 78, рис. 712. O. V. Falke. Kunstgeschichte des Seidenweberei, Berlin, 1913, стр. 98; С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. СПб., 1914, стр. 68, рис. 57.

де явных подражаний, а иногда почти точного воспроизведения западных образцов известны в Китае¹ и даже в Японии².

В решении вопроса о происхождении манеры украшать ткани большими кругами из «перлов» с изображениями, помещенными внутри этих кругов, необходимо учесть и более ранние примеры, чем коптские, византийские и иранские сасанидские ткани. Кругами с розетками украшены еще костюмы в ассирийских рельефах; цепочки перлов в виде белых кружков обрамляют кафтаны воинов на известном майоличном фризе из Суз ахеменидского времени, а одежда сака на плакетке из аму-дарьинского клада украшена изображением птиц³. Следовательно, отдельные элементы этого орнамента мы встречаем в Передней и Средней Азии уже в весьма отдаленные времена.

Независимо от места зарождения интересующего нас орнамента, остается несомненным наличие широкого обмена между названными странами в области техники изготовления и орнаментально-художественного оформления. Население Средней Азии принимало в этом широком международном обмене активное участие.

Интересные аналогии мы находим в Восточном Туркестане. Укажем фрагмент шелковой ткани, обнаруженной А. Стейном на кладбище Астана в Турфане⁴. На ткани в круге из белых перлов помещена голова кабана. Подобное изображение кабана есть в росписях «восточного зала» Варахши, в бордюре, окаймляющем завесу или драпировку. Не менее интересно сопоставление варахшинского изображения ткани с фигурой птицы (голубя?), держащей ожерелье в клюве, с подобным изображением, известным по росписям Кызыла, где также в кружках из перлов находятся птицы (утки), держащие в клювах girлянды из драгоценностей⁵.

Большое сходство между этими образцами из Средней Азии и Восточного Туркестана не может быть случайным. Наиболее возможное объяснение этого явления, как нам кажется, заключается в том, что как те, так и другие ткани создавались среднеазиатскими мастерами или под влиянием среднеазиатского текстильного ремесла. Основанием для такого объяснения служит общеизвестный факт проникновения согдийцев в Западный Китай, и существование в бассейне Лоб-Нора согдийских колоний, поддерживающих связи с Согдом. Надо полагать, что через среднеазиатских мастеров и торговцев ткани с узорами в крутах проникли и в собственно китайское текстильное искусство.

Тканями, украшенными кругом с розетками или изображениями в нем, не исчерпывается разнообразие узоров тканей, представленных в стенных росписях Средней Азии. Но все то, чем мы располагаем в настоящее время, уже говорит об орнаментальном богатстве, живой фантазии и высоком мастерстве среднеазиатских ткачей.

¹ A. Stein. *Serindia*. T. IV, табл. CV—CVI, CXI, CXVI. Oxford, 1921; O. Dalton. *East Cristian art*. Oxford, 1925, стр. 352; Н. В. Дьяконова. Китайская шелковая набойка из Дунхуана.— *Сообщ. Госуд. Эрмитажа*, VI, 1954, стр. 28—30.

² Ткани VII—VIII вв. в храмах Нара.

³ O. Dalton. *The treasure of the Oxuss*. London, 1926, табл. XV. О параллели между этими изображениями и птицами на одежде Хосрова II в рельефах Таки-Бустана. См. R. Pfister. *Etudes textiles*.— *Revue des arts asiatiques*, т. VIII, № 2, стр. 72 и сл.

⁴ A. Stein. *Ancient Cental-Asian tracks...*, рис. 124; A. Grünwedel. *Alt buddhistische Kultstätten...*, стр. 331.

⁵ С. Ф. Ольденбург. Указ. соч., стр. 68, рис. 57; A. Grünwedel. Указ соч., стр. 78, рис. 172.

В. В. ГИНЗБУРГ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА САКОВ
ЮЖНОГО ПАМИРА

Антропологические материалы из многолетних раскопок А. Н. Бернштама на Памире исключительно интересны для решения многих вопросов этногенеза сакских племен. Мы уже имели возможность изучить и опубликовать материалы, собранные в 1946—1948 гг. преимущественно в районе Тамды-Хоргуша¹. В настоящей работе рассматриваются материалы экспедиций 1952 и 1956 гг. в Ак-беите на р. Аксу и в других близлежащих местах, на самом юго-востоке Памира. Обе группы близки территориально. Близки они и по материальной культуре, хотя А. Н. Бернштам отмечал и некоторое своеобразие каждой из этих групп². В Тамдинской группе отмечается большее влияние элементов культуры из районов Тянь-Шаня — Алая и Семиречья. В Ак-беитской группе прослеживаются связи и с восточными и юго-восточными от Памира областями (Восточный Туркестан, Ордос и Тибет). Поэтому было интересно сопоставить Тамдинскую и Ак-беитскую группы и в антропологическом отношении (см. табл. 2).

Мы изучили 15 черепов. Приводим их краткую характеристику, что не было сделано в прошлой публикации. В таблицу индивидуальных измерений включено десять наилучше сохранившихся черепов — 5 мужских и 5 женских (табл. 1).

Ак-беит, курган 3 (табл. 1, № 3). Мужчина зрелого возраста. Крупный череп с узкой черепной коробкой долихокранного типа со значительно наклоненным лбом, выше среднего развитым надпереносьем и значительно выступающими надбровными дугами. Лицо узкое, высокое, средневыступающее в горизонтальной плоскости, с малоуглубленными клыковыми ямками, высокими глазницами и резко выступающим носом. Антропологический тип — европеоидный средиземноморский (протосредиземноморский).

Ак-беит, курган 4, нижнее погребение, скелет 1. Мужчина возмужалого возраста. Череп сломан. Черепная коробка долихокранного типа (черепной указатель — 72), со среднеразвитыми надбровными дугами. Лицо низкое, узкое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости, с глубокими клыковыми ямками, средневысокими глазницами и узким, резко выступающим носом. Антропологический тип — европеоидный, средиземноморский.

Ак-беит, курган 4, нижнее погребение, скелет 2. Мужчина возмужалого возраста. Фрагменты черепа с очень узкой, длинной черепной коробкой, со средненаклоненным лбом и слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Обломки верхнечелюстных костей европеоидного типа. Антропологический тип — европеоидный долихокранный.

Ак-беит, курган 4, погребение 2 (табл. 1, № 9). Женщина зрелого возраста. Средние резцы верхней челюсти выбиты в молодости. Черепная коробка долихокранного типа со

¹ В. В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. — КСИЭ, XI, 1950.

² А. Н. Бернштам. Историко-археологические памятники Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26, 1952; его же. Саки Памира. — ВДИ, 1956, № 1, стр. 189—206.

средненаклоненным лбом, слабо развитым надпереносьем и средневыступающими надбровными дугами. Лицо узкое, низкое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости, с глубокими клыковыми ямками, средневысокими глазницами и значительно выступающим носом. Антропологический тип — европеоидный средиземноморский.

Ак-бент, курган 5. Мужчина возмужалого возраста. Сломанный череп. Черепная коробка долихокранный типа (черепной указатель 71,3) со средненаклоненным лбом, средне развитым надпереносьем и значительно выступающими надбровными дугами. Лицо значительно выступающее в горизонтальной плоскости со среднеуглубленными клыковыми ямками, высокими глазницами и узким, резко выступающим носом. Антропологический тип — европеоидный средиземноморский.

Ак-бент, курган 6, нижнее захоронение (табл. 1, № 4). Мужчина старческого возраста (рис. 2—3). Гиперморфный череп долихокранный типа со среднепокатым лбом и значительно развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо узкое, средневисокое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости, со среднеуглубленными клыковыми ямками, высокими глазницами и резко выступающим носом. Антропологический тип — европеоидный средиземноморский (протосредиземноморский).

Ак-бент, курган 8. Мужчина старческого возраста. Обломки крупного, массивного черепа. Черепная коробка долихокранный типа с значительно наклоненным лбом и выше среднего развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Клыковые ямки среднеуглубленные. Антропологический тип — долихокранный европеоидный.

Ак-бент, курган 22 (табл. 1, № 1). Мужчина, недавно достигший возмужалого возраста (рис. 2—2). Черепная коробка долихокранный формы, высокая, со средненаклоненным лбом и среднеразвитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо узкое, низкое, средневисокое в горизонтальной плоскости, с малоуглубленными клыковыми ямками, средневысокими глазницами и резко выступающим носом. Антропологический тип — европеоидный, средиземноморский.

Ак-бент, курган 29 (табл. 1, № 6) Женщина старческого (?) возраста. Луночковые отростки верхних челюстей совершенно атрофированы, черепные швы, однако, не начали зарастать. Черепная коробка долихокранный типа со средненаклоненным лбом, среднеразвитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо низкое, узкое, средневисокое в горизонтальной плоскости со среднеуглубленными клыковыми ямками, низкими глазницами и значительно выступающим носом. Антропологический тип — европеоидный средиземноморский.

Ак-бент, курган 23 (табл. 1, № 7). Женщина старческого (?) возраста. Луночковые отростки верхних челюстей атрофированы, но черепные швы не начали зарастать. Черепная коробка долихокранный типа, со средненаклоненным лбом, со среднеразвитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо низкое, средневисокое в горизонтальной плоскости, со среднеуглубленными клыковыми ямками и значительно выступающим носом; глазницы низкие. Антропологический тип — европеоидный средиземноморский.

Ак-бент, курган 27 (табл. 1, № 2). Мужчина на грани юношеского и возмужалого возраста. Очень высокий, узкий череп со средненаклоненным лбом и слабо выраженными надпереносьем и надбровными дугами. Лицо узкое, низкое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости, с малоуглубленными клыковыми ямками, средневысокими глазницами и значительно выступающим носом. Антропологический тип — европеоидный, средиземноморский.

Ак-бент, курган 28 (табл. 1, № 8). Женщина старческого (?) возраста. Полная атрофия луночковых отростков, а швы еще не начали зарастать. Черепная коробка долихокранный типа со средненаклоненным лбом, среднеразвитым надпереносьем и значительно выступающими надбровными дугами. Лицо низкое, среднеширокое, средневисокое в горизонтальной плоскости с малоуглубленными клыковыми ямками, средневысокими глазницами и резко выступающим носом. Антропологический тип — европеоидный средиземноморский.

Тохтамыш, курган 1, погребение 1 (табл. 1, № 10). Женщина старческого возраста. Частично сломанный очень грациальный череп. Метопический шов не облитерирован. Черепная коробка долихокранный типа с прямым лбом и слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо узкое, средневисокое в горизонтальной плоскости, со среднеглубокими клыковыми ямками, средневысокими глазницами и средне или значительно выступающим носом. Антропологический тип — европеоидный средиземноморский.

Тохтамыш, курган 1, погребение 2. Мужчина старческого возраста. Череп сломан. Черепная коробка, по-видимому, долихокранный типа со средненаклоненным лбом. Лицо значительно выступающее в горизонтальной плоскости, со среднеуглубленными клыковыми ямками и узким, резко выступающим носом. Антропологический тип — европеоидный средиземноморский.

Бака-баши (табл. 1, № 5). Мужчина зрелого возраста (рис. 2—1). Черепная коробка очень узкая, долихокранный типа с прямым лбом, среднеразвитым надпереносьем и слабо выступающими надбровными дугами. Лицо узкое, средневисокое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости с среднеуглубленными клыковыми ямками, средневысокими глазницами и узким, значительно выступающим носом. Антропологический тип — европеоидный средиземноморский.

Таблица индивидуальных измерений черепов саков юго-восточного Памира
(Ак-бентская группа)

№ черепа по порядку. Инвентарный № МАЭ.	VI—IV вв. до н. в.										VI—IV вв. до н. в.									
	1 6215—3		2 6215—6		3 6092—1		4 6092—3		5 6092—13		6 6215—4		7 6215—5		8 6215—8		9 6092—5		10 6092—11	
	Ак-бент курган 22	Ак-бент курган 27	Ак-бент курган 3	Ак-бент курган 6, нижн. захорон.	Бака-баши	Ак-бент курган 29	Ак-бент курган 23	Ак-бент курган 28	Ак-бент курган 4, погребение 2	Тохламыш курган 1, погребение 1										
Место находки	VI—IV вв. до н. в.																			
Датировка	Мужчины										Женщины									
	возмужалый	юн-возмужалый	зрелый	старческий	зрелый	старческий	старческий	старческий?	старческий?	старческий?	зрелый	старческий	старческий?	старческий?	зрелый	старческий				
1	185	196	193	187	187	118	117	117	115?	115?	180	183	180	180	179	172				
8	135	129?	130	130	130	102	103?	103?	96?	96?	131	133?	131	131	131	128				
17	135	148	133?	133	133	97	98?	98?	95?	95?	—	—	—	—	—	120				
20	116	121	110	113	113	—	—	—	—	—	107	—	107	111	93	106				
11	125	121	122	117	117	—	—	—	—	—	117	—	117	125	111	115				
9	94	94	97	96	96	96	96	96	90	90	98	90	98	96	90	92				
10	118	106	117	118	117	118	117	117	115?	115?	114	115?	114	115	112	115				
5	101	114	114?	102	102	102	103?	103?	96?	96?	—	—	—	98	96?	88				
40	93	109	110?	97	97	97	98?	98?	95?	95?	—	—	—	95?	87?	—				
47	117	115	135	—	—	—	119	119	—	—	—	—	—	—	101	—				
48	69	68	81	74?	74?	74?	73	73	68	68	70?	70?	70?	71	61	—				
45	129	121	126?	130?	130?	130?	120?	120?	126?	126?	124	124	124	135?	118?	126?				
46	90	93	91	93	93	93	96	96	96	96	88	88	88	88?	90?	—				
	93	93	91	92	92	92	95	95	96	96	87	87	87	93?	90?	—				
	20,3	24,0	23,9	24,0	24,0	24,0	24,0	24,0	24,4	24,4	20,0	20,0	20,0	22,5?	24,4?	—				
	Продольный диаметр черепа																			
	Поперечный »																			
	Высотный » (ba—br)																			
	Высотный » (po—br)																			
	Биаурикулярная ширина																			
	Наименьшая лобная »																			
	Наибольшая ширина лобной кости																			
	Длина основания черепа																			
	Длина » лица																			
	Полная высота лица (n—gn)																			
	Верхняя высота лица (n—pr)																			
	Скуловой диаметр																			
	Ширина средней части лица (zm—zm)																			
	Зигомаксиллярная ширина (по Абнтеру) (zm ₁ —zm ₁)																			
	Выступание субспинальной точки																			

№ черепа по порядку. Инвентарный № МАЭ	VI—IV вв. до н. в.									
	Мужчины					Женщины				
	возмужалый	юн-воз-мужалый	зрелый	старческий	зрелый	старческий	старческий	зрелый	старческий	старческий
Место находки	1 6215—3	2 6215—6	3 6092—1	4 6092—8	5 6092—13	6 6215—4	7 6215—5	8 6215—8	9 6092—5	10 6092—11
Датировка	Ак-бейт курган 22	Ак-бейт курган 27	Ак-бейт курган 3	Ак-бейт курган 6, нижн. захорон.	Бака-баш	Ак-бейт курган 29	Ак-бейт курган 23	Ак-бейт курган 28	Ак-бейт курган 4, погребение 2	Тохтамыш курган 1, погребение 1
Пол	Мужчины					Женщины				
Возраст	Мужчины					Женщины				
Зигомаксиллярный угол	133	125	124	125	126	126	131	128?	123?	—
Биорбитальная ширина (fmo—fmo)	97	94	98	98	95	90	96	100	91	—
Выступание назиона над линией fmo—fmo	20,2	19,4	23,6	18,4	22,3	13,1	17,7	17,8	16,4	—
Назомаллярный угол	135	135	128	139	130	148	140	141	140	—
Ширина носа	25	23	24	27	24	28	28	27	20	—
Высота носа	48	49	60	53	55	50	52	50	44	—
Дакриальная ширина	22,1	20,0	23,5	22,1	24,6	23,0	19,8	21,6	20,1	—
Дакриальная высота	12,6	—	12,4	13,2	9,6	15,2	13,7	14,3	11,7	—
Максиллофронтальная ширина	19,0	17,2	9,4	20,2	23,2	21,0	18,0	18,1	17,5	—
Максиллофронтальная высота	7,0	—	8,6	9,2	8,7	11,0	7,7	7,7	7,7	—
Симметрическая ширина	10,7	8,0	9,7	7,9	8,7	11,1	9,7	13,0	9,7	—
Симметрическая высота	5,7	—	6,6	4,3	3,7	7,0	5,8	6,3	3,6	—
Ширина орбиты (mf—ek)	42	42	44	42	41	40	42	44	40	34?
Ширина орбиты (d—ek)	39	39	39	39	39	35	38	40	37	32?
Высота орбиты	33	30	37	34	34	32?	32	33	32	27?
Длина зеба	37	45	38	43	50	—	41	43	—	—
Ширина зеба	34	32	35	31	41	—	34	38	—	—
Бигониальный диаметр	99	89	98	—	—	96	—	95	82	93
Горизонтальная окружность	521	525	530?	514	520	520	505	510	505	486

Таблица 1 (продолжение)

№ череп по порядку. Инвентарный № МАЭ	VI—IV вв. до н. э.									
	1 6215—3	2 6215—6	3 6092—1	4 6092—8	5 6092—13	6 6215—4	7 6215—5	8 6215—8	9 6092—5	10 6092—11
	Ак-бент курган 22	Ак-бент курган 27	Ак-бент курган 3	Ак-бент курган 6, нижн. зах. рон.	Бака-баши	Ак-бент курган 22	Ак-бент курган 23	Ак-бент курган 28	Ак-бент курган 4, погребение 2	Тохтамыш курган 1, погребение 1
Место находки	VI—IV вв. до н. э.									
Датировка	Мужчины					Женщины				
	возмужалый	юно-возмужалый	зрелый	старческий	зрелый	старческий	старческий?	старческий?	зрелый	старческий
Возраст										
32	Угол профиля лба (n—m)	80	82	76	78	80	78	72	82	—
72	Угол профиля лба (g—m)	72	77	68	69	72	70	76	74	—
73	Угол профиля лица	87	85	87	83	84	84	83	87?	—
74	Угол профиля средней части лица	95	90	90	85	87	86	85	91	—
75	Угол профиля альвеолярной части лица	74	76	78	74	72	75	72	70?	—
75 (1)	Угол носовых костей (к горизонталю)	50	53?	55	47	55	54	48	55	—
	Угол носовых костей (к профилю лица)	37	32?	32	36	29	30	35	32?	—
8:1	Указатели									
17:1	Черепной	72,97	65,82?	67,36	69,52	67,38	72,78	72,78	73,18	74,42
20:1	Высотно-продольный	72,97	75,51	68,91?	71,12	73,80	—	72,22	—	69,77
17:8	Высотно-продольный	62,70	61,73	56,99	60,43	—	59,44	61,67	51,96	61,63
20:8	Высотно-поперечный	100,0	114,73?	102,31	102,31	109,52	—	99,24	—	93,75
9:8	Высотно-поперечный	85,93	93,80?	84,62	86,92	—	81,68	84,73	70,99	82,81
9:10	Лобный	69,63	72,87?	74,62	73,85	72,22	74,81	73,28	68,7	71,87
9:45	Лобно-теменной	79,66	88,68	82,91	81,36	77,78	85,96	83,48	80,36	80,0
48:45	Лобно-скуловой	72,87	77,69	76,98?	73,85?	75,83?	79,03	71,11?	76,27?	73,02?
54:55	Лицевой (верхней части лица)	53,49	56,20	64,29?	56,92	60,83	56,45?	52,59?	51,69?	—
	Носовой	52,08	46,94	40,0	50,94	43,64	53,85	54,0	45,45	—

Таблица 1 (окончание)

№ черепа по порядку. Инвентарный № МАЭ	VI—IV вв. до н. в.										VI—IV вв. до н. в.										Тотальш курган 1, погребение 1
	Мужчины					Женщины					Мужчины					Женщины					
	возмужалый	юно-возмужалый	зрелый	старческий	зрелый	старческий	зрелый	старческий	зрелый	старческий	старческий	старше-ский?	старше-ский?	зрелый	старческий	старший					
52 : 51	Орбитный (mf)	78,57	71,43	84,09	80,95	82,93	80,0?	76,19	75,0	80,0	79,41										
52 : 51a	Орбитный (d)	84,62	76,92	94,87	87,18	87,18	91,43?	84,21	82,5	86,49	84,37?										
40 : 5	Базальный краниофациальный	92,08	95,61	96,49?	95,1	95,15?	—	—	96,94?	90,62?	—										
48 : 17	Вертикальный краниофациальный	51,11	45,95	60,9?	55,64?	52,9	—	—	54,62	—	—										
45 : 8	Поперечный краниофациальный	95,56	93,80?	96,92?	100,0?	95,24?	94,74?	94,66	103,05?	90,08?	98,44										
Subt IOW: 43	Назомаллярный	20,82	20,64	24,08	18,77	23,47	14,55	18,44	17,8	18,02	—										
	Зигмаксиллярный	21,83	25,81	26,26	26,09	25,26	25,42	22,99	14,19?	27,11?	—										
	Максиллофронтальный	36,84	—	91,49	45,54	37,5	52,38	42,78	44,0	44,0	—										
DS : DC	Дакриальный	57,01	—	52,76	59,73	39,02	66,09	69,19	66,2	58,21	—										
SS : SC	Симотический	53,27	—	68,04	54,43	42,53	63,06	59,79	46,46	37,11	—										
63 : 62	Ширины неба	91,89	71,11	92,11	72,09	82,0	—	82,93	88,37	—	—										
	Форма черепной коробки	Эллипс	Эллипс	Эллипс	Эллипс	Эллипс	Эллипс	Пентаг	Эллипс	Эллипс	Эллипс										
	Наклон лба (0—3)	2	2	3	2	1	1	2	2	2	1										
	Развитие надпереносья (1—6)	3	2	4	4	3	3	3	3	2	2										
	Развитие надбровья (1—3)	2	1	3	3	1	2	2	3	2	2										
	Глубина клыковой ямки (0—4)	1	1	1	2	1	2	2	1	3	2?										
	Горизонтальный профиль лица (1—3)	2	3	2	3	3!	3!	2	2	3	2										
	Выступание скулы (1—4)	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1										
	Выступание носа (1—3)	3	3	3	3	3!	3!	3	3	3	2										
	Передненосовая ось (1—5)	2	4	4	5	3	2	—	2	—	—										
	Нижний край носового отверстия	2	2	2	2	2	2	2	2	3	2										
	Высота орбиты	F. pr	Inf.	Ant.	Ant.	Ant.	Ant.	Ant.	F. pr.	Ant.	Ant.										
	Выступание затылка	3	2	3	3	2	2	1	2	2	2										
	Типологическая характеристика	2	3	3	3	3	2	3	3	3	3										
		Средиземноморский	Средиземноморский	Средиземноморский	Средиземноморский	Средиземноморский	Средиземноморский	Средиземноморский	Средиземноморский	Средиземноморский	Средиземноморский										

Таблица средних величин черепов саков Памира и сравнительные данные о саках-усунах Алая

	Место находки	Южный Памир			Южный Памир			Алай	
		Все		Таманская группа	Все		Таманская группа		
		Ак-бетская группа	Ак-бетская группа						
Датировка		VI—IV вв. до н. э.							
Под		Мужчины			Женщины				
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1	Продольный диаметр черепа	186,78 (9)	189,6 (5)	187,78 (14)	176,2 (5)	178,8 (5)	177,5 (10)	178,0 (6)	178,0 (6)
8	Поперечный »	132,78 (9)	130,0 (5)	131,78 (14)	129,8 (5)	130,8 (5)	130,3 (10)	139,86 (7)	136,17 (6)
17	Высотный » (ba—br)	135,71 (7)	137,4 (5)	136,42 (12)	129,5 (4)	125,0 (2)	128,0 (6)	136,8 (5)	130,75 (4)
20	Высотный » (ro—br)	113,25 (8)	115,0 (4)	113,83 (12)	110,5 (4)	104,2 (4)	107,37 (8)	117,0 (6)	115,33 (6)
11	Бинаурикулярная ширина	119,86 (7)	121,2 (4)	120,36 (11)	121,0 (3)	117,0 (4)	118,71 (7)	129,78 (9)	124,57 (7)
9	Наименьшая лобная ширина	91,75 (8)	94,4 (5)	92,77 (13)	94,0 (5)	93,2 (5)	93,6 (10)	94,55 (9)	96,17 (6)
10	Наибольшая ширина лобной кости	113,71 (7)	115,2 (5)	114,33 (12)	111,5 (4)	114,2 (5)	113,0 (9)	122,28 (7)	120,14 (7)
5	Длина основания черепа	102,67 (6)	106,8 (5)	104,54 (11)	95,0 (4)	94,0 (3)	94,57 (7)	101,17 (6)	99,0 (3)
40	Длина » лица	96,17 (6)	101,4 (5)	98,54 (11)	93,3 (3)	91,0 (2)	92,4 (5)	95,0 (5)	95,5 (2)
47	Полная высота лица (n—gn)	124,43 (7)	121,5 (4)	123,36 (11)	118,0 (4)	101,0 (1)	114,6 (5)	110,75 (4)	110,0 (3)
48	Верхняя высота лица (n—pr)	73,89 (9)	73,0 (5)	73,57 (14)	72,0 (5)	67,5 (4)	70,0 (9)	69,86 (7)	66,4 (5)
45	Скуловой диаметр	126,71 (7)	125,2 (5)	126,08 (12)	122,2 (5)	125,8 (5)	124,0 (10)	137,0 (8)	127,29 (7)
46	Ширина средней части лица (zm—zm)	93,0 (8)	92,6 (5)	92,85 (13)	92,0 (4)	90,5 (4)	91,25 (8)	95,55 (9)	94,67 (6)
	Зигомаксиллярная ширина (по Абиндеру)	91,87 (8)	92,8 (5)	92,23 (13)	91,7 (4)	91,5 (4)	91,62 (8)	96,0 (7)	90,75 (4)
	Выступление субспинальной точки	24,75 (8)	23,24 (5)	24,17 (13)	22,5 (4)	22,82 (4)	22,66 (8)	22,38 (7)	22,35 (4)
	Зигомаксиллярный угол	123,37 (8)	126,6 (5)	124,61 (13)	128,2 (3)	127,0 (4)	127,62 (8)	130,14 (7)	127,75 (4)
43 (1)	Бюбротальная ширина (fmo—fmo)	93,28 (7)	96,4 (5)	94,58 (12)	96,0 (3)	94,25 (4)	95,0 (7)	98,86 (7)	97,2 (5)
Subt IOW	Выступление назнона над линией fmo—fmo	18,0 (7)	20,78 (5)	19,16 (12)	18,67 (3)	16,25 (4)	17,28 (7)	15,41 (7)	16,5 (5)
	Назомаллярный угол	137,71 (7)	133,4 (5)	135,92 (12)	137,7 (3)	142,2 (4)	140,28 (7)	145,29 (7)	142,4 (5)

Таблица 2 (продолжение)

	Место находки	Юж.ый Памир			Юж.ый Памир			Алай			
		Тамдинская группа	Ак-Бейтская группа	Все	Тамдинская группа	Ак-Бейтская группа	Все	Сакя-усуни			
								мужчины	женщины		
Датировка		VI—IV вв. до н. э.							VI—I вв. до н. э.		
Пол		мужчины			женщины			мужчины		женщины	
54	Ширина носа	24, 44 (9)	24, 6 (5)	24, 5 (14)	22, 6 (5)	25, 75 (4)	24, 0 (9)	26, 0 (9)	24, 6 (5)		
55	Высота носа	53, 78 (9)	53, 0 (5)	53, 5 (14)	51, 2 (5)	49, 0 (4)	50, 22 (9)	51, 25 (8)	48, 0 (5)		
49a	Дакриальная ширина	20, 62 (8)	22, 45 (5)	21, 33 (13)	22, 67 (3)	21, 12 (4)	21, 78 (7)	20, 62 (6)	21, 27 (4)		
DS	Дакриальная высота	14, 46 (8)	11, 95 (4)	13, 62 (12)	12, 57 (3)	13, 72 (4)	13, 23 (7)	11, 88 (6)	10, 6 (4)		
50	Максиллофронтальная ширина	18, 0 (8)	17, 8 (5)	17, 92 (13)	19, 67 (3)	18, 65 (4)	19, 08 (7)	17, 58 (6)	18, 52 (5)		
SC	Максиллофронтальная высота	9, 81 (8)	8, 37 (4)	9, 33 (12)	7, 7 (3)	8, 52 (4)	8, 17 (7)	7, 67 (6)	6, 8 (5)		
SS	Симотическая ширина	8, 11 (9)	9, 0 (5)	8, 43 (14)	8, 67 (3)	10, 87 (4)	9, 93 (7)	8, 07 (7)	8, 46 (5)		
SS	Симотическая высота	4, 5 (9)	5, 07 (4)	4, 68 (13)	3, 60 (3)	5, 67 (4)	4, 78 (7)	4, 17 (7)	3, 62 (5)		
51	Ширина орбиты (mf—ek)	41, 25 (8)	42, 2 (5)	41, 61 (13)	40, 25 (4)	40, 0 (5)	40, 11 (9)	42, 86 (7)	41, 0 (6)		
51a	Ширина орбиты (d—ek)	38, 12 (8)	39, 0 (5)	38, 46 (13)	37, 25 (4)	36, 4 (5)	36, 78 (9)	40, 14 (7)	38, 0 (6)		
52	Высота орбиты	33, 87 (8)	33, 6 (5)	33, 77 (13)	35, 0 (4)	31, 2 (5)	32, 89 (9)	32, 75 (8)	33, 57 (7)		
62	Длина неба	45, 0 (7)	42, 6 (5)	44, 0 (12)	44, 5 (4)	42, 0 (2)	43, 67 (6)	45, 4 (5)	39, 8 (5)		
63	Ширина неба	37, 0 (7)	34, 6 (5)	36, 0 (12)	38, 25 (4)	36, 0 (2)	37, 5 (6)	39, 6 (5)	35, 2 (5)		
66	Бигониальный диаметр	89, 8 (5)	95, 33 (3)	91, 87 (8)	86, 25 (4)	91, 5 (4)	88, 87 (8)	106, 83 (6)	93, 33 (3)		
23	Горизонтальная окружность	517, 8 (6)	522, 0 (5)	519, 7 (11)	505, 3 (3)	505, 2 (5)	505, 2 (8)	513, 7 (7)	509, 8 (6)		
32	Угол профиля лба (n—m)	80, 86 (7)	79, 2 (5)	80, 17 (12)	82, 67 (3)	77, 33 (3)	80, 0 (6)	86, 75 (4)	87, 4 (5)		
	Угол профиля лба (g—m)	—	71, 6 (5)	—	—	73, 33 (3)	—	78, 0 (4)	79, 8 (5)		
72	Угол профиля лица	83, 86 (7)	85, 2 (5)	84, 42 (12)	81, 67 (3)	84, 67 (3)	83, 17 (6)	85, 0 (4)	85, 75 (4)		
73	Угол профиля средней части лица	88, 0 (6)	89, 4 (5)	88, 64 (11)	85, 33 (3)	87, 33 (3)	86, 33 (6)	90, 0 (3)	89, 75 (4)		
74	Угол профиля альвеолярной части лица	68, 33 (6)	74, 8 (5)	71, 27 (11)	71, 67 (3)	72, 33 (3)	72, 0 (6)	73, 33 (3)	69, 75 (4)		

Т а б л и ц а 2 (продолжение)

	Место находки	Южный Памир				Южный Памир				Алаш			
		Южный Памир		Все		Южный Памир		Все		Сакя-усуни			
		Таманская группа	Ак-бетская группа	Все	Таманская группа	Ак-бетская группа	Все	Таманская группа	Ак-бетская группа	Все	Сакя-усуни		
		VI—IV вв. до н. в.				VI—I вв. до н. в.							
Датировка		мужчины				женщины				VI—I вв. до н. в.			
Пол		мужчины				женщины				мужчины		женщины	
75	Угол носовых костей (к горизонталю)	49,0 (7)	52,0 (5)	50,25 (12)	51,0 (3)	52,33 (3)	51,67 (6)	65,33 (3)	65,25 (4)				
75 (1)	Угол носовых костей (к профилю лица)	34,86 (7)	33,2 (5)	34,17 (12)	30,67 (3)	35,0 (4)	33,14 (7)	24,0 (3)	20,5 (4)				
У к а з а т е л и													
8 : 1	Черепной	71,08 (9)	68,61 (5)	70,19 (14)	73,72 (5)	73,17 (5)	73,45 (10)	79,32 (6)	76,6 (6)				
17 : 1	Высотно-продольный	73,21 (7)	72,46 (5)	72,9 (12)	73,46 (4)	70,99 (2)	72,64 (6)	77,78 (4)	73,95 (4)				
20 : 1	Высотно-продольный	60,9 (8)	60,46 (4)	60,76 (12)	62,7 (4)	58,67 (4)	60,69 (8)	66,52 (5)	64,8 (6)				
17 : 8	Высотно-поперечный	102,8 (7)	105,8 (5)	104,0 (12)	99,5 (4)	96,49 (2)	98,5 (6)	97,84 (5)	95,02 (4)				
20 : 8	Высотно-поперечный	85,68 (8)	87,82 (4)	86,39 (12)	84,91 (4)	80,05 (4)	82,48 (8)	83,55 (6)	84,85 (6)				
9 : 8	Лобно-теменной	69,41 (8)	72,64 (5)	70,65 (13)	72,46 (5)	71,27 (5)	71,86 (10)	67,56 (7)	72,08 (5)				
9 : 10	Лобный	80,81 (7)	82,08 (5)	81,34 (12)	82,96 (4)	81,61 (5)	82,21 (9)	76,41 (7)	80,85 (6)				
9 : 45	Лобно-скуловой	71,9 (7)	75,44 (5)	73,38 (12)	77,05 (5)	74,17 (5)	75,61 (10)	69,31 (8)	75,8 (6)				
48 : 45	Лицевой (верхней части лица)	58,04 (7)	58,35 (5)	58,17 (12)	58,94 (5)	53,67 (4)	56,60 (9)	51,17 (7)	52,0 (5)				
54 : 55	Носовой	45,55 (9)	46,72 (5)	45,97 (14)	44,18 (5)	52,32 (4)	47,8 (9)	51,3 (8)	51,62 (5)				
52 : 51	Орбитный (mf)	82,12 (8)	79,59 (5)	81,15 (13)	86,95 (4)	78,12 (5)	82,04 (9)	76,7 (7)	82,98 (6)				
52 : 51a	Орбитный (d)	88,94 (8)	86,15 (5)	87,87 (13)	94,13 (4)	85,8 (5)	89,5 (9)	81,93 (7)	89,52 (6)				
40 : 5	Базальный краниофациальный .	93,58 (6)	94,89 (5)	94,17 (11)	96,89 (3)	93,78 (2)	95,64 (5)	94,06 (5)	97,0 (2)				
48 : 17	Вертикальный краниофациальный .	54,22 (7)	53,3 (5)	53,83 (12)	55,69 (4)	54,62 (1)	55,47 (5)	50,22 (6)	48,17 (3)				
45 : 8	Поперечный краниофациальный	96,02 (7)	96,3 (5)	96,14 (12)	94,17 (5)	96,19 (5)	95,18 (10)	96,6 (8)	94,3 (6)				
Subt IOW:43	Назомаллярный	19,31 (7)	21,56 (5)	20,24 (12)	19,43 (3)	17,2 (4)	18,16 (7)	15,57 (7)	16,96 (5)				

Место находки	Южный Памир			Южный Памир			Алай		
	Тамдинская группа	Ак-бейтская группа	Все	Тамдинская группа	Ак-бейтская группа	Все	Сака-усуни		
	VI—IV вв. до н. в.						VI—I вв. до н. в.		
Датировка	мужчины						женщины		
Пол	мужчины			женщины			мужчины	женщины	
DS : DC SS : SC 63 : 62	Зигмаксиллярный	26,98 (8)	25,05 (5)	26,24 (13)	24,48 (4)	24,93 (4)	24,7 (8)	23,24 (7)	24,62 (4)
	Максиллофронтальный	55,22 (8)	52,84 (4)	54,43 (12)	39,5 (3)	45,42 (4)	42,88 (7)	43,52 (6)	37,38 (5)
	Дакриальный	70,58 (8)	52,13 (4)	64,43 (12)	55,3 (3)	64,92 (4)	60,8 (7)	57,53 (6)	51,07 (4)
	Симотический	55,1 (9)	54,57 (4)	54,94 (13)	42,0 (3)	52,1 (4)	47,77 (7)	52,81 (7)	43,24 (5)
	Ширины нёба	82,52 (7)	81,84 (5)	82,23 (12)	85,89 (4)	85,65 (2)	85,81 (6)	87,42 (5)	88,8 (5)
	Наклон лба (0—3)	1,78 (9)	2,0 (5)	1,86 (14)	1,0 (5)	1,6 (5)	1,3 (10)	1,37 (8)	1,17 (6)
	Развитие надпереносья (1—6)	3,11 (9)	3,2 (5)	3,14 (14)	2,0 (5)	2,6 (5)	2,3 (10)	2,8 (10)	1,71 (7)
	Развитие надбровья (1—3)	2,22 (9)	2,0 (5)	2,14 (14)	1,4 (5)	2,0 (5)	1,7 (10)	2,1 (10)	1,14 (7)
	Глубина клыковой ямки (0—4)	2,0 (9)	1,2 (5)	1,71 (14)	1,8 (5)	2,0 (5)	1,9 (10)	2,0 (9)	1,71 (7)
	Горизонтальный профиль лица (1—3)	2,44 (9)	2,6 (5)	2,5 (14)	2,0 (4)	2,4 (5)	2,22 (9)	2,0 (8)	2,28 (7)
Выступание скул (1—4)	1,11 (9)	1,0 (5)	1,07 (14)	1,0 (5)	1,0 (5)	1,0 (10)	1,5 (6)	1,0 (4)	
Выступание носа (1—3)	3,0 (9)	3,0 (5)	3,0 (14)	3,0 (4)	2,8 (5)	2,89 (9)	2,62 (8)	2,0 (6)	
Переденосовая ось (1—5)	2,62 (8)	3,6 (5)	3,0 (13)	3,0 (5)	2,3 (3)	2,75 (8)	2,62 (8)	2,2 (5)	
Высота орбиты	2,22 (9)	2,4 (5)	2,29 (14)	2,2 (5)	1,8 (5)	2,0 (10)	1,57 (7)	2,0 (6)	
Выступание затылка	2,44 (9)	3,0 (5)	2,64 (14)	2,4 (5)	2,8 (5)	2,6 (10)	2,0 (6)	2,33 (6)	

DS : DC
SS : SC
63 : 62

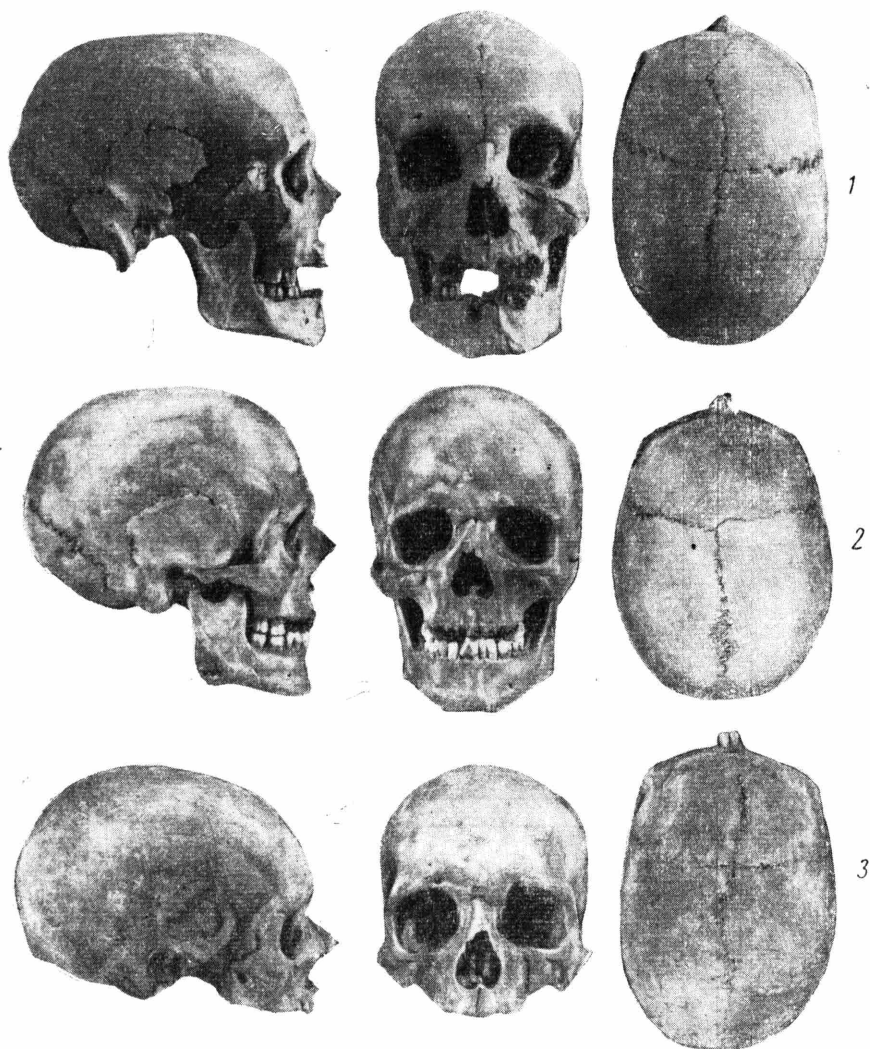

Рис. 2. Черепа саков Юго-Восточного Памира

1 — мужчина зрелого возраста. Бака-баши; 6092 — 13. 2 — мужчина возмужалого возраста. Ак-бент, курган 22; 6215 — 3. 3 — мужчина старческого возраста. Ак-бент, курган 6; 6092 — 8.

Индивидуальное изучение черепов и их средних величин (даже принимая во внимание их малое количество) показывает чрезвычайную однородность антропологического типа захороненных в Ак-бентской группе курганов (табл.1). Этот тип характеризуется узкой, довольно высокой, долихокранной черепной коробкой с прямым или, чаще, средненаклоненным лбом с среднеразвитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицевая часть черепа узкая, средневысокая, значительно выступающая в горизонтальной плоскости, со среднеглубокими клыковыми ямками, средневысокими или высокими глазницами и значительно выступающим носом. Черепа женской серии относятся к этому же типу, характеризуясь значительной грацильностью. Эти данные говорят о принадлежности изученной серии черепов к европеоидной средиземноморской расе. Никаких следов искусственной деформации черепа не обнаружено.

Сопоставление черепов Ак-беитской (рис. 2—1—3) и Тамдинской (рис. 3—1—3) групп показывает, что население обоих районов в сакское время было совершенно сходным в антропологическом отношении. (Некоторые небольшие различия отдельных признаков не имеют общего характера и должны рассматриваться как индивидуальные отклонения при малом числе измерений). Мы уже писали о принадлежности его к индо-афганскому типу восточной ветви средиземноморской расы¹. Вследствие того, что черепа саков Памира гиперморфны, мы назвали их тип протосредиземноморским, аналогично протоевропеондному типу, установленному Г. Ф. Дебецом.

Таким образом, саки Южного Памира представляются едиными по происхождению, являясь, по-видимому, самой восточной частью большого антропологического пласта, охватывающего Переднюю Азию, Закаспийскую область и Северную Индию². Раскопки последних лет дали материалы, свидетельствующие о том, что население, обладавшее таким же антропологическим типом, было распространено в эпоху бронзы на обширной области юга Средней Азии не только в Туркмении, но и в Среднеазиатском междуречье³. По всей вероятности, саки Южного Памира (саки-амюргии) непосредственные потомки более древнего населения этой области, которое было родственно населению и Передней Азии, и юга Средней Азии в эпоху энеолита и в бронзовом веке.

Некоторые особенности в элементах материальной культуры Тамдинской и Ак-беитской групп памятников отражают, несомненно, гораздо более поздние связи населения, которое, все же, оставалось довольно изолированным от других районов Средней Азии. Об этом говорит то, что население районов распространения сакской культуры на Тянь-Шане и в Восточном Казахстане относится совсем к другому антропологическому пласту, являясь как бы переходным от андроновского — к типу среднеазиатского междуречья⁴ (рис. 3—4). Об этом можно судить по материалам последних раскопок А. Н. Бернштама на Алае⁵.

На Тянь-Шане и Алае в сакское и усуньское время отдельными вкраплениями отмечен и средиземноморский расовый тип. Это может быть и

¹ В. В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии.— КСИЭ, XI, 1950.

² М. Г. Абдушелишвили. К палеоантропологии Самгаврского могильника. Тбилиси, 1954; Р. М. Касимова. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура (в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа). Реферат диссертации. М., 1956; В. В. Бунак. Черепа железного века из Севанского района Армении.— Русский антропологический журнал, ч. XVII, вып. 3-4, 1929; Т. А. Трофимова. Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма.— Тр. Хорезмской экспедиции, II, 1957; H. Vallois. Les ossements humains de Sialk.— См. R. Ghirshman. Fouilles de Sialk près de Kashan..., III. Paris, 1939; W. M. Krogman. Racial types from Tepe Hissar, Iran... Verhandl. der Koninklijke Nederlandsche Akademie... Tweede sectie, deel XXXIX, 2. Amsterdam, 1940; C. M. Fürst. The skeletal material collected during the excavations of Dr. T. J. Arne in Schach Tepé et Astrabad-Gorgan in Iran.— The Sino-Swedish expedition, 9. Stockholm, 1939.

³ Л. В. Ошанин. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен.— Изв. АН Туркм. ССР, 1952, № 4; В. Я. Зезенкова. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении.— Сб. «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии». Ташкент, 1953; В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины.— Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, I, 1956; G. Sergi. Description of some skulls from the North Kurghan.— R. Pumphelly. Explorations in Turkestan, Washington, 1908.

⁴ В. В. Гинзбург. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным.— ТИЭ, XXI, 1954; его же. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным.— ТИЭ, XXXIII, 1956.

⁵ Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960; В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Южной Киргизии. Труды Института истории АН СССР. В печати.

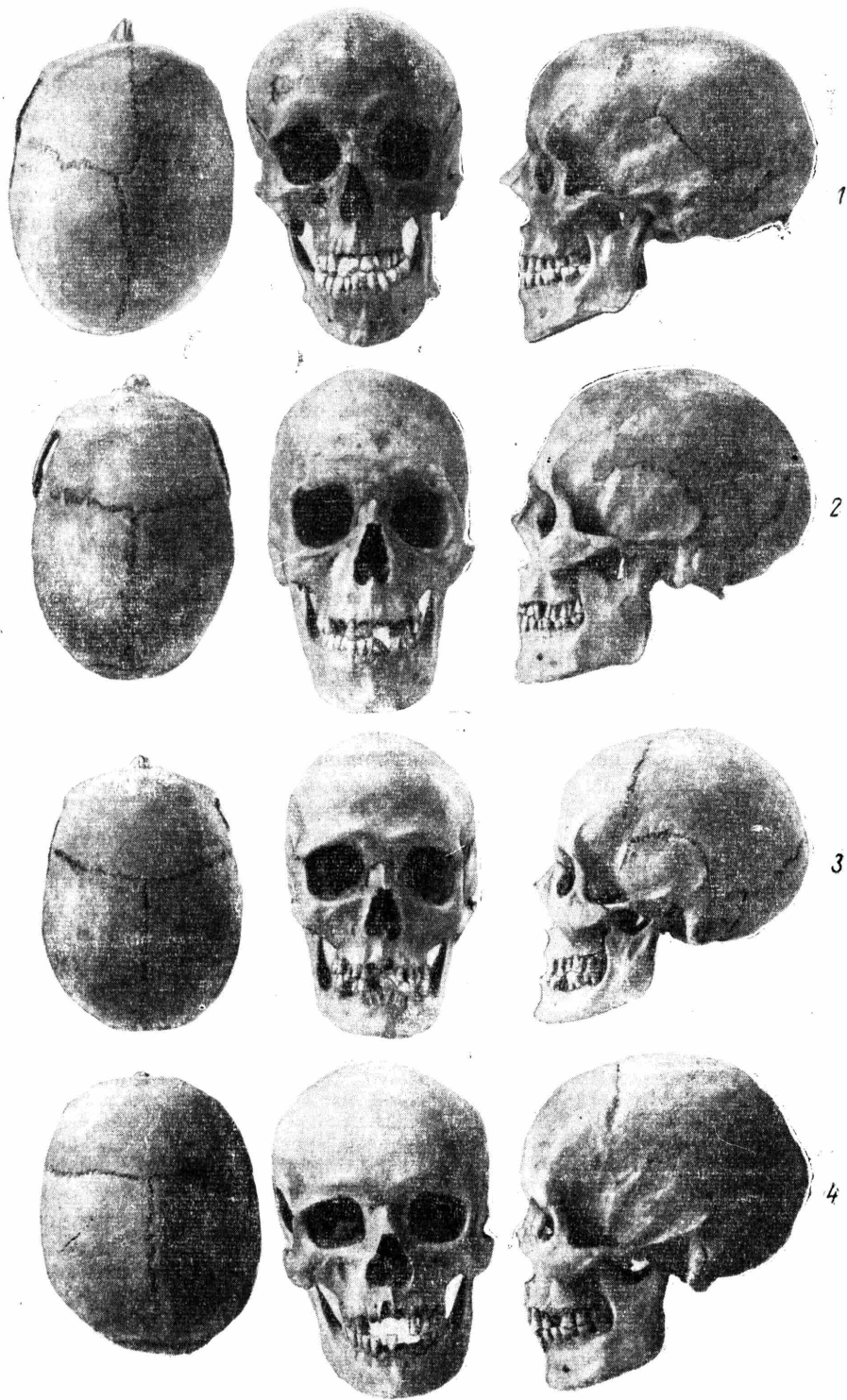

Рис. 3. Черепа саков Южного Памира и Тянь-Шаня

1 — мужчина возмужалого возраста. Тамды (Памирская 1), курган 9; 4902—9. 2 — мужчина возмужалого возраста. Тамды (Памирская 1), курган 12; 4902—15. 3 — женщина старческого возраста. Тамды (Памирская 1), курган 2; 4902—2. 4 — мужчина зрелого возраста. Ала-Мышик (Тянь-Шань), курган 1; 4749—1.

следствием сохранения в среднеазиатском междуречье более раннего населения эпохи бронзы, и результатом смешения более поздних типов народностей, происходящих из Передней Азии (в широком смысле), где средиземноморский тип основной до настоящего времени¹.

Нельзя не учитывать и возможности прямой связи населения юго-восточного Памира в сакское и более позднее время с населением Восточного Туркестана,— вопрос еще почти не изученный в антропологическом отношении. Помимо элементов материальной культуры в памятниках Ак-беитской группы, о существовании подобной связи говорят единичные пока находки в районе озера Лоб-Нор черепов долихокранного европеоидного типа, датированных последними веками до н. э.— первыми веками н. э.² Для решения вопросов, связанных с древним населением Синьцзяня, требуется проведение систематических раскопок и сборов палеоантропологических материалов.

¹ Л. В. Ошанин. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен (опыт обоснования теории скифо-сарматского происхождения туркмен).— Изв. Средазкомстариса, вып. 1, 1926; его же. Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен. Изв. Средазкомстариса, вып. 4, 1928; его же. Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа. Тр. ЮТАКЭ, IX, 1959; Г. Ф. Дебец. Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии.— ТИЭ, XVI, 1951; В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Черепа эпохи энеолита и бронзы из Южной Туркмении. СЭ, № 1, 1959.

² С. Н. Hjortsjö u. A. Walander. Das Schädel-und Skelettgut der archäologischen Untersuchungen in Ost-Turkistan.— The Sino-Swedish expedition. Archeology. Stockholm, 1942.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. А. РАНОВ

СТОЯНКА КАРАТУМШУК

(Восточный Памир)

Археологическое изучение Памира неразрывно связано с именем А. Н. Бернштама. Свою последнюю экспедицию он совершил в 1956 г. на Памир. Тогда же в составе его отряда работала группа по изучению памятников каменного века¹. Разведки велись по долинам рек Ак-Байтал, Ак-су, Мургаб и Кара-су. Отмечено шесть пунктов с находками обработанного человеком камня: 1) у южного подножья перевала Кзыл-Арт, на 245-ом км тракта Ош—Хорог; 2) в 1,5 км на восток от биологической станции Чечекты; 3) на 436-ом км тракта Ош—Хорог на конгломератовых террасах р. Кара-су; 4) на высоких террасах против пос. Мургаб; 5) в районе могильника Ак-беит близ пос. Кызылрабад; 6) в урочище Каратумшук на р. Ак-су. В этих пунктах собран только подъемный материал, причем наиболее многочислен он был в урочище Каратумшук².

Стоянка Каратумшук расположена в широкой (15—30 км) части долины Ак-су. С запада и востока долина ограничена обычными для Восточного Памира низкими, сильно изрезанными хребтами. Стоянка находится на одном из мысов первой надпойменной террасы, возвышающейся здесь на 5 м над уровнем воды. Мыс ограничен с севера излучиной реки, а с двух других сторон небольшими промоинами-оврагами. Находки изделий каменного века сосредоточены на площади 100 × 50 м, кроме того, обработанный камень встречался и западнее мыса, на более низком участке этой же террасы, отдельные вещи обнаружены в 200—300 м от мыса. Терраса сложена из продуктов размывания ледниковых отложений и речных наносов и содержит помимо обломков окатанную мелкую гальку и реже крупные валуны. Сверху эти отложения перекрыты тонким пластом желтой супеси (20—30 см). Ровная поверхность террасы покрыта почти сплошным чехлом гальки, преимущественно хорошо окатанной. Преобладает коричневый метаморфизованный сланец (филлит)³ коричневого цвета, меньше темно-серой кремнистой породы. Очень редко встречаются обломки голубовато-серого кремня плохого качества. Из этих пород и делали свои орудия обитатели стоянки. Среди массы галечникового материала попадаются валуны кристалличе-

¹ Состав группы: В. А. Ранов — руководитель, П. Т. Конопля — ст. лаборант.

² В. А. Р а н о в. Первые памятники каменного века на Памире. Материалы II Совещ. Арх. и этн. Средней Азии, М.—Л., 1959.

³ По определению И. М. Черенкова (Институт геологии АН Таджикской ССР).

ских пород и известняка. Особенно много их на площади стоянки, где они иногда сгруппированы в небольшие кучки, напоминающие разрушившиеся очаги. Небольшой шурф ($0,5 \times 0,5$ м), заложенный в центральной части мыса, не дал никаких культурных остатков.

Многочисленные отбросы производства (отщепы, мелкие чешуйки камня, обитые и расколотые гальки и пр.), а также отсутствие окатанности граней изделий свидетельствуют о том, что обработка камня производилась на месте и этот удобно расположенный мысок какое-то время служил пристанищем для небольшой группы людей каменного века.

Всего на стоянке Каратумшук собрано более двухсот находок, среди которых 80 орудий (если включать в это число скребовидные орудия на отщепах случайной формы). Очень широко был распространен прием скалывания отщепов со сравнительно небольших, хорошо окатанных галек. Иногда такая галька рассекалась сильным ударом поперек и от приготовленной таким образом площадки производилось скалывание. В других случаях откалывалась и лишь округлая часть гальки, но чаще вся подготовка состояла только из предварительного оббивания валунной корки несколькими последовательными ударами. Размеры таких нуклевидных галек 8×7 , 10 , 9 см и др. Отщепы и пластины размеров до 10 см в длину в большинстве сохраняют на спинке естественную корку, тогда как мелкие экземпляры имеют вид сколотых с нуклеусов. Среди всего материала, отличающегося в общем аморфностью и грубостью обработки, можно выделить несколько пластин более или менее правильных очертаний (рис. 4—5). Ударные площадки редко носят следы подправки, произведенной перед скалыванием. Они бывают двух типов. Одни, встречающиеся у изделий, сколотых с подготовленной поверхности нуклеуса, вытянутых очертаний и слегка вогнуты внутрь. По краю сохраняется иногда мелкая подправка, — часто «ступенчатая», — следы подготовки скалывания. Другие, обычно сохраняющие валунную корку, скошены, образуют тупой угол с отбивной поверхностью. Многие из отщепов и пластин имеют по краю грубоватую ретушь или выбоины и, по-видимому, использовались в виде ножей.

Хорошо выраженных нуклеусов нет, за исключением одного маленького дисковидной формы (рис. 5—11). Он изготовлен из отщепа, и по-видимому, использован до предела. С обеих сторон небольшого диска идут фасетки сколов, отделявших небольшие, слегка изогнутые широкие пластины. Направленные от краев противолежащие сколы образовали характерный извилистый край, напоминающий края мустьерских дисковидных нуклеусов. Остальные изделия этого типа — специализированные орудия — нуклеусы-скребки или другие нуклевидные формы. Среди них близкий по форме к кубическому нуклеус с подготовленной поперечными сколами ударной площадкой (рис. 5—4). Интересен крупный нуклевидный скобель, по форме приближающийся к коническому нуклеусу. С сохраняющей валунную корку площадки сняты широкие прямоугольные отщепы. Желобки сколов образуют на краю площадки выпуклое скоблевидное лезвие. С боков нуклеуса нанесены поперечные удары, которые создали тонкий изогнутый край. Длина изделия $8,5$ см, ширина площадки $5,5$ см. Встречены три нуклеуса-скребка небольших размеров. Один из них (из голубовато-серого кремня) подпрямоугольной формы, со скошенной нижней частью, частично сохраняет валунную корочку. Обе торцовые стороны стесаны вертикальными плоскими сколами, причем одна сторона покрыта мелкими, очень узкими фасетками, направленными слегка наискось. По самому краю площадки на участке, обрабатанном этими микросколами, образуя полукруглое лезвие, нанесена мелкая ретушь, чередующаяся с вмятинами и выбоинами — следами работы (рис. 5 — 9). По своему облику это орудие сильно отличается от массового значительно более грубо обработанного материала Каратумшука. Оно очень напоминает нуклеусы-скребки высокой формы, сохраняющие в обработке

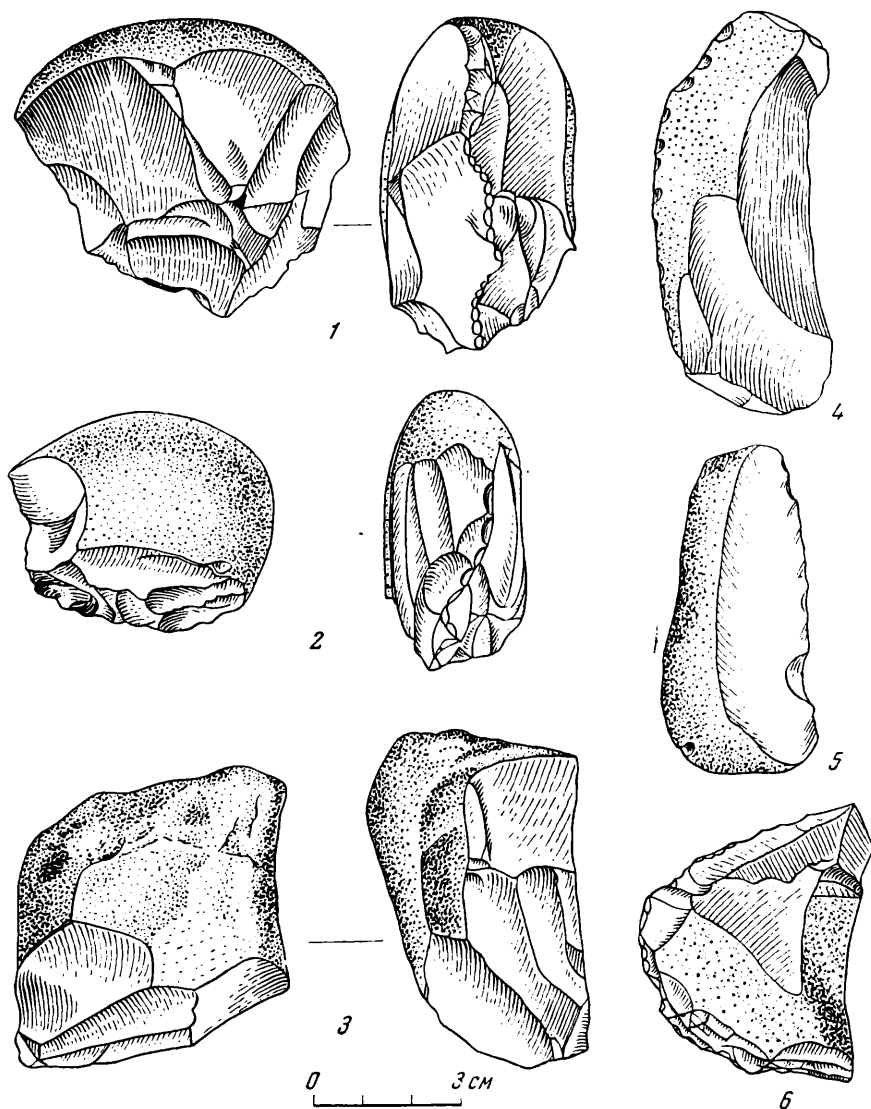

Рис. 4. Стоянка Каратумшук. Каменные орудия

1, 2 — рубящие орудия; 3 — незаконченное обработкой скребловидное орудие; 4, 5 — пластины; 6 — скребок на отщепе.

древние ориньякские традиции¹. Другой вид нуклеусов-скребков представлен в нашей коллекции двумя экземплярами. Первый ($3,10 \times 2$ см) сделан из черной кремнистой породы. С одной стороны желобки сколов микролитического характера переходят и на узкую торцовую часть; противоположная, образованная одним продольным сколом, подправлена по нижнему краю округлой ретушью, образуя рабочее лезвие. Второй (4×3 см) имеет оформленную узкими продолговатыми сколами вертикальную поверхность и широкое дугообразное вогнутое долотовидное лезвие в широкой части.

¹ Совершенно аналогичное орудие встречено в не опубликованной еще коллекции из Монгольской Народной Республики, за любезное ознакомление с которой приносим глубокую благодарность А. П. Окладникову.

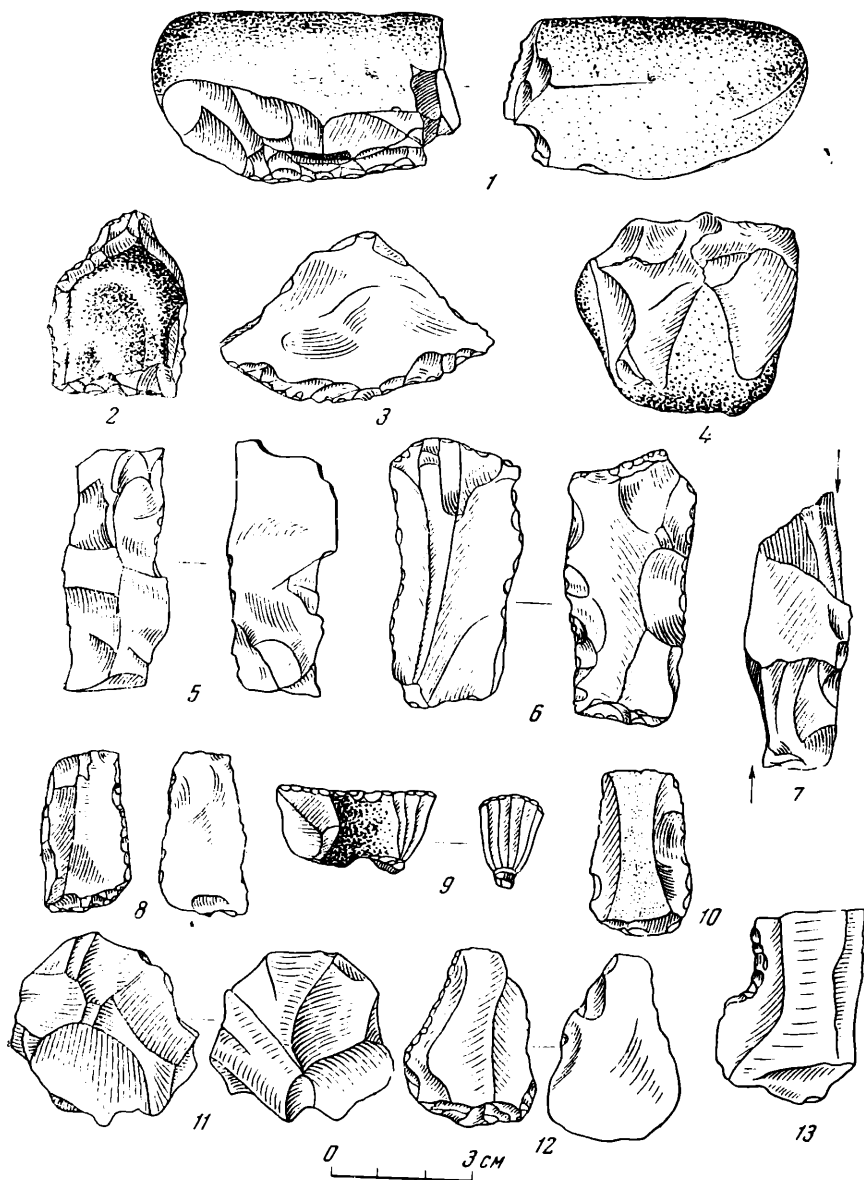

Рис. 5. Стоянка Каратумшук. Каменные орудия

1 — скребло; 2, 3 — скребки; 4 — нуклеусовидная поделка; 5, 6 — пластинки; 7 — резец; 8, 10, 12 — концевые скребки; 9 — нуклеус-скребок; 11 — дисковидный нуклеус; 13 — выемчатое орудие.

Среди скребел попало одно с рабочим краем на длинной стороне небольшой гальки, сохранившей валунную корочку; треть поверхности гальки, небрежными с «заломами» сколами превращена в широкое лезвие, которое затем по самому краю местами приостроено мелкой ретушью (рис. 5—1). Такое же орудие, но не законченное обработкой, сделано на расколотой вдоль гальке. Большая часть его поверхности сохраняет валунную корку. Прямой рабочий край обработан крупными четкими сколами (рис. 4—3). Выделяется скребок на отщепе подтреугольных очертаний с дугообразно выгнутым рабочим краем, по которому, особенно с одной стороны, нанесена мелкая ретушь, лезвие скребка имеет ступенчатые выбоины. На противопо-

лежащей стороне фасетки сколов группируются вблизи ударного бугорка, где крутые мелкие выемки также оформляют скребловидный край (рис. 4—6). Отметим тонкое скребло с выгнутым, небрежно обработанным лезвием (рис. 5—3), изготовленное также на отщепе. У небольшого скребка, сделанного на продольном сечении маленькой гальки, рабочий край образован двумя обработанными мелкой ретушью сторонами, сходящимися под прямым углом (рис. 5—2).

Среди собранной коллекции значительную часть составляют скребловидные орудия, которые изготовлялись на отщепах случайной формы или обломках галек. Скребловидные лезвия встречаются также на удлинённых пластинах. Обычно рабочим краем таких орудий служила одна из выпуклых сторон отщепа или пластины, которая подправлялась мелкой ретушью, реже лезвием служил утолщенный к ударной площадке край. Это были орудия случайного назначения, которые выбрасывались после использования, поскольку они не требовали специальной тщательной обработки.

Несколько слов о ретуши. Рабочий край скребел и скребловидных отщепов или пластин образовывался несколькими сколами, сбивающими валунную корку, с последующей подправкой мелкой ретушью, наносившейся обычно со стороны брюшка. Эта ретушь почти никогда не прослеживается на всем протяжении лезвия — она занимает лишь отдельные его участки. Следует отметить, что на изделиях из Каратумшука очень редко встречается тщательная аккуратная отжимная ретушь, в большинстве случаев обработка делалась грубо, фасетки ретуши неравномерны, различны по величине.

Особо нужно выделить два концевых скребка на правильных пластинах из обычного для Каратумшука кремнистого сланца коричневого цвета (рис. 5—8, 10). Их четкие очертания, спинка, несущая следы огранки, свидетельствуют об иных, чем в предыдущих случаях, приемах обработки камня. Они косвенно указывают на употребление призматических или конических нуклеусов, с которых сколоты эти пластины. Отличается ретушь — более четкая, она нанесена тщательнее и оформляет не только поперечное лезвие, но и длинные края.

Особое место занимают в коллекции орудия с клиновидным лезвием, которые, вероятно, имели функцию рубящих или скоблящих орудий. Очень выразительны два из них (рис. 4—1, 2). У обоих часть, противоположная характерно изогнутому лезвию, покрыта галечной коркой. Клинообразный, сравнительно массивный край обработан двусторонними широкими продольными сколами, образующими «ступенчатые» заломы. По краю лезвия нанесена мелкая ретушь. Интересно, что рабочий край проходит не только по длинной стороне, но и сбоку, как раз в том месте, по которому проходит скол, рассекающий гальку поперек.

Небольшую серию составляют орудия с выемками, которые, однако, не имеют здесь законченного вида, как, например, пластины с выемками джебелского типа из Туркмении¹. Это специально углубленные или получившиеся случайно выемки, подправленные по дуге мелкой, иногда тщательной, ретушью. Следует заметить, что большинство выемок носит следы заглаженности, получившиеся в результате использования. Для одного из таких орудий был приспособлен обломок пластины кремнистой породы темно-зеленого цвета. Выемка в 1,5 см длиной четко обработана несколькими сколами и слегка заглажена (рис. 5—13). Другое сделано из расколотой гальки (9 × 5 см). С одной стороны ее, при помощи мелкой небрежной ретуши, сделано прямое лезвие, со стороны отбивной поверхности — выемка (1,5 × 0,5 см).

¹ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. — Тр. ЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 86, рис. 56 и др.

Из отдельных орудий отметим крупную, хорошо обработанную пластину с правильной огранкой спинки, разделенной на два ската. Оба длинных края приострены мелкими сколами, а поперечные края обработаны мелкой «чешуйчатой» ретушью (рис. 5—6). Интересен предмет, напоминающий дублированный резец, изготовленный на плитке кремнистого сланца. Фасетки резцового скола узкие, слегка изогнутые (по классификации В. А. Городцова — излучистые)¹. Основание резца с обеих сторон образовано косыми сколами (рис. 5—7). Самый крупный предмет коллекции — наковаленка из крупнозернистого порфирита. Две параллельные плоскости большой гальки ограничены со всех сторон грубыми сколами, направленными от обеих плоскостей навстречу друг другу. Диаметр площадки 9 см, высота 5,5 см.

При изучении сборов на стоянке Каратумшук бросается в глаза сходство части изучаемых изделий с орудиями восточного или, как его чаще называют, сибирско-китайского круга позднелептостеновых культур. Это сходство выражается в принципиальной близости приемов обработки камня, основой которой в обоих случаях является ограниченное применение призматического нуклеуса², место которого занимает галечный, а также широкое распространение орудий, изготовленных из окатанных галек³. Сходство наблюдается и в формах орудий. Так, например, скребло с прямым лезвием, изготовленное на плоской гальке, рубящие или скобящие инструменты с клиновидным рабочим краем, нуклеус-скобель и некоторые другие изделия находят прямые аналогии среди материалов сибирского палеолита⁴. С другой стороны, среди наших сборов нет основных орудий, характерных для сибирско-китайского типа; нет больших скребел с краем, тщательно обработанным специфической четкой ретушью, миниатюрных округлых и полукруглых орудий, и т. д. Памирские нулевидные скребки, напоминающие более всего забайкальские⁵ и монгольские⁶, значительно менее выработанной формы. Таким образом, несмотря на отмеченное сходство мы не можем отождествить наши находки с палеолитическими материалами сибирско-китайского типа. Поэтому более правильно говорить пока лишь об общих чертах, которые можно обнаружить при сравнении. Эти черты могли возникнуть как результат более позднего, мезолитического и неолитического переживания традиций, близких сибирской технике обработки камня, или же вследствие грубости породы, из которой изготовлена большая часть орудий Каратумшукской стоянки, что могло вызвать своеобразную близость сравниваемого материала совершенно независимо⁷.

По мнению А. П. Окладникова, памирские находки очень напоминают мезолитические и ранне-неолитические материалы Монголии. Централь-

¹ В. А. Городцов. Техника и типологическая классификация кремневых резцов Супоневской и Тимоновской палеолитических стоянок из раскопок 1928 и 1929 годов.— Сб. «Техника обработки камня и металла». М., 1930, стр. 20.

² С. Н. Замятин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода.— Тр. Ин-та этнографии, новая серия, т. XVI, М., 1951, стр. 136.

³ А. П. Окладников. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований.— СА, XXI, 1954, стр. 21.

⁴ Ср. Г. П. Сосновский. Позднелептостеновые стоянки Енисейской долины.— Изв. ГАИМК, вып. 118. М.—Л., 1935, рис. 8, 5; рис. 10, 1; рис. 17, 1, 7; его же. Палеолитическая стоянка у с. Сроетки на Катунь.— МИА, № 2, 1941, табл. II, 2, 5, 16; А. П. Окладников. Следы палеолита в долине р. Лены.— МИА, № 39, 1953, рис. 10, д: рис. 11-а и мн. др.

⁵ А. П. Окладников. Некоторые вопросы..., рис. 6; З. А. Абрамова. Палеолитические находки в районе Кяхты.— МИА, № 39, 1953, стр. 268 и сл.

⁶ J. Maringer. Contribution to the prehistory of Mongolia. A Study of the prehistoric collection from Inner Mongolia. The Sino-swedish expedition. Publ. 7, Stockholm, 1950, стр. 51, табл. XXVI, 5.

⁷ С. А. Семенов. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы).— МИА, № 54, 1957, стр. 50—52.

азиатское происхождение памирских культур каменного века весьма вероятно, так как наиболее удобные пути на Памир идут с востока через долину р. Маркансу и легкие перевалы Сарыкольского хребта. Что же касается аналогий в западном направлении, то их гораздо меньше. По характеру обработки камня, материалы Каратумшука близки гиссарской культуре в Центральном Таджикистане¹, распространение которой отмечается и в других республиках². Поздненеолитическая, в основном гиссарская, культура характеризуется грубостью обработки камня, архаичными приемами скалывания, незначительным процентом законченных орудий. Во многих пунктах встречены керамика, зернотерки и песты-куранты. Памирская стоянка Каратумшук отличается отсутствием керамики, более тщательной обработкой изделий, значительно большим процентом законченных обработкой орудий³. Допустимо поэтому считать, что стоянка Каратумшук по времени может предшествовать гиссарским и относится к ранненеолитическому или даже предшествующему времени. Учитывая, что в памятниках сибирско-китайского типа еще не выделен мезолитический этап⁴, нижней границей даты нашей стоянки можно условно считать конец верхнего палеолита.

Все эти положения предварительны, поскольку обнаруженный впервые, еще количественно незначительный материал не дает пока оснований для более определенных выводов, особенно важных в связи с тем обстоятельством, что стоянка Каратумшук, расположенная на высоте более 4000 м над уровнем моря, является самой высокогорной стоянкой каменного века в мире.

¹ А. П. Окладников. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 года. Тр. АН Тадж. ССР, т. XXXVII. Сталинабад, 1956, стр. 5—6.

² А. П. Окладников. Археологические исследования в Киргизии.— Вестник АН СССР, вып. 9, 1954, стр. 63—64; его же. Следы каменного века в районе Термеза.— Тр. ТАКЭ, т. II. Ташкент, 1945, стр. 18 и сл.

³ Если только отмеченные различия не являются следствием разного характера хозяйства — в первом случае земледельческого, а во втором — охотничьего.

⁴ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— МИА, № 18, 1950, стр. 139.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

ДАХАНИНСКИЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ
В ЗАПАДНОЙ ФЕРГАНЕ

А. Н. Бернштам в свое время высказал положение о двух основных линиях в развитии бронзового века Ферганы¹. Последующие работы — открытие, с одной стороны, Чустского и Дальверзинского поселений, а с другой — кайрак-кумских памятников подтвердили это положение, хотя (это естественно) и внесли в него некоторые коррективы. В эпоху бронзы основным занятием жителей Кайрак-Кумского поселения было не пастушеское скотоводство, как предполагал А. Н. Бернштам, а земледелие, пастушеское скотоводство, горное дело и металлургия². При этом земледельческо-пастушеские племена занимали и часть равнинной Ферганы, а не только предгорные и горные районы.

В 1956 г. Кайрак-Кумский отряд Таджикской археологической экспедиции начал поиски памятников эпохи бронзы в отрогах Кураминского хребта, в частности, в районе кишлака Дахана, Аштского района, Ленинабадской области. Этот кишлак расположен на выходе из узкого ущелья на подгорную Камыш-Курганскую долину небольшого ручья. Здесь гряды гор расходятся, образуя своеобразную треугольную в плане горловину. Западный край ее ограничен высоким, резко понижающимся отрогом, обрывистым к долине, частично с осыпями. На его плоском и узком (шириной 5—8 м) гребне, образующем несколько крутых изломов, обращают на себя внимание развалины крупного каменного кургана, по-видимому, муг-хоны. На гребне участник поисков Э. Гулямова обнаружила восемь подпрямоугольных выкладок (и одну неясную), сконцентрированных в две группы: северную (выкладки 1—4) и южную выкладки (5—8). В каждой из групп они были ориентированы одинаково — с востока на запад, расстояние между ними 3—4,5 м. Семь выкладок были раскопаны, причем оказалось, что во всех случаях это верхние части стенок каменных камер.

Камера 1 (рис. 6—1). Выкладка возвышалась на 10—14 см над поверхностью; в плане она подпрямоугольна, с выпуклыми длинными сторонами (1,63 × 0,75 м). Камера глубиной около 1 м также подпрямоугольная (1,95 × 1,16 м), причем и длинные и короткие ее стороны выпуклы. Дно

¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26, 1952, стр. 186.

² А. П. Окладников. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г. — Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1956; Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г. — Тр. АН ТаджССР, т. LXIII, 1956; Б. А. Литвинский. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г. — Тр. АН Тадж. ССР, т. XCI, 1959.

из плотного галечника (материк), стенки выложены из камня, причем нижний ряд из крупных каменных плит или брусков (42×40 ; 52×25 ; 56×24 см), в основании каждой торцевой стенки по две крупных плиты, поставленных на ребро, выше идет кладка из узких плит. Камера сверху сужается за счет некоторого нависания плит. На высоте 0,6—0,75 м через углы переброшены каменные плитки, образующие нечто вроде тропов. Вблизи камеры, на поверхности земли лежали семь каменных плиток.

В камере, заполненной плотной щебенкой, сверху обнаружены два фрагмента керамики, а близ середины южной длинной стороны, у дна, скопленные разрушенных костей, а также фрагмент бронзового изделия плохой сохранности, каменная пуговица и черепки глиняного сосуда.

Остальные камеры в общем близки вышеописанной (рис. 6—2—7). Размеры их в основании варьируют от $1,4 \times 1$ м (камера 6) до $1,8 \times 1,5$ м (камера 2), при глубине от 0,7 (камера 4) до 1,1 м (камера 2). В камере 4 в юго-западном углу на дне найдены плохо сохранившиеся кости человеческого черепа, а рядом — фрагмент керамики. В камере 7 с глубины 0,65—0,7 м и до дна (на глубине 0,90—1 м) обнаружены совершенно разрушившиеся человеческие кости и фрагменты керамики.

Остановимся на строительных приемах могильных сооружений. Материал — в виде плит темно-серого мраморизованного сланца, разного размера и формы, имелся под рукой, в нескольких десятках метров от могильника. Строители выбирали такие плиты, которые были бы подпрямоугольной формы, хотя это и не всегда удавалось. Не исключено также применение простейшей отбивки. Устройство каждой камеры начиналось с рытья небольшого прямоугольного котлована, затем внутри его начиналась выкладка стен. В основании стен обычно укладывались крупные плиты (до 65×35 см), выше шел, также уложенный горизонтально, средний и мелкий плитняк. Кладка велась «всухую», без раствора, и, видимо, без подтески плит. Между тем в пяти камерах из семи раскопанных стенки выложены очень аккуратно, что достигалось путем рационального подбора плит. В случае необходимости выровнять ряд подкладывали камень треугольных очертаний (камера 2), или даже несколько наклонных плиток (камера 5). Щели между плитами часто забивались мелкими камнями. Применение плит разных размеров, естественно, приводило к перевязке швов, однако, в нескольких случаях (см., например, развертки стенок камер 1 и 2), вертикальная перевязка носит как будто сознательный характер. Устье всегда меньше дна за счет сужения; нередко камера слегка расширяется в середине. Во многих камерах (чаще всего на высоте третьего ряда кладки) через угол перекинута плитка, служившая для связи кладок соседних стенок. Торцовые стороны верхних плит имели скошенную (сверху вниз) грань. По всей вероятности, камеры лишь незначительно возвышались над современной им поверхностью и были перекрыты рядами крупных каменных плит длиной около 1 м.

Таким образом, эти сооружения показывают, что оставившее их население было знакомо с приемами каменного строительства. Был выработан устойчивый тип сооружений, целесообразные строительные приемы и конструкции подводили к созданию перекрытия в виде сложного свода. Все это свидетельствует о значительном развитии строительной техники.

Находки в погребениях немногочисленны. В камере 1 найден фрагмент бронзового приемника серьги с раструбом, в виде узкой трубочки-раструба, переходящей в круглую проволоку. Там же встречены фрагменты сосуда, который удалось восстановить (рис. 7, 10). По плечикам он небрежно орнаментирован ячеистым гребенчатым штампом, образующим то двойной горизонтальный зигзаг, то ромбовидные фигуры. Сосуд изготовлен из теста с большим количеством какой-то мелкооточенной примеси; черепок в изломе и на поверхности темно-серый. Найдены также два фрагмента

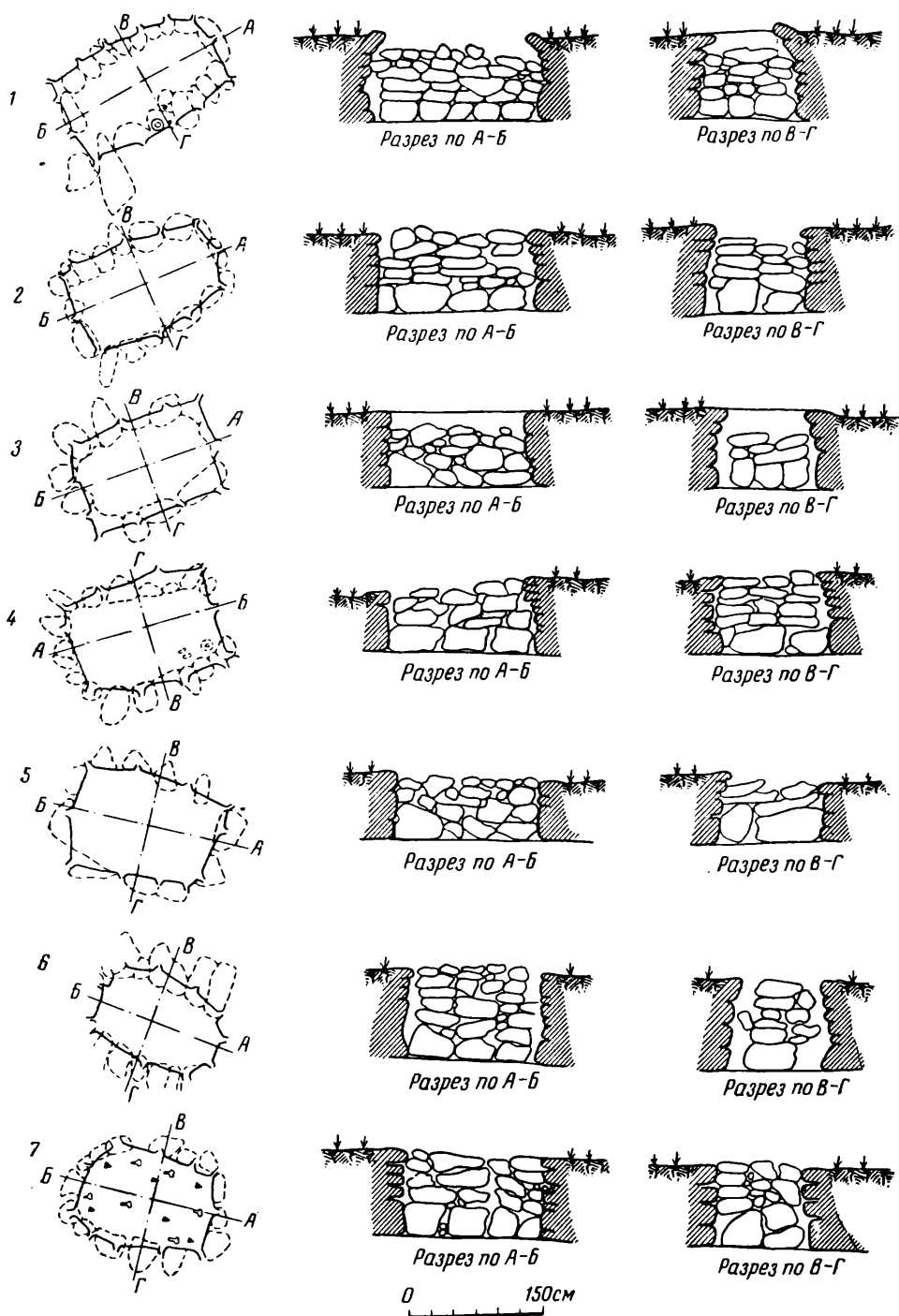

Рис. 6. Планы и разрезы камер Даханинского могильника
1—7 — соответственно камеры № 1—7.

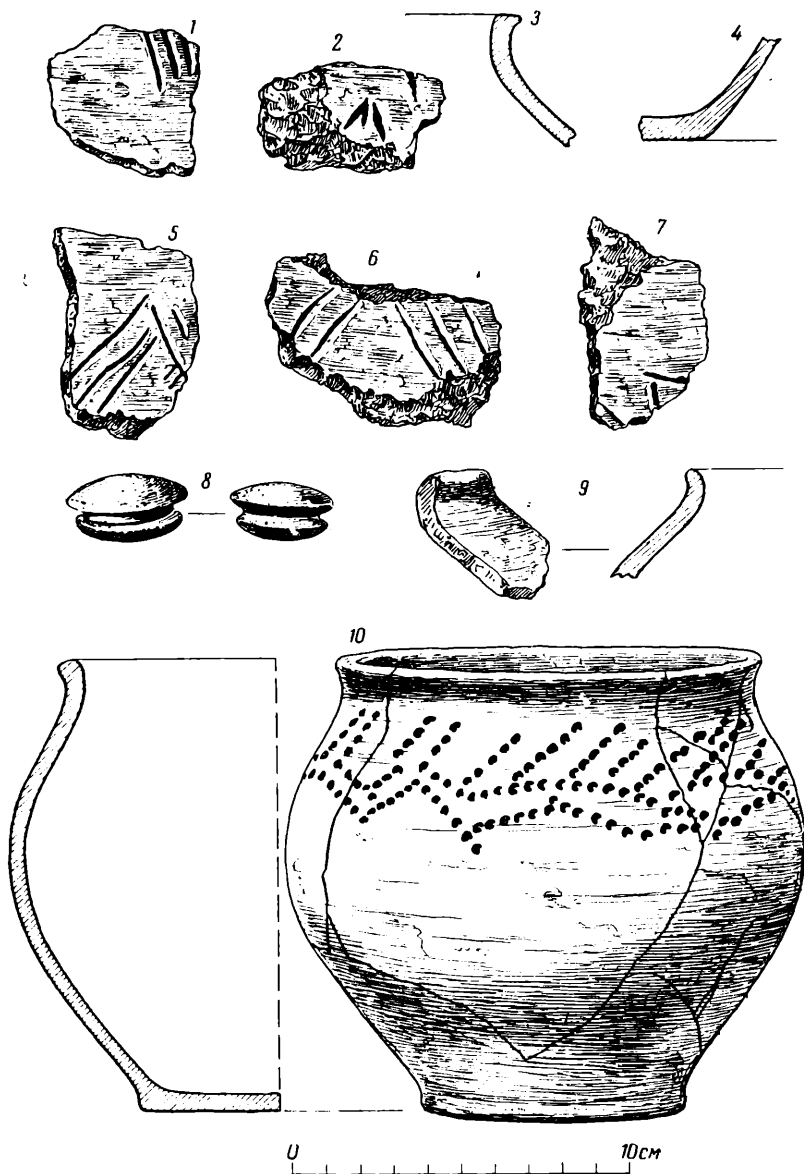

Рис. 7. Инвентарь Даханинского могильника
1—7 — керамика из камеры № 7; 8—10 — каменная поделка и керамика из камеры № 1.

желто-серых сосудов, в том числе часть венчика от сосуда без шейки, с невысоким приостренным краем (рис. 7—9). В этой же камере обнаружена поделка в виде диска с глубоким кольцевым желобком по окружности, выточенная из светлого ноздреватого камня (рис. 7—8). В камере 4 встречен обломок сосуда со следами орнамента, нанесенного плоским штампом. В камере 7 — фрагменты сосуда, изготовленного из такого же теста, что и найденный в камере 1, но с более светлой поверхностью (рис. 7—1—7); сосуд был с невысокой шейкой и плоским сверху венчиком и орнаментирован горизонтальным зигзагом с помощью плоского штампа.

Переходя к вопросу о датировке Даханинского могильника, следует отметить, что подобное устройство могильной камеры находит широкий

круг аналогий в памятниках андроновской и карасукской культур Сибири и Казахстана¹. Бронзовая серьга с приемником-раструбом известна для разных памятников андроновской культуры, в том числе позднеандоновских памятников Казахстана². Каменное изделие функционально, очевидно, близко блоковидным пряжкам-ролика из кавказских могильников эпохи поздней бронзы и первого появления железа³, и аналогичной им костяной застежке из Дындыбая⁴, хотя и отличается от них по форме. Близкие по форме блоковидные глиняные грузила найдены на некоторых поволжских поселениях конца II — начала I тысячелетия до н. э.⁵ Что касается керамики, то она неотличима от найденной на кайрак-кумских поселениях эпохи бронзы, причем венчик из засыпи камеры 1 характерен для поздних кайрак-кумских комплексов.

В предварительном порядке можно датировать могильник первой — началом второй четверти I тысячелетия до н. э.⁶

Даханинский могильник находится в 35 км на север от восточной группы кайрак-кумских поселений. Незначительность расстояний и сходство материала позволяют рассматривать его как памятник, характеризующий погребальный обряд кайрак-кумских племен (или их части) на определенном отрезке времени. Собственно на территории Кайрак-Кумов известен всего лишь один могильник — это три ящичные могилы на севере восточной группы поселений, на окраине такыра Ходжа-Ягона. Каждая из них сохранилась в виде камеры, составленной из четырех плит и выступающей над поверхностью⁷. В двух камерах обнаружены пластинчатые выпукловогнутые браслеты, бронзовые бляшки, пастовые бусы, фрагменты керамики, кусок графита.

На юге Ферганской долины известен Вуадильский могильник эпохи бронзы, исследованный Б. З. Гамбургом и Н. Г. Горбуновой⁸. Камеры здесь облицованы крупными длинными гальками или каменными плитами, поставленными на короткое ребро. Несмотря на значительные отличия в конструкции могильных сооружений (облицовка камеры в е р т и к а л ь н ы м и плитами, наличие оградок и др.), обращают внимание следующие элементы сходства с даханинскими: 1) отсутствие внешнего кольца оградки (тип «б») у некоторых могил; 2) подпрямоугольный план камер; 3) ориентация с запада на восток; 4) обряд трупоположения.

На восток от Ферганской долины, в юго-восточных отрогах Ферганского хребта, в долине Арпа, урочище Бурмачап А. Н. Бернштам обнаружил выкладки разных типов и погребения с трупосожжением. Еще дальше, в пределах Семиречья, Александр Натанович раскопал в ущелье

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1949, стр. 68—74, 110; М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане.— СА, XVI, 1951, стр. 131—132.

² М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане.— Сб. «Казахи» [Материалы Особого комитета (АН СССР) по исследованию союзных и автономных республик], вып. II, Л., 1927, стр. 210; С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 79—80; М. Н. Комарова. Томский могильник, памятники истории древних племен лесной полосы Сибири.— МИА, № 24, 1952, стр. 22.

³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Опыт периодизации памятников. Т. I. Тбилиси, 1941, стр. 65, рис. 74а на стр. 70, рис. 79 на стр. 73, табл. XXXVIII, XLVII.

⁴ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа..., стр. 134, рис. 4.

⁵ Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Поселения эпохи бронзы в прикаспийском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг.— МИА, № 42, 1954, стр. 22, рис. 36 на стр. 214.

⁶ Косвенным указанием, подкрепляющим эту дату, является отсутствие оградок. См. М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа..., стр. 144.

⁷ Верхний слой почвы смыт и развеян на значительную глубину.

⁸ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. (Предварительное сообщение).— КСИИМК, вып. 63, 1956.

Чон-Кемин выкладку с труположением¹. В ташкентском оазисе известны погребения эпохи бронзы в грунтовых ямах².

Таким образом Даханинский могильник расширяет представления о могильных сооружениях эпохи бронзы в северной части Средней Азии. Вместе с тем открытие Даханинского могильника дает ключ к решению вопроса о генезисе так называемых «курумов» (каменных курганов), конструкция части которых, вплоть до деталей кладки, оказывается восходящей к даханинским камерам. Являясь закономерным развитием типа погребального сооружения, видимо широко распространенного в эпоху бронзы, «курумы» в течение последующих столетий, конечно, не оставались неизменными. Воздействие нового типа жилища-юрты сказывается в формировании внешнего облика классической муг-хоны, в конструктивных приемах которой можно проследить и влияние строительных образцов из оазисов с оседлым населением³. О причинах столь устойчивого сохранения традиции погребальных сооружений здесь, на севере Ферганы, можно только догадываться. Возможно, что прияксартская группа сакских племен, сформировавшаяся из местных племен эпохи поздней бронзы, оказалась наиболее прочной и в меньшей степени включила инородные этнические компоненты. И хотя материалы рубежа н. э. и первой половины I тысячелетия н. э. наглядно свидетельствуют об оживленных сношениях населения, оставившего «курумы», с жителями Ташкентского оазиса и оседлых районов Ферганы, основное этническое ядро должно было сохраняться, иначе столь необычайный для соседних областей тип погребальных сооружений должен был бы измениться. Возможно, дальнейшее изучение этого вопроса принесет определенные результаты и в плане исследования этногенеза народов Средней Азии⁴.

¹ А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня.— СА, XI, 1949, стр. 340—342; его же. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 19, 20, 22.

² Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области.— КСИИМК, вып. 59, 1955.

³ Это мнение было уже нами высказано,— см. Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР (краткий обзор). Сталинабад, 1956, стр. 13.

⁴ Кайрак-кумские и даханинские материалы подтверждают предположение, высказанное нами в 1955 г., что «многообразие и глубина культурной общности Ферганы и сарматских племен» объясняется в частности тем, что «одним из важнейших источников формирования культуры сарматских племен явилась позднеандроновская культура Казахстана и на базе же позднеандроновской культуры севера Средней Азии развилась сако-усуньская культура» (Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района.— Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. XXXV, Сталинабад. 1955, стр. 207). Ту же мысль высказал и С. С. Сорокин — см. С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры.— СА. XXVI, 1956, стр. 116.

В. С. СОРОКИН

МОГИЛЬНИК ТАСТЫ-БУТАК 1

(раскопки 1956—1957 гг.)

Могильник Тасты-бутак 1 обнаружен Западно-Казахстанским археологическим отрядом ИИМК в 1955 г. Он находится примерно в полутора километрах к северу от незначительной степной речки Тасты-бутак (правый приток р. Орь), на землях колхоза им. Калинина, Сарыкамышского сельсовета, Новороссийского района, Актюбинской области, — в 2,5 км к северо-востоку от большого казахского могильного сооружения, хорошо видного на большом расстоянии и известного в среде местных жителей под именем могилы Тимибая. В непосредственной близости от могильника расположен другой (Тасты-бутак 2), а несколько далее, на берегу речки Тасты-бутак, обнаружены следы древнего поселения.

Все три памятника относятся к эпохе бронзы. Окружающая их местность представляет собою слегка всхолмленную степь, с выходами кое-где камня, что указывает на горное происхождение современного ландшафта. Отличительная особенность района — несколько заболоченных участков или даже небольших озер, высыхающих полностью только в засушливые годы. Два таких болота-озерка находятся в полукилометре к северу от могильника. Речка Тасты-бутак никогда не пересыхает, обеспечивая округу водой. По-видимому, и в эпоху бронзы условия для поселения человека здесь были во всяком случае не худшими, чем и объясняется возникновение древнего селища и примыкающих к нему могильников.

Могильник Тасты-бутак 1 занимает почти ровную площадку на относительно высокой точке местности. Он включает 57 погребальных сооружений типа каменных колец, расположенных тесно и беспорядочно. Только в северной части могильника несколько колец образуют цепочку. Можно заметить также, что могильник состоит как бы из двух частей — западной и восточной, — разделенных свободным от погребальных сооружений пространством. Попытка объяснить значение этого до окончания раскопок преждевременна, однако уже сейчас можно сказать, что деление это не случайно. Замечено, например, что погребения в каменных ящиках встречаются только в восточной части, в западной — все без исключения погребения оказались в грунтовых могилах.

По внешнему виду каменные кольца можно разделить на две группы. В первую входят кольца, бывшие первоначально оградками из одного ряда поставленных на ребро и врытых в землю плитообразных камней (рис. 8 — 1). К нашему времени эти оградки почти совершенно исчезли в результате выветривания: надземные части большинства камней разрушились и сравнялись с поверхностью почвы.

Кольца второй группы в настоящее время имеют вид более или менее широких и беспорядочных развалов камней, причем врытых в землю плит

здесь нет (рис. 8—2). Некоторые факты заставляют думать, что здесь были невысокие оградки, сложенные из некрупного камня. Наличие двух различных групп колец в настоящее время еще не находит удовлетворительного объяснения, однако заслуживает внимания тот факт, что кольца первой группы, т. е. из одного ряда врытых на ребро плитообразных камней, явно преобладают в западной части могильника.

За два года раскопок (1956—1957) на территории могильника исследовано 27 колец: 12 в западной и 15 в восточной части¹. В них обнаружено 55 могил, причем количество их в раскопанных кольцах различно: от одной до шести. Подавляющее большинство могил содержало труположения, в трех случаях, очевидно, была применена кремация.

Переходя к характеристике захоронений, следует указать общие для всех черты: все могилы продолговатой формы, скорее прямоугольной, чем овальной (хотя часто наблюдается скругление углов) и очень неглубоки, как правило не глубже 0,8—0,9 м; погребенные лежат на боку, ноги подогнуты, руки обычно также согнуты. Чаще умерших клали на левый бок, хотя в тех случаях, когда в могиле находили двух погребенных и половую принадлежность их удавалось определить, мужчина лежал на левом боку, а женщина — на правом. Господствующая ориентировка погребенных — головой на запад — выдерживалась обычно только в кольцах с индивидуальными или парными погребениями; в кольцах с несколькими могилами она легко нарушалась. Восточная ориентировка не встречается.

Погребальный инвентарь очень скуден; обязательны лишь глиняные сосуды (обычно два), помещались они всегда в той стороне, куда обращен головой погребенный. Незначительная глубина захоронения и, видимо, невысокое качество керамики приводят к тому, что сосуды чрезвычайно непрочны, разрушаются при расчистке и реставрация их чрезвычайно трудна. Часто погребения оказываются нарушенными землеройными животными и грабителями, но нередки и нетронутые погребения, особенно детские, причем и в последнем случае сопровождающий инвентарь оказывается очень скудным.

Вообще следует отметить чрезвычайную бедность инвентаря. Только в одной могиле (кольцо 26), совершенно разграбленной, обнаружено несколько маленьких кусочков золотой фольги, покрывавшей, вероятно, бронзовое изделие, частично орнаментированное вдавленными точками или штрихами. Украшения из бронзы однообразны и непритязательны. Встречаются они, насколько это удастся проследить, только в женских погребениях, в том числе и маленьких девочек. Это — бусы, которые носили на ногах, браслеты, серьги и пластинчатые подвески. Мужчины украшений, как правило, или не носили, или в соответствии с требованиями обряда погребались без них. Интересно погребение кольца 50. Мужчина в возрасте примерно 40 лет² погребен в каменном ящике, сложность сооружения которого не допускает предположения, что захороненный был обездоленным или неимущим членом общества. И тем не менее, несмотря на бесспорную ненарушенность могилы, при полном и неповрежденном скелете не оказалось — кроме, конечно, горшков — никаких вещей. Что же касается детей мужского пола, то с ними в могилу клали иногда игрушки — бараньи альчики, но украшения и в этом случае не встречаются.

За два года раскопок вскрыто девять парных погребений, среди которых преобладают совместные погребения мужчины и женщины, но есть захоронения двух подростков и женщины с маленьким ребенком. Особенно интересны погребения взрослых мужчин и женщин; нередко с бесспорной очевидностью устанавливается одновременность захоронения. Очевидно это

¹ Раскопки производил автор данной статьи. В 1957 г. в работах участвовала археолог О. И. Дворкина.

² Все антропологические определения принадлежат В. В. Гинзбургу.

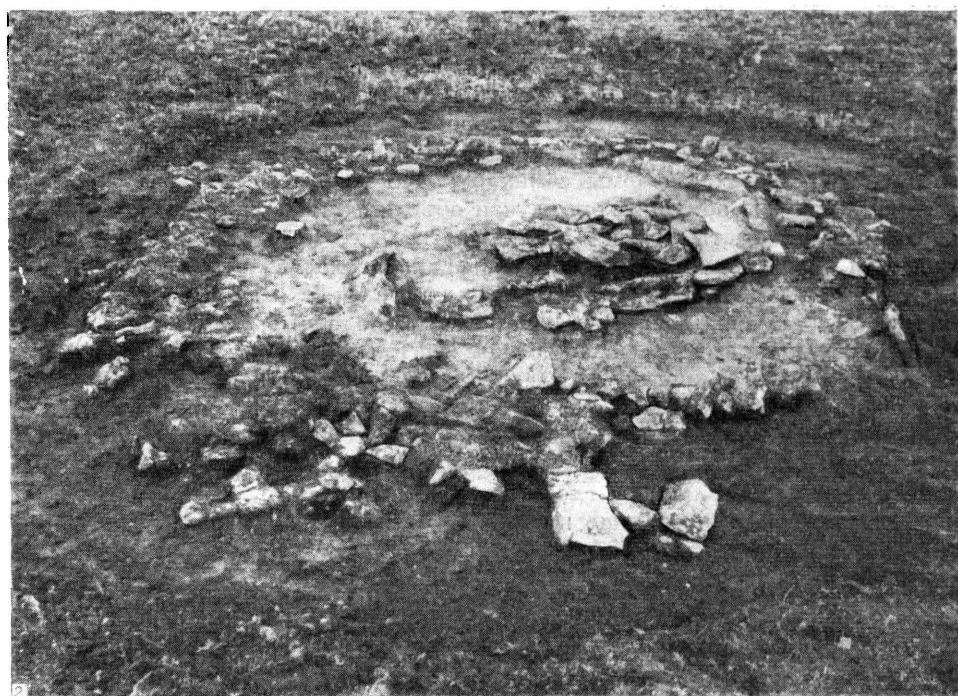
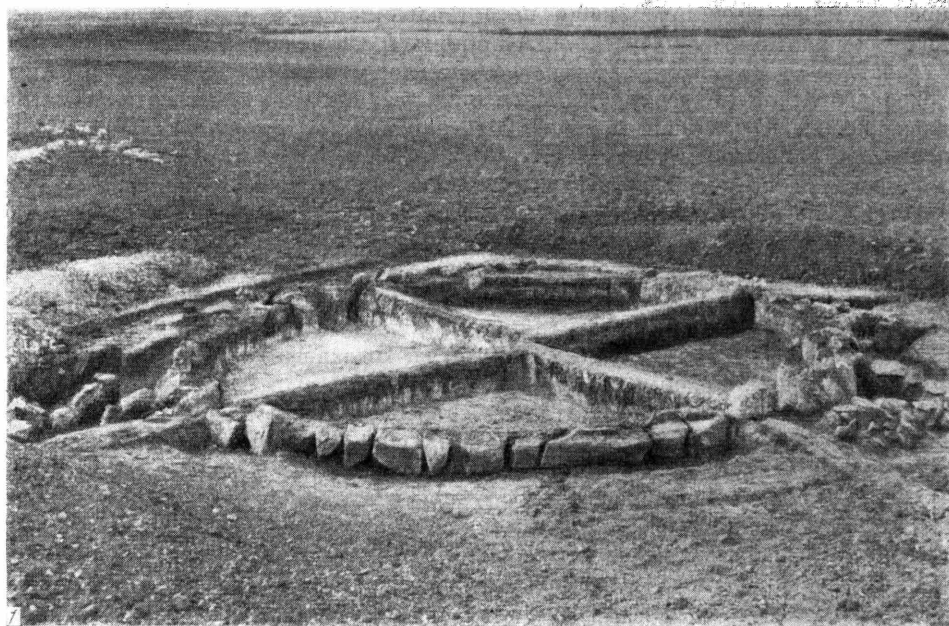

Рис. 8. Могильник Тасты-бутак 1

1 — кольцо 10 (первая группа) в процессе раскопок; 2 — кольцо 50 (вторая группа) в начале раскопок.

явление того же порядка, что было констатировано для могильника Кокча — 3 (Кара-Калпакская АССР), где супруги, умершие в разное время, погребались в одной могиле¹. Установление этого факта имеет первостепенное значение, расширяет наши представления о семейных и общественных взаимоотношениях у племен эпохи бронзы, и, во всяком случае, заставляет отказаться от механического перенесения (как это нередко делается в нашей археологической литературе) положений, установленных четверть столетия назад М. И. Артамоновым для других районов, на территории распространения андроновской культуры².

Несмотря на очень плохую сохранность скелетов, часть черепов все же удается восстановить. Их изучение дало в высшей степени важные результаты. По мнению В. В. Гинзбурга, они принадлежат населению не андроновского, а средиземноморского антропологического типа. Этот вывод не представляет собою чего-либо совершенно неожиданного. Уже давно установлены некоторые факты взаимовлияния и взаимопроникновения срубной и андроновской культур в смежных областях. Высказывалась мысль и о возможности проникновения племен срубной культуры в бассейне р. Урала³.

С. П. Толстов предположительно связывает открытую им тазабагъябскую культуру Хорезма бронзового века с проникновением индоевропейских племен в низовье Аму-Дарьи с северо-запада⁴.

Все же формы взаимодействия срубной и андроновской культур до сих пор остаются областью предположений.

Материалы из раскопок могильника Тасты-бутак 1 впервые дают возможность установить факт прямого проникновения населения западного района эпохи бронзы сравнительно далеко на восток, за реку Ор, и хотя с окончательными выводами не следует торопиться по крайней мере до завершения раскопок могильника, уже сейчас полезно рассмотреть в общих чертах некоторые новые данные.

По материалам могильника Тасты-бутак 1 мы можем наблюдать усвоение пришлым населением черт культуры, свойственной туземцам. К чертам, характерным для андроновской культуры, следует отнести кольцевое ограждение могил каменной оградкой; господствующую западную ориентировку погребенных; наличие, хотя и редких случаев, трупосожжения; обычай носить бусы на ногах и формы самих бус. По всей вероятности, влиянием срубной культуры объясняются случаи объединения в одном погребальном сооружении (в Тасты-бутаке — каменном кольце) нескольких могил с нарушением традиционной ориентировки. Таких колец в Тасты-бутаке 1 известно пять: № 14 и 18 — по шести могил, № 19 и 22 — по пяти и № 20 — три могилы. Для андроновских могильников подобные факты широко известны. Так, например, в Алакульском могильнике под двумя курганами оказалось в одном (курган № 8) девять, в другом (курган № 13) сорок одна могила, причем и в том и в другом курганах основная масса могил небольшого размера размещалась по дуге, охватывающей более обширные центральные могилы⁵. Подобная планировка повторяется в могильнике Тасты-бутак 1 и в кольце 18, где вокруг центральной могилы размещаются внутри каменной оградки еще пять.

¹ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 году.— СВ, 1955, № 6, стр. 101.

² Имеется в виду известная статья М. И. Артамонова «Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками».— ПИДО, 1934, № 7-8.

³ К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов.— СА, 1957, № 3, стр. 3.

⁴ С. П. Толстов. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956).— СЭ, 1957, № 4, стр. 41.

⁵ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль.— МИА, № 24, 1952, рис. 1 и 2.

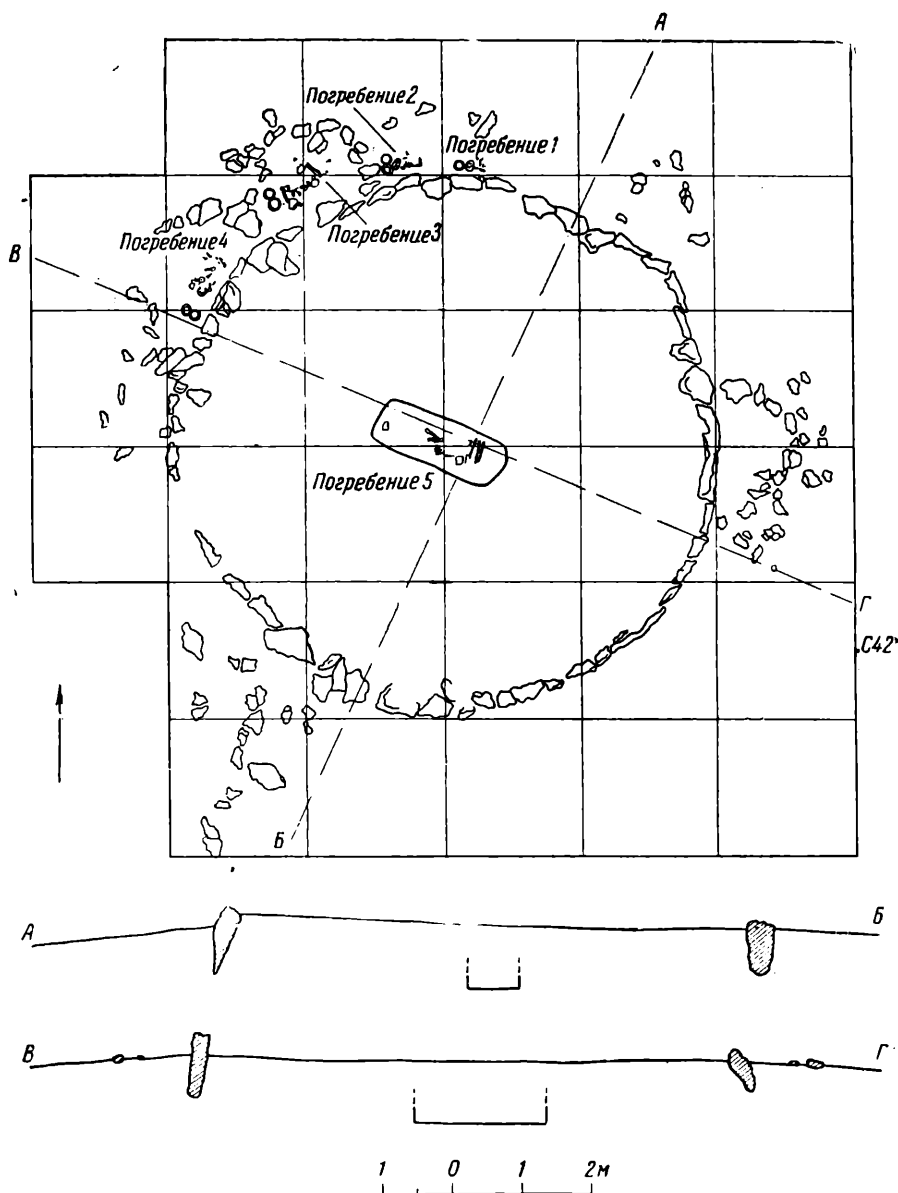

Рис. 9. Могильник Тасты-бутак 1. План кольца 10

Несмотря на бесспорную принадлежность Алакульского могильника к андроновской культуре, размещение значительного числа могил под одной общей курганной насыпью следует считать проявлением влияния срубной культуры, для которой это характерно¹.

Отдельно следует упомянуть кольцо 10 могильника Тасты-бутак 1, в центре которого помещалась одна могила, а вне кольца, по его дуге, на особьих, обозначенных на поверхности каменными дуговыми кладками участ-

¹ См., например, Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья.— МИА, № 42, 1954, рис. 15, 26, 33, 36 и 40.

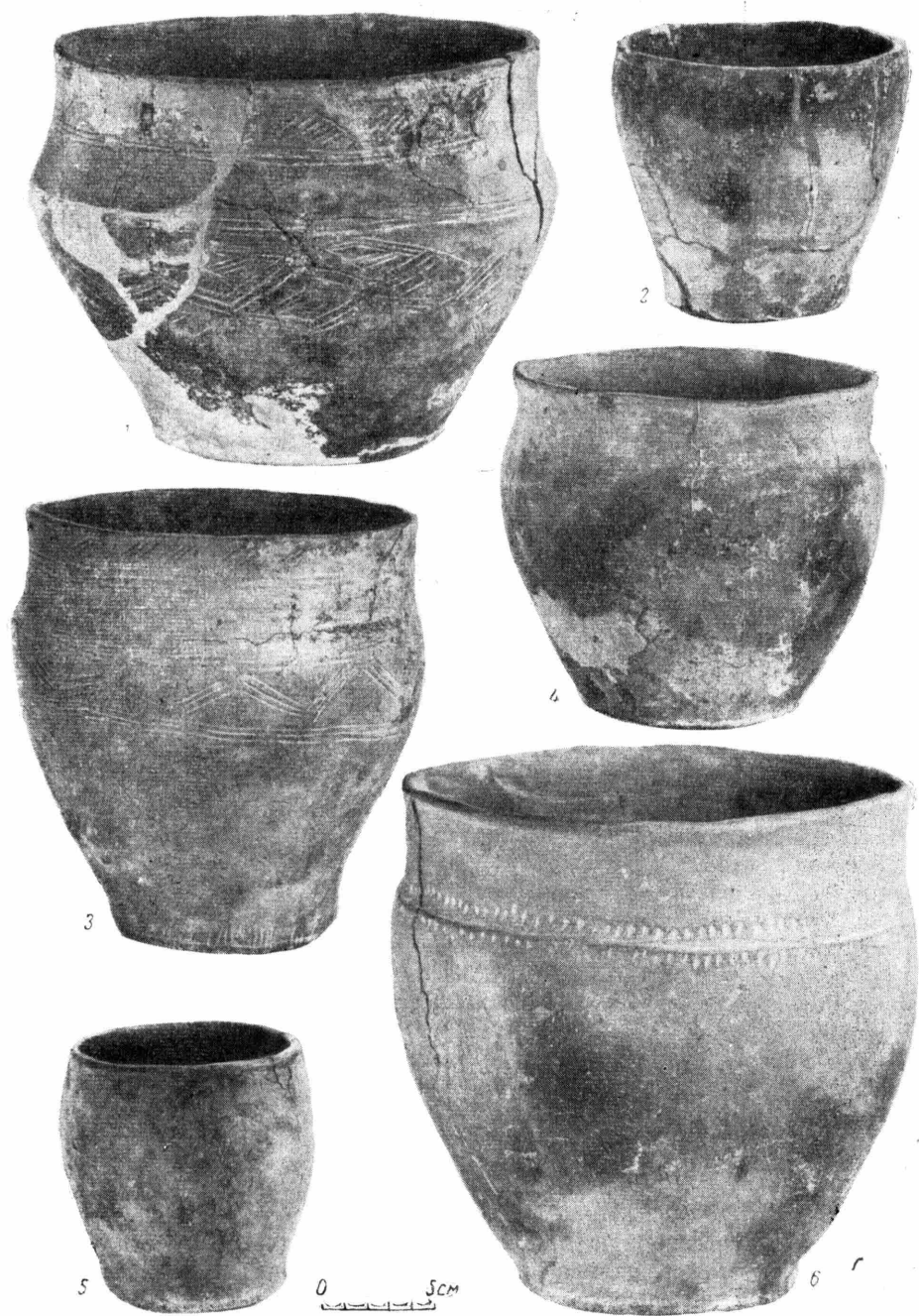

Рис. 10. Могильник Тасты-бутах 1. Сосуды из разных могил

ках — еще четыре могилы (рис. 9), что отличало его от всех остальных. В памятниках срубной культуры погребальная площадка вообще не ограждалась, но среди андроновских известны погребения вне оградки, заключающей центральную могилу. Таково, например, захоронение ребенка в маленьком каменном ящике, пристроенном к кольцу 5 могильника Алепаул. В середине кольца в обыкновенной грунтовой могиле похоронены мужчина и женщина. У внешней стороны оградки, наряду с погребением ребенка, обнаружены, расположенные в разных местах семь глиняных сосудов, из которых два были покрыты каменными плитками¹. Таким образом, порядок размещения могил кольца 10 могильника Тасты-бутак 1 следует считать андроновским, точно так же и два сосуда, обнаруженные под каменными выкладками у внешней стороны кольца 3 вне погребений, следует связать с обрядностью, свойственной андроновской культуре.

Сочетание на территории одного могильника черт двух различных культурных традиций — неизбежное следствие проникновения носителей одной культуры в область распространения другой. На наш взгляд, влияние двух культурных традиций сказывается и на керамических изделиях из погребений могильника Тасты-бутак 1 (рис. 10), хотя в этом случае оно обнаруживается труднее. Своеобразие керамического комплекса могильника Тасты-бутак 1 может быть трактовано как проявление локального варианта андроновской культуры, но сам этот вариант не мог возникнуть без проникновения на территорию андроновцев носителей иной культурной традиции. В керамическом комплексе могильника Тасты-бутак 1 есть известный процент сосудов бесспорно андроновского облика. Но есть и не андроновские сосуды, некоторые экземпляры напоминают срубную керамику.

Продолжение раскопок могильника Тасты-бутак 1 несомненно уточнит наши представления о формах и результатах проникновения в казахстанские степи приволжского населения эпохи бронзы.

¹ П. С. Рыков. Работы в совхозе Караганда. — Изв. ГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 57—58, 61—62. В данном отчете указанное кольцо 5 названо «курганом», несмотря на отсутствие какой-либо насыпи. Частая, к сожалению, терминологическая небрежность в нашей специальной литературе.

А. Г. МАКСИМОВА

КУРГАНЫ САКСКОГО ВРЕМЕНИ
МОГИЛЬНИКА ДЖУВАНТОБЕ

Памятники сакского времени на территории Алма-Атинской области оставались до последних лет почти не изученными. Они были известны только по отдельным случайным находкам и по раскопанным А. Н. Бернштамом в 1940 г. около ущелья Каргалы, Узунагачского района курганам, относящимся к переходному периоду от эпохи бронзы к раннему железу (VIII—VII в. до н. э.)¹. Между тем, этот период один из важнейших в истории Казахстана — время становления кочевого скотоводства как основной отрасли хозяйства.

Работами Семиреченской археологической экспедиции под руководством Е. И. Агеевой в 1956 г. открыты и исследованы курганы сакского и усуньского времени на могильнике Джувантобе в Чиликском районе. На этом обширном могильнике курганы расположены несколькими группами. В 1939 г. А. Н. Бернштам в одной из групп, находящейся в 1—1,5 км на восток от раскопанных нами, исследовал несколько курганов, относящихся к VI—VIII вв. н. э.²

В настоящей статье рассматриваются только курганы сакского времени. Они расположены небольшими группами без определенной системы. Насыпь земляная с речной галькой. Диаметр от 6 до 18 м. Раскопано семь курганов.

Курган 12 диаметром 10 м, высотой 0,45 м. В центре две могилы, ориентированные с запада на восток, перекрытые поперек деревянным накатом и ветками. Могилы расположены параллельно на расстоянии 0,5 м одна от другой (рис. 11—2).

Могила 1 (северная). Длина ямы 2,1 м, ширина — 1,15 м. На глубине 0,9 м от вершины кургана лежал скелет лошади спиной вверх, с подогнутыми под туловище ногами (рис. 11—3). Голова немного закинута назад и находилась на стенке могильной ямы по направлению к могиле 2. В зубах лошади — бронзовые удила со стремявидным кольцом (рис. 11—8). В области левой лопатки — бронзовые ворворки и пронизка от сбруи (рис. 11—11, 12). Под челюстью — аналогичная пронизка (рис. 11—10) и поделка из кости, в виде головы лошади (?) с петелькой для подвешивания (рис. 11—7). Около ребер, слева — две подпружные бронзовые пряжки.

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941. стр. 24.

² А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 39—40; его же. Памятники старины Алма-Атинской области.—Изв. АН КазССР, № 46, серия археологическая. вып. 1, 1948, стр. 81; его же. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня.—СА, XI, 1949, стр. 366.

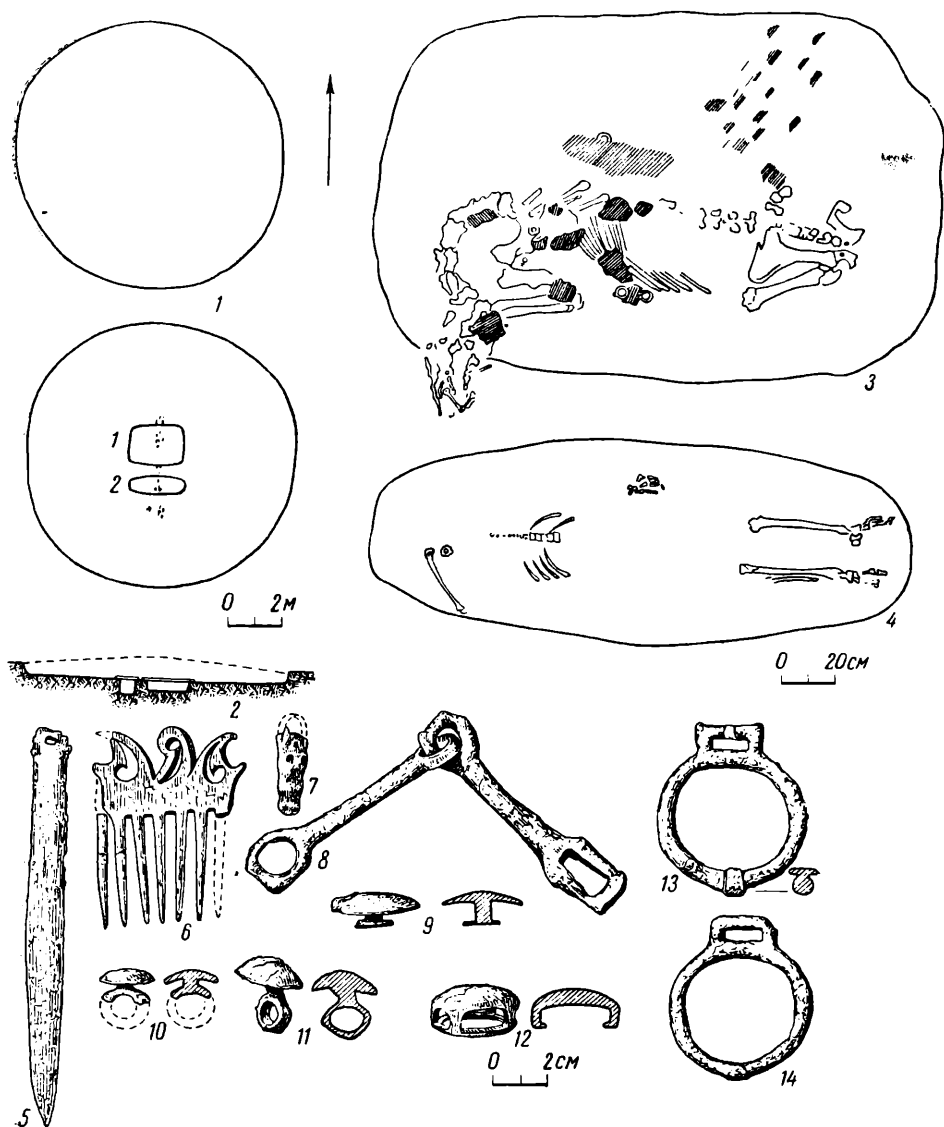

Рис. 11. Могильник Джувантобе. Курган 12

1, 2 — планы и разрез кургана; 3 — захоронение лошади (могила № 1); 4 — захоронение человека (могила № 2); 5—14 — различные находки из кургана.

а справа — бронзовая бляшка (рис. 11—9, 13, 14). На хвостовых позвонках — аналогичные бронзовые ворворки и пронизка.

Могила 2 (южная). Длина ямы 2,1 м, ширина 0,5 м. На глубине 1,1 м вскрыт неполный скелет человека. На месте сохранились часть позвоночника с ребрами, кости ног ниже колен и кисть левой руки (рис. 11—4). Судя по их положению, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. У правой голени найден бронзовый нож с небольшой петелькой на конце рукоятки, острием обращенный в сторону черепа. Лезвие и черенок ножа не расчленяются (рис. 11—5). Под лезвием ножа — костяной гребень. Навершие его украшено прорезными завитками в виде запятой (рис. 11—6).

В остальных шести курганах под насыпью находилось по одной могиле. Длина могил 2—2,3 м, ширина 0,5—0,85 м, глубина 1,1—1,25 м от вершины кургана. Над могилами остатки поперечного деревянного наката. Только в кургане 49 могила была несколько меньших размеров (1,6 × 0,7 м, глубина 1 м) и не имела следов деревянного покрытия. Все могилы ориентированы по линии ЗЮЗ — ВСВ запад — восток. Погребенные лежат на спине, головой на ЗЮЗ или запад.

В кургане 10, в центре насыпи встречены обломки глиняного сосуда, сделанного на матерчатом шаблоне. Диаметр венчика 9 см (рис. 12—5). Черепок в изломе темновато-коричневый, поверхность серовато-коричневая, в тесте примесь мелкой дресвы. При скелете (рис. 12—9) лежали бусы из арагонита с кальцитом и из пасты (рис. 12—2).

В кургане 48, между локтем и ребрами погребенного лежал бронзовый нож (рис. 12—4) и деревянный гребень (рис. 12—1), а в области грудной клетки — бусы из арагонита и одна пиритовая (рис. 12—3).

В кургане 43, при частично нарушенном скелете, в западном конце могилы обнаружены сланцевое пряслице, белая пастовая бусина и кусочек охры.

В кургане 70 около головы погребенного находились глиняный сосуд и хвостовые позвонки барана (рис. 12—10). Сосуд желтовато-серый (в изломе и с поверхности), с примесью крупнозернистой дресвы в тесте, сделан ленточной техникой (рис. 12—7). Снаружи следы закопченности и нагара.

В кургане 44, в заполнении могильной ямы, около дна, среди разрозненных костей человека (рис. 12—11), найден сосуд из глины с примесью дресвы и дробленого кварца, сделанный ленточной техникой (рис. 12—6). Снаружи и внутри — следы закопченности.

В кургане 49 около груди погребенного, слева стоял глиняный сосуд с выпуклым, слегка приплюснутым дном. В тесте примесь дресвы и крупных зерен кварца (рис. 12—8). Снаружи и внутри сосуда — остатки пригорелой пищи.

Весь погребальный инвентарь курганов находит аналогии в памятниках эпохи ранних кочевников. Подобные удила с кольцом в виде стремени известны в курганах майэмурского этапа под Солонечным белком (VII—V вв. до н. э.)¹, близ станицы Москаленки на Иртыше², в скифских памятниках Поднепровья (к середины VI в. до н. э.)³ и в местности Тюп (Киргизия), относящихся к VIII—VI вв. до н. э.⁴ Аналогичные удила из неизвестного местонахождения хранятся в Ташкентском историческом музее. Подпружные пряжки известны из кургана под Солонечным белком (VII—V вв. до н. э.)⁵, в Большереченских курганах (раскопки Н. С. Гуляева)⁶, в кладе, найденном в бывшем Верненском казенном саду (г. Алма-Ата)⁷, из

¹ М. П. Грязнов. Памятники майэмурского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае.— КСИИМК, вып. XVIII, 1947, рис. 3—9, стр. 10.

² М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.— КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 12, рис. 3—13.

³ П. Д. Либеров. Археология памятников Поднепровья скифского времени.— Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.)». М., 1954, стр. 150, табл. I, 20; его же. Курганы у села Констаытиновки.— КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 142, рис. 456; В. П. Ильинская. Керамика скифских погребений Посулья.— Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 181, табл. IV, 2.

⁴ А. Н. Бернштам. Чуйская долина.— МИА, № 14, 1950, табл. ХСV, 37.

⁵ М. П. Грязнов. Памятники майэмурского этапа..., стр. 11, рис. 4—6, 9.

⁶ Там же, стр. 16, рис. 6—14.

⁷ А. Г. Максимова. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана (г. Алма-Ата).— Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. I, археология, 1956, табл. I, 6.

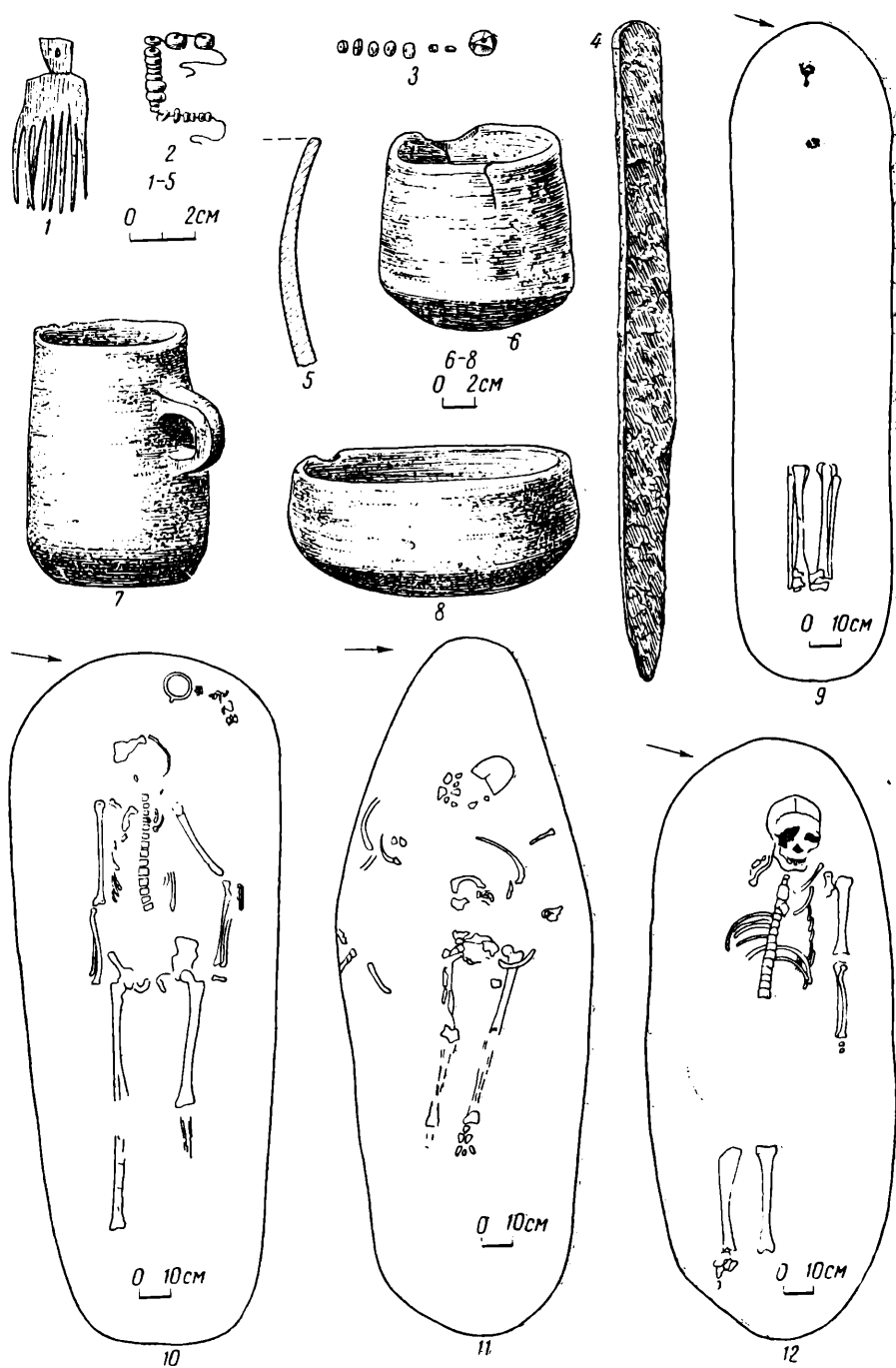

Рис. 12. Могильник Джувантобе. Планы погребений и находки из различных курганов
 1, 3, 4, 12 — курган 48; 2, 5, 9 — курган 10; 6, 11 — курган 44; 7, 10 — курган 70; 8 — курган 49.

Нарына (Тянь-Шань) VIII—VI вв. до н. э.¹ и из Тамдинского могильника VI—IV вв. до н. э.² Подобные пронизки и ворворки найдены в кургане под Солонечным белком³, в могильнике Ак-беит (Памир) VI—IV вв. до н. э.⁴ Ножи, аналогичные рассмотренным, известны в Сибири, в памятниках тагарского времени⁵, в могильнике Аламышик (Киргизия) VI—V вв. до н. э.⁶ Глиняные сосуды по технике изготовления, тесту, форме находят также аналогии в различных погребениях сакского времени⁷. Таким образом, рассмотренные нами курганы можно отнести к сакскому времени — VII—VI вв. до н. э.

Полученный материал позволяет сделать некоторые выводы. Основные орудия труда, предметы быта, принадлежности конской сбруи изготавливались из бронзы. Железо в этот период еще не знали. Сосуды резко отличаются по форме и технике изготовления от сосудов предшествующей эпохи бронзы. Они сделаны довольно грубо из рыхлого, с большой примесью дресвы, теста, ленточной техникой и только в одном случае — на матерчатом шаблоне. Характерно округлое, слегка приплюснутое дно. Находки каменного пряслица и сосуда с отпечатками ткани на внутренних поверхностях свидетельствуют о ткачестве. Захоронение верхового коня, хвостовые позвонки барана — остатки погребальной пищи, форма и техника изготовления посуды — все это свидетельствует о переходе к новой форме ведения хозяйства — к кочевому скотоводству, когда в основном стали разводить таких животных, как лошадь и овца, которые были более выносливыми при перекочевках.

Время VII—VI вв. до н. э. — очень важный период в истории сложения кочевых племен на обширной территории Казахстана. К сожалению, этот период еще слабо изучен. Одним из перспективных для изучения объектов можно назвать могильник Джувантобе. Исследования его очень важны и интересны, так как его материалы позволяют проследить непрерывную линию развития племен, начиная с эпохи саков вплоть до тюркского времени.

¹ А. Н. Бернштам. Чуйская долина..., табл. XCV, 43, 44.

² А. Н. Бернштам. Саки Памира.— ВДИ, 1956, № 1, стр. 126, рис. 5.

³ М. П. Грязнов. Памятники майэмурского этапа..., стр. 11, рис. 4—3, 4.

⁴ А. Н. Бернштам. Саки Памира, стр. 129, рис. 8.

⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири.— МИА, № 9, 1949, табл. XXIII, 4.

⁶ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, № 26, 1952, стр. 34, рис. 14—1.

⁷ А. Н. Бернштам. Чуйская долина..., табл. XCV, 31, 32, 34; его же. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943, табл. III, рис. 15, 16; его же. Саки Памира..., стр. 123, рис. 2.

Е. А. АГЕЕВА

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕМИРЕЧЬЯ

В 1956 г. Институт истории АН Казахской ССР организовал экспедицию для сборов материалов к составлению археологической карты двух областей Семиречья — Алма-Атинской и Талды-Курганской.

Не останавливаясь на анализе многочисленных данных, полученных в итоге работ экспедиции, рассмотрим только вопрос о характере размещения археологических памятников в исследованных областях (рис. 13). Всего выявлено 597 памятников, неизвестных ранее по литературе. Из литературных источников получены сведения примерно о 350 памятниках. Основную массу их составляют курганные могильники. По внешним признакам они в большинстве принадлежат к одному типу: центральную часть могильника образует одна или несколько цепочек больших курганов, вокруг которой группируются цепочки мелких (от 5 до 16 м в диаметре и от 0,1 до 1 м высоты). В основании насыпи окружены кольцом из камней, а в центре — овальная или круглая каменная выкладка. Таких могильников оказалось большинство; с целью их датировки произведены раскопки 167 курганов на 18 могильниках. Подавляющее число вскрытых курганов дали материал, характерный для времени усуней в широком понятии этого термина, т. е. с III в. до н. э. по III—IV н. э. Установлено значительное разнообразие в устройстве могильных ям, что следует объяснить и разными географическими условиями, и тем, что в состав племенного союза усуней входило несколько разных этнических групп со сложившимися к тому времени своими религиозными традициями. Решение вопроса будет возможно только после более широкого изучения могильников. Могильные ямы во всех курганах грунтовые, выбитые в каменистом и галечном грунте. Внутреннее же устройство их разное. Удалось выявить восемь типов сооружений: а) грунтовая яма, заполненная камнями и мелкой галькой с землей; б) грунтовая яма, перекрытая сверху деревянным накатом, идущим вдоль ямы; в) грунтовая яма, у дна которой вдоль ее длинных стен сделаны небольшие приступочки, на которых покоится поперечный деревянный накат; г) грунтовая яма, перекрытая сверху каменными плитами; д) грунтовая яма с подбоем, перекрытым плотно пригнанными каменными плитами; е) грунтовая яма, перекрытая наискось поставленным (от дна к противоположной стенке) деревом, очевидно имитирующим подбой, так как здесь могильные ямы сооружены в мало связанном галечном грунте; ж) грунтовая с подбоем яма безо всякого перекрытия; з) грунтовая яма, на дне которой сооружен каменный ящик. Следует отметить, что в одном могильнике встречаются одновременно несколько типов.

Погребальный инвентарь ограничен и весьма устойчив: глиняные со- суды (от одного до пяти), железные плоские небольшие ножи, серьги, бусы, головные железные и бронзовые булавки, поясные пряжки, кости барана, чаще курдючной его части.

Набор украшений, ножей, пряжек однотипен и пока трудно поддается разграничению по времени. Легче классифицируется керамика. Время III—I вв. до н. э. представлено сосудами в виде открытых чаш и кувшинов с округлым дном. Некоторые кувшины снабжены небольшими петлеобразными ручками. Подавляющее большинство сосудов сделано на матерчатом шаблоне. Посуда I в. до н. э.—I в. н. э. характеризуется начавшейся уплощенностью дна и более разнообразной профилировкой венчиков. Посуда I—III вв. н. э. преимущественно плоскодонна. Формы сосудов и их размеры в течение этого довольно длительного промежутка времени менялись мало.

Не случайно, что обследованная экспедицией древняя страна усуней, территория интенсивного кочевого скотоводческого хозяйства, оказалась насыщенной курганными могильниками. Они расположены почти во всех более или менее пригодных для ведения кочевого скотоводческого хозяйства районах и в первую очередь в речных поймах с богатым травостоем. Могильники размещаются либо около горных ущелий у выхода рек, либо вдоль течения крупных горных рек, таких как Чемолган, Каскелен, Курты, Талгар и др. и в основном в верхнем их течении, т. е. также недалеко от горных пастбищ. Они как бы замыкают входы на сезонные пастбища — летовки (джайлау), располагаясь в местах весенних и осенних выпасов. Здесь наиболее долог и обилен травостой, самые удобные подступы к свежей горной воде. Большинство урочищ защищено от зимних буранов и снегопадов. В этих местах раньше всего весной тает снег, здесь же раньше, чем где-либо, осенью появляется новая свежая трава. Все могильники находятся только вдоль горных склонов, далее на север они не распространяются, ибо там большое количество соленых болот и озер, пески и солончаки — места мало пригодные для ведения и скотоводческого и земледельческого хозяйства. Обычно территория, заполненная курганными полями, чередуется с совершенно свободным от них пространством. Центральную часть такой территории составляет большой по количеству насыпей могильник, а по обе стороны от него располагаются мелкие могильники. Очевидно, что такое распределение могильников на территории изученных областей было связано с родо-племенным делением усуней на ряд групп. Материалы разведки позволяют наметить нам основные районы расселения этих групп: Алма-Атинская область (с запада на восток) — район колхоза Ак-Терек, Самсы-Чемолган, Каскелен, среднее течение реки Ак-Сенгир, Чиен-Покровка, среднее течение р. Куртинки, район реки Чолак (около ст. Копа), Алма-Ата, Талгар (с районом Ново-Алексеевки и Иссыка), Тургень, окрестности пос. Чилик, среднее течение реки Чарын (от Сарытогая до Чунджи), район поселков Жаулаты-Ават, район пос. Малое Ачинохо. В Талды-Курганской области: среднее течение реки Усек, Конурулэн, Басчи, Луговое-Голубиновка, среднее течение р. Каратал, р-н Капала, Кзыл-Агач, правый берег р. Или.

Учитывая естественно-географические условия Семиречья и распределение на его территории могильников, можно заключить, что кочевки здесь не были продолжительными. Это в свою очередь создавало возможность перехода к более или менее прочной оседлости. Особенности ведения кочевого хозяйства отразились и на керамике, которая все более и более приобретала плоскодонность. Процесс перехода к оседлости и земледелию происходил здесь очень медленно. О времени начала его пока судить по нашим материалам трудно. Но материал с более широкой территории расселения родственных кочевых племен показывает, что он начался на рубеже нашей эры. Письменные источники упоминают о наличии у усуней поселения

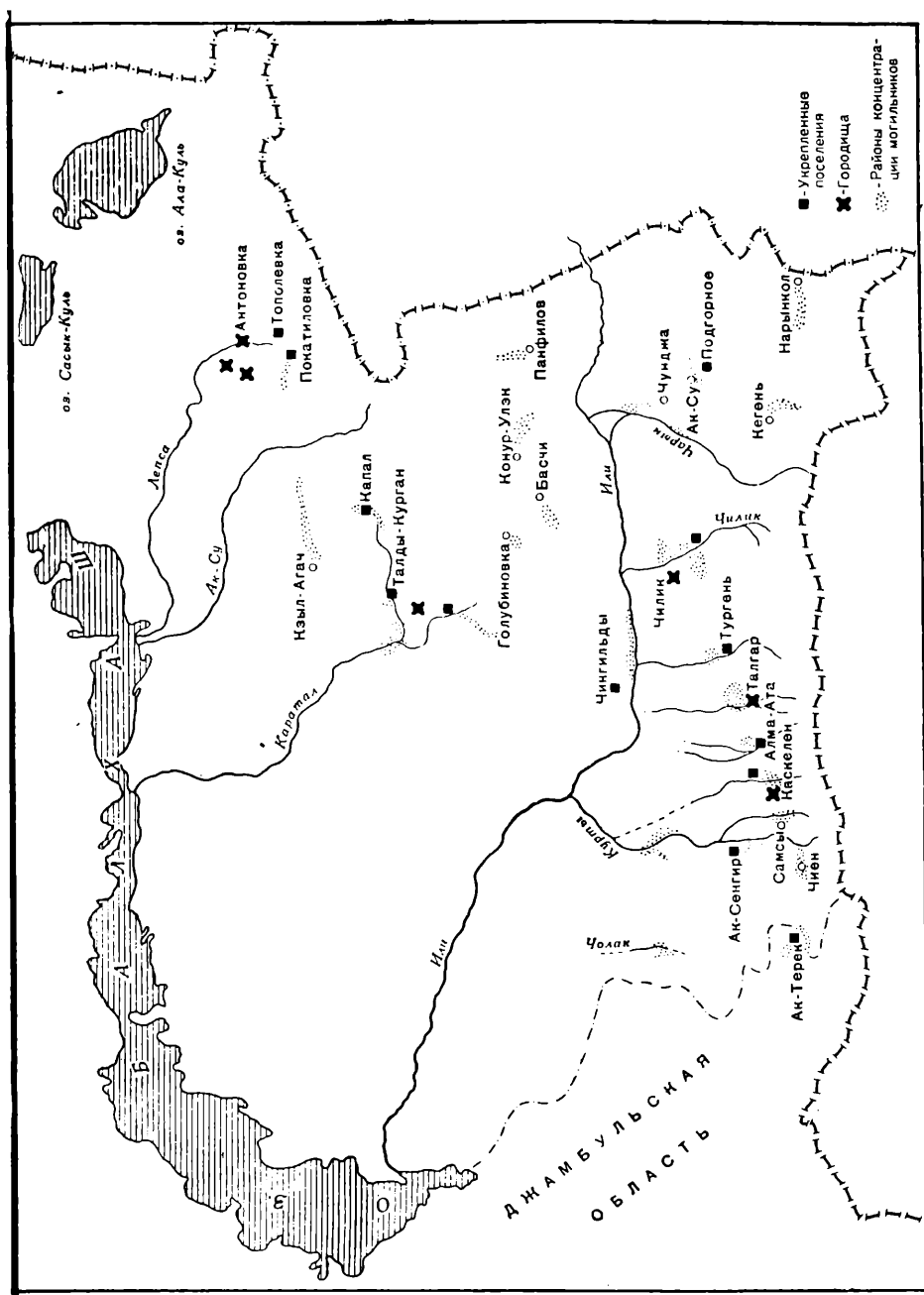

Рис. 13. Схематическая карта размещения археологических памятников в Дам-Атинской и Талды-Курганской областях

столицы Чигу и о выращивании ими дынь. Во время археологических исследований 1939 г., руководимых А. Н. Берштамом, выявлены остатки поселения на территории колхоза «Горный гигант» (р-н г. Алма-Аты) ¹. О создании оседлых поселений и городов можно судить и на основании материалов нашей разведки и данных семиреченской археологической экспедиции 1939 г. ². Такие поселения и города находятся около пос. Ак-Терек, Чемолган, Каскелен, Ак-Сенгир, Алма-Ата, Талгар, Турген, Чилик, Подгорное, Чингильды, Капал, в долине р. Каратала, около пос. Антоновка, Алга-бас, колхоза им. Буденного (р-н пос. Антоновки), около пос. Тополевка и пос. Покатиловка. По типу — это квадратные или прямоугольные в плане укрепленные поселения. Размеры их невелики, длина стен от 40 до 80 м, за исключением городищ у пос. Чилик, Талгар, на среднем течении р. Каратала, в р-не пос. Антоновка (Алга-бас), длина стен которых от 200 до 400 м. Первые из них — малые, были небольшими укрепленными поселениями земледельцев и ремесленников и караван-сараями. Вторые, большие — городского типа. Находки тяжеловесной, неудобной для кочевки посуды около пос. Каргалинки, Иссика, Чемолгана, Маловодное, Панфилова и др. свидетельствуют о существовании там неукрепленных поселений, внешних признаков которых сейчас обнаружить не удалось. Подъемный материал с большинства поселений и городов ограничен пока временем IX—XV вв. н. э. за исключением городища Талгар, где экспедицией, руководимой И. И. Копыловым, обнаружен материал VI—VII вв. н. э. Отсутствие более раннего материала с других пунктов, следует объяснить тем, что археологические исследования их еще не начаты ³.

Причиной возникновения этих оседло-земледельческих и ремесленных поселений было дальнейшее развитие производительных сил. Непродолжительность кочевков создавала более благоприятные условия для основания поселений. Рост товарности скотоводческого хозяйства, развитие товарно-денежных отношений, все большая дифференциация внутри производства привели к выделению ремесленников, а затем и торговцев из общей массы населения. Этот процесс не следует замыкать только в узкие рамки обследованных областей, он шел на широкой территории, только разными темпами и в разное время. Поэтому-то в западной части Алма-Атинской области (начиная от Каскелена) нет сколько-нибудь крупных оседлых поселений. Здесь нами отмечены только мелкие. Очевидно, эта часть области хозяйственно была связана с городами Чуйской долины (Якалыг, Сарыг, Баласагун и др.). Также поступали и кочевники глубинных районов восточной части Алма-Атинской области (р-н Нарынкола, Кегеня), которые попадали в Чуйскую долину через перевал Сары-джаз.

Чем дальше на восток, тем все более затруднительными становились хозяйственные общения кочевников-скотоводов с городами Чуйской долины и здесь, как мы видим, возникают более крупные поселения городского типа и даже оазисы (в районе среднего течения р. Каратала со столицей Койлык, и р-не поселков Антоновка — Алга-бас). К числу таких крупных поселений относятся и городища Талгар и Чилик. Они становятся не только центрами внутренней торговли, но через них проходят караванные пути, связывающие Семиречье со Средней Азией и Китаем.

Органическая связь этих поселений с окружающей массой кочевников (очевидно, являвшихся и создателями этих поселений) подтверждается и самим размещением. Все они располагаются непосредственно в районах больших курганных могильников кочевников, а иногда даже в центре этих

¹ А. Н. Бернштам. Прошлое района Алма-Аты. Алма-Ата, 1948, стр. 3.

² А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской области. — Изв. АН КазССР, № 46, сер. археологич., вып. 1, Алма-Ата, 1948.

³ И. И. Копылов. Отчет экспедиции Казахского пед. ин-та. Рукопись Ин-та истории АН КазССР.

территорий. Молчание письменных источников об этих городах объясняется тем, что в VI—VII вв. центр политической и экономической жизни из Семиречья переместился на юг в долины рек Таласа и Сыр-Дарьи. Города эти не были расположены на основных магистральных караванных путях, о которых в основном и сообщают известные нам арабо- и персо-язычные источники. Продукция ремесленников городов Семиречья была рассчитана только на удовлетворение внутреннего рынка. Не упоминаются эти города и в истории борьбы народов Казахстана и Средней Азии с монголами. Очевидно, они не были, да и не могли служить форпостами обороны и центрами сосредоточения чуждых для монголов-кочевников оседлых земледельцев, ибо сами они были порождены развитием производительных сил таких же кочевников-скотоводов, как и сами монголы, имевшие в это время также ряд поселений и городов аналогичного по внешнему виду типа¹.

Оседлость и земледелие продолжали развиваться в том же медленном темпе и в последующее за монгольским завоеванием время и сохранились вплоть до последних дней. Характерно в этом отношении высказывание первого географа-исследователя района Алма-Аты Н. А. Абрамова, который характеризует этот район как земледельческий, земледелием здесь, говорит он, занимается коренное население². Интересные сведения на эту тему сообщает и китайский источник домонгольского времени, где в повествовании о стране усуней говорится: «их государство на западе имеет (в соседстве) три (племени) куманов. Главу государства выбирают из владельцев земель, (они) обрабатывают землю... в прошлом обитали в месте, где находилась (китайская) княжна»³.

Разобранные в настоящей статье вопросы требуют углубленного изучения с широко поставленными археологическими раскопками. Однако мы считаем возможным привести наши наблюдения, построенные на разведывательных работах экспедиции 1956 г.

¹ С. В. Киселёв. Монголия в древности.— Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. IV, № 4, 1947, стр. 371, рис. 7.

² Н. А. Абрамов. Алма-Ата или укрепление Верное с его окрестностями — Зап. РГО по общей географии, т. I. СПб., 1867, стр. 261.

³ Ч ж о у Ч ж и - ч ж и, И Л ю - ч ж и. Цзюань, вып. 2. Шанхай, 1936, с. 74. Сведения эти сообщены нам китаеведом Ю. А. Зуевым.

И. КОЖОМБЕРДЫЕВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КЕНКОЛЬСКОМ МОГИЛЬНИКЕ

Широко известный в археологической и антропологической литературе Кенкольский могильник, расположенный на левом берегу р. Кенкол в верховьях долины Таласа, впервые исследовался в 1938—1939 гг. А. Н. Бернштамом. Им было раскопано 12 курганов, давших исключительно интересную коллекцию, ныне хранящуюся в Государственном Эрмитаже.¹

В 1956 г. Таласским отрядом Киргизской археологической экспедиции Института истории АН Киргизской ССР, при участии автора, было продолжено изучение могильника, вскрыто 16 курганов, из них в десяти обнаружены погребения в катакомбах, в пяти — в грунтовых ямах и в одном — в ящике из сырцового кирпича. Следует отметить, что в группе курганов, раскопанных А. Н. Бернштамом, нами вскрыто еще пять катакомбных погребений. Остальные исследованные курганы расположены в 0,5 км к северу от них.

Внешний вид курганов однороден. Насыпи земляные округлые, диаметром от 8 до 12 м и высотой от 0,5 до 1 м. На некоторых на поверхности насыпи лежали отдельные разбросанные камни. В насыпи встречались фрагменты лепных сосудов двух типов: чрезвычайно грубого изготовления, из черного теста с большой примесью дресвы, и фрагменты довольно хорошей выделки, прекрасного обжига, лощеные.

Могильные сооружения состоят из катакомбы и подводящего входа-дромоса, расположенного перпендикулярно к длинной оси катакомбы. Дромос — прямоугольный, длинный узкий (0,7—1,2 м ширины) в виде коридора, наклонен по отношению к входу катакомбы и заполнен мягкой лёссовой землей и крупными камнями. Длина его — 6 м, глубина в начале — 0,4, у входа — до 3,8 м. Ориентировка входа в катакомбу различна. Из десяти в трех случаях вход с севера, в трех — с юга, в трех — с юго-запада и в одном — с северо-востока.

Отверстие входа круглое, диаметром 0,7—0,8 м. Оно закрывалось одной или несколькими плитами. Катакомба овальной формы, со сферическим потолком. Ее длина от 2 до 2,9 м, ширина — 0,8—2 м, высота — 0,7—1,2 м. Дно ниже дна дромоса на 0,2 м и больше.

Погребения совершались прямо на земляном полу катакомбы. В двух случаях пол был застлан плоскими камнями. Погребенные лежали на спине; руки вытянуты вдоль туловища; голова в большинстве случаев ориентирована на северо-восток. Для многих погребений ориентировка не установлена из-за потревоженности костей. Захоронения были единичные, парные и коллективные.

¹ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940.

Преобладают черепа с деформацией.

В погребальном инвентаре раскопанных в 1956 г. катакомб основными находками были глиняные и деревянные сосуды.

С технической стороны керамику можно разделить на две группы. К первой относятся сосуды в форме кувшинчика и банки (причем последние преобладают) ручной лепки; они асимметричны, с плоским дном и без орнамента; на наружной поверхности следы копоти. Тесто чрезвычайно грубое с большой примесью дресвы, рыхлое, слабого обжига; черепок в изломе черный. Сосуды этого типа распространены главным образом в Центральном Тянь-Шане. Такие же сосуды, хотя и в небольшом числе найдены в раскопках Г. Гейкеля¹ и А. Н. Бернштама². К этой же группе принадлежит курильница в форме чаши с плоским дном. По стенке и по дну ее проткнуты мелкие сквозные отверстия. В ней лежали древесные угольки.

Вторую группу составляют два сосуда — горшок и фляга. Они прекрасного изготовления, ручной лепки, тесто плотное, хорошего обжига, светло-желтого цвета с розоватым оттенком. Горшок высотой 12 см, с плоским дном, почти равным по диаметру устью, с шарообразным туловом и слегка отогнутой наружу закраиной. Фляга, высотой 26 см, плоская с одной стороны, с невысокой горловиной, отогнутой наружу закраиной и петлеобразной вертикальной, ручкой. Аналогичные сосуды известны и из раскопок А. Н. Бернштама.

Сосуды второй группы находят широкие аналогии в керамике оседло-земледельческих районов. Относительную близость керамики Кенкола с керамикой Ташкентского оазиса и Ферганы в свое время уже отмечали А. Н. Бернштам³ и В. Ф. Гайдукевич⁴. Более детально в последнее время это рассмотрел С. С. Сорокин⁵. Общность форм сосудов из могильника Чаткала с керамикой ташкентского оазиса и Кенкола отмечена А. К. Кибировым⁶.

Подобные найденным нами фляги широко известны в Ташкентском оазисе и в Фергане, однако у тех отсутствуют ручки (но иногда имеются сбоку петельки).

Керамика Кенкола находит широкие аналогии среди сосудов из катакомбных погребений Ташкентского оазиса, которые связываются с одновременными им поселениями и датируются в основном первыми веками нашей эры⁷. К этому же времени можно отнести керамику Кенкола,

На тесную культурную связь долины Таласа с равнинными земледельческими районами указывает также деревянный кувшин с вертикальной

¹ H. Heikel. *Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan.*— *Travaux Ethnographiques*, VII, Helsinki, 1918.

² А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 16, табл. XII, 2.

³ Там же, стр. 17.

⁴ В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане.— *СА*, XVI, 1952, стр. 342, 347.

⁵ С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения.— *СА*, XXVI, 1956, стр. 105; его же. О датировке и толковании Кенкольского могильника.— *КСИИМК*, вып. 64, 1956, стр. 8; его же. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы.— *СА*, XX, 1954, стр. 143.

⁶ А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткала.— *Тр. Ин-та языка и литературы и Ин-та истории АН Кирг.ССР*, вып. V, Фрунзе, 1956, стр. 8.

⁷ А. И. Тереножкин. Рецензия на работу Г. В. Григорьева. Каунчи тепе.— *Изв. АН Уз. ССР*. № 8, 1940, стр. 86; С. П. Толстов. К вопросу о датировке культуры Каунчи.— *ВДИ*, 1946, № 1, стр. 175; Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода.— *КСИИМК*, вып. XXVIII, 1949, стр. 73; М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревской в 1947 г.— *Тр. Музея истории народов Узбекистана*, вып. 1. Ташкент, 1951, стр. 67; Т. Г. Оболдуева. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области.— *КСИИМК*, вып. XXII, 1948, стр. 101—102.

ручкой, напоминающий по своей форме глиняные кружки с ручкой «звериного стиля», широко распространенные в Ташкентском оазисе и в Фергане¹.

Кроме кувшина из деревянных изделий, найдены большие тарелки (диаметром 25—28 см) со слегка вогнутыми во внутрь краями.

Деревянная посуда характерна для катакомбно-подбойных погребений горных районов, в частности Центрального Тянь-Шаня и Алая.

К числу предметов украшения и туалетных принадлежностей относится китайское бронзовое зеркало (рис. 14), бронзовый перстень, подвески из

Рис. 14. Китайское бронзовое зеркало из Кенкольского могильника

бронзы и графита (рис. 15—11), раковина каури (рис. 15—12), каменные палочки, бусы.

Особенно интересна находка китайского зеркала. Это диск диаметром 13,2 см с полушаровидным возвышением — ушком по середине оборотной стороны. Ушко окружено четырьмя лепестками цветка с маленькими кружками между ними, затем идет восьмиугольник, образованный хордами, в углах которого помещены восемь иероглифов. Восьмиугольник опоясан круговыми линиями, рубчатой лентой и широким приподнятым бортиком со скошенным краем.

Известно шесть подобных зеркал, найденных в восточной части Средней Азии. Они встречены в могильнике Пскент², Ширинсай³, Вревская⁴, Чанчархан⁵, Варух⁶, и Кара-булак⁷.

¹ Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении.— Изв. АН КазССР, сер. арх., вып. 1, Алма-Ата, 1948, табл. III, рис. 24, 25, 26; В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 346, рис. 14, 2; М. Э. Воронец. Указ. соч., стр. 47, рис. 1; А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале.— Изв. УзФАН СССР, 1940, № 9, стр. 33, рис. 6—7.

² А. А. Потапов. Пскентский могильник. Рукопись Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР, № 31, 1938.

³ В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг.— КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 101.

⁴ М. Э. Воронец. Указ. соч. стр. 53.

⁵ Раскопки Ю. А. Заднепровского 1955 г. в Чаткале, материалы не опубликованы.

⁶ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк. Исфаринского района.— Тр. Ин-та ист., арх. и этногр. ТаджССР, т. XXXV, Сталинабад, 1955, стр. 65.

⁷ Раскопки Ю. Д. Баруздина 1954 г. Материалы не опубликованы.

В монографии Руперта Милона и О. Тодда «Китайские бронзовые зеркала» помещено одно зеркало, сходное с нашим¹. Оно относится к центрально-арочному типу и принадлежит к числу ранних образцов ханьских зеркал. Другое зеркало, аналогичное нашему, воспроизведено под № 72 в сборнике китайских зеркал, хранящихся в Яньку, изданном Лян Шангуном»; сделаво оно при династии западной Хань. Возвышение — ушко его окружено

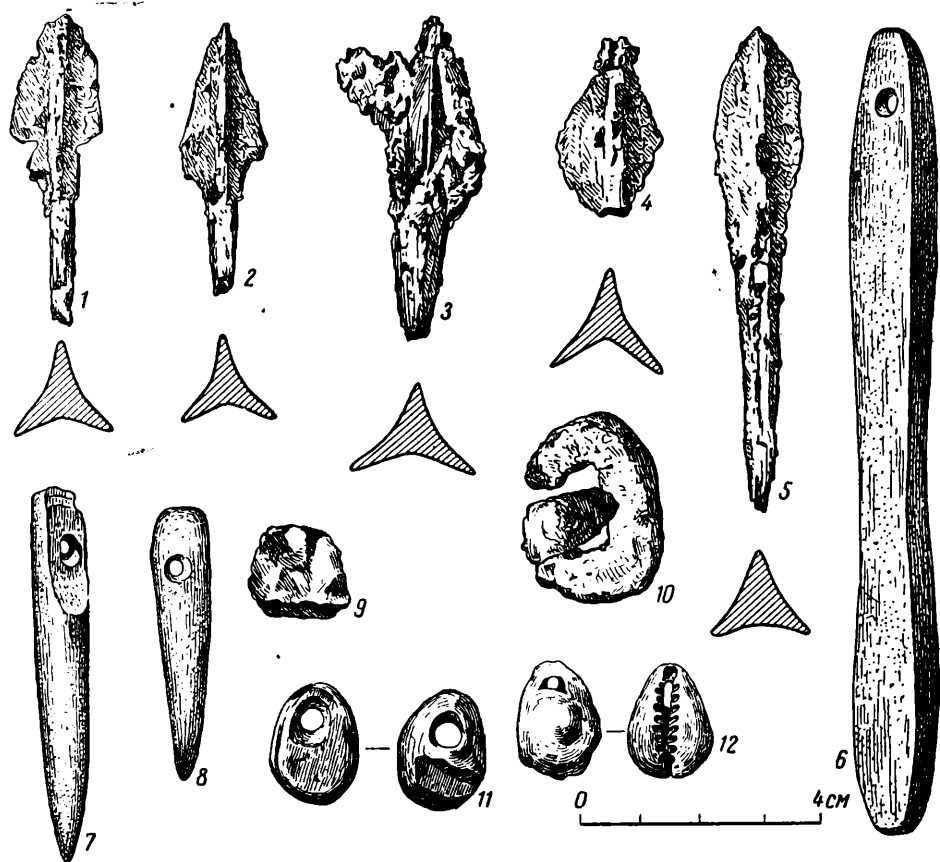

Рис. 15. Инвентарь из Кенкольского могильника

1—5 — железные наконечники стрел; 6 — точильный камень; 7, 8 — каменные палочки; 9 — кусок графита; 10 — железная пряжка; 11 — бронзовая подвеска; 12 — раковина каури.

венчиком цветка, среди четырех лепестков, окружающих ушко, выгравированы четыре иероглифа, которые означают «Долголетнее служения потомству». Между ушком и восемью хордами помещено восемь иероглифов, означающих «Пусть долголетие (зеркала) будет подобно алмазу и чтоб оно доставляло бы удовольствие прекрасным девам (и чтоб оно прекрасно служило и в него хорошо было бы смотреться)»².

На обнаруженном нами зеркале внутренние четыре иероглифа отсутствуют, внешние восемь ввиду плохой сохранности не поддаются чтению. По-видимому, они также означают благожелание. Таким образом, это зеркало —

¹ R. Milan and O. J. Todd. Chinese bronze, Mirrors. Peiping, 1935, стр. 40, табл. V, 13.

² Перевод сделан А. А. Кондратьевым при консультации проф. В. С. Колоколова и Б. И. Панкратова, которым выражаю искреннюю благодарность.

китайского происхождения, ранне-ханьского времени и его появление на территории Киргизии по всей вероятности связано с внешней торговлей.

Следует отметить, что впервые в Кенколе в 1956 г. найдены каменные палочки и графит (рис. 15—7—9). Палочки овального сечения, длиной 4—5 см. Один конец заострен, другой утолщен и на нем сделано отверстие для подвешивания. Все графиты имеют заметные желобки.

Каменные палочки и кусочки графита не раз были отмечены исследователями в курганных погребениях первой половины I тысячелетия н. э. По мнению А. И. Тереножкина¹, М. Э. Воронца² и Н. Н. Ершова³ они служили для подведения ресниц и бровей подобно «сурьматаш» в обиходе узбекских женщин или «карандашу», изготовленному из камня или кости, бытующему в настоящее время у памирских таджиков.

Основная часть найденных бус изготовлена из стеклянной пасты с подглазурной позолотой. Есть бусы из белого известняка и камня белого и синего цвета. Большинство — мелкого размера, разной формы: округлые, шестигранно-пирамидальные, цилиндрические, прямоугольные, дольчатые.

Из бытовых предметов следует отметить железные ножи, железную овальную пряжку с подвижным язычком (рис. 15—10), четырехгранный каменный оселок со сквозным отверстием в верхней части (рис. 15—6), веретено (длина его 28 см) с белым каменным пряслицем, зернотерка. Найдены также фрагменты кожи, обрывки ткани, астрагалы барана, косточки урюка, скорлупа куриных яиц, кусочки красной краски.

Каменный оселок, зернотерка, яичная скорлупа — для Кенкола находки новые. Остальные предметы известны уже по раскопкам А. Н. Бернштама.

Предметы вооружения представлены обломком костяной накладки на лук с вырезом на конце и черешковыми наконечниками стрел. Четыре из них трехперые, один трехгранный. Трехперые наконечники длиной 4—5 см, в боевой части 2,5 см (рис. 15—1—4); трехгранный длиной 7 см, в боевой части 3 см (рис. 15—5). Последний тип по форме и по размеру аналогичен наконечникам стрел из раскопок А. Н. Бернштама. Аналогичного типа наконечники стрел, но более мелкого размера, в близлежащих от Кенкола районах, чаще железные, реже бронзовые известны в усуньских могильниках, относящихся к III—I в. до н. э.⁴ Первыми веками н. э. датируется небольшой трехперый черешковый железный наконечник стрелы из могильника ст. Вревская⁵. Мелкие трехперые черешковые железные наконечники стрел найдены и в катакомбных захоронениях, раскопанных Г. Гейкелем⁶. Аналогичные кенкольским, наконечники стрел широко известны в раскопках И. В. Синицина в погребениях сарматских племен Нижнего Поволжья, датируемых первыми веками нашей эры⁷.

¹ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. стр. 35.

² М. Э. Воронец. Указ. соч., стр. 60.

³ Н. Н. Ершов. О каменных палочках из могильников и их аналогиях у таджиков.— Докл. АН ТаджССР, вып. III, Сталинабад, 1952, стр. 27—29.

⁴ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР.—ВДИ, 1938, № 3, стр. 169, рис. 36; А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана.—Изв. АН КазССР, № 67, сер. арх., вып. 2, 1949, стр. 71; Л. Я. Маливицкая. Тамдинский курганный могильник III—I веков до н. э.—Там же; Н. Heikel. Указ. соч., табл. VI, фиг. 3; Г. Г. Бабанская. Берк-Каринский могильник.—Тр. Ин-та арх. и этногр. КазФАН, вып. 1. Алма-Ата, 1956, стр. 204.

⁵ М. Э. Воронец. Указ. соч., стр. 59.

⁶ Н. Heikel. Указ. соч., табл. IX, 3.

⁷ И. В. Синицин. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья.—Уч. зап. Саратовского гос. ун-та, т. XVII, вып. историч., 1947, стр. 20; его же. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья.—Сб. Нижне-волжского краеведческого музея. Саратов, 1932, стр. 73, табл. II—2; его же. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья.—СА. VIII, 1946, стр. 76, рис. 25; его же. Археологические памятники в низовьях реки Иловли.—Уч. зап. Саратовского гос. ун-та, т. XXXIX, вып. историч., 1954, стр. 241, рис. 14.

Исходя из приведенных аналогий, мелкие трехперые наконечники стрел Кенкола дают нижнюю дату, а большой трехгранный датируется III в. н. э., а может быть и IV в. н. э. Таким образом стрелы Кенкола можно датировать, по всей вероятности, I—IV вв. н. э.

Могильник Кенкол по погребальному устройству, ритуалу захоронения, инвентарю находит самые близкие аналогии в могильниках ст. Вревская, Каунчи, которые датируются первыми веками нашей эры. Близость проявляется в обряде погребения, керамике, предметах украшения (зеркало, графит с каменной палочкой, пряжки).

По физическому типу погребенные в этих могильниках европеиды, в Кенколе европеиды с монголоидной примесью. Судя по части вещей и физическому типу захороненных, могильники ст. Вревская и Каунчи связаны с западом, с сарматами. Часть вещей (лак, шелк, зеркало) и физический тип погребенных Кенкола свидетельствуют о связях с Востоком, что уже отмечалось А. Н. Бернштамом.

В материалах Кенкольского могильника ярче отражается скотоводческий характер хозяйства населения. Среди находок — кости барана, железный псалий, бытовой инвентарь (деревянная посуда, детская колыбель, столики) и одежда (кожаные бескаблучные сапожки, широкие рубашки). Но население Кенкола занималось частично и земледелием. Об этом свидетельствует зернотерка, тыквенный сосудик, лепешки из проса.

По инвентарю могильника можно судить о довольно широком обмене с соседними областями (бусы, раковины каури, лак, шелк, китайское зеркало). Но основная часть инвентаря состоит из вещей местного производства; к ним относятся деревянные, глиняные и кожаные изделия.

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ
К АРХЕОЛОГИИ КАРАТЕГИНА

Каратегин — горная область по р. Сурхоб, продолжение Алайской долины на юго-запад, неоднократно привлекала внимание А. Н. Бернштама в связи с проводимыми им исследованиями памятников кочевого населения Алая. Эта область, по данным Птолемея, составляла часть «страны саков», которые характеризуются им как кочевники, не знающие оседлости. Обитавшие в Каратегине племена именуются комедами; это же название в несколько иной передаче (цзюйми, кумиджи), встречаем мы и в средневековых источниках.

Основываясь на данных письменных источников и ряде наблюдений над археологическими памятниками, А. Н. Бернштам считал возможным включить в территорию, населенную комедами, не только Каратегин, но и Чон-Алай. Обосновывал он это тем, что в обеих областях есть многочисленные курганные могильники «сако-усуньского» типа; при этом в Каратегине они, по предварительным сведениям, прослеживались вплоть до Гарма¹. Однако раскопок этих могильников не производилось, вследствие чего отнесение их к племенам сакского и усуньского круга оставалось только гипотезой.

В 1954 и 1955 гг. территория Каратегина обследовалась Таджикской археологической экспедицией; наряду с чисто разведывательными задачами, работы преследовали цель выяснения территории распространения здесь в древности кочевого населения. Как показали результаты работ двух сезонов, число курганных могильников в Каратегине оказалось очень ограниченным; при этом все они обнаружены в верхней части долины р. Сурхоб. В нижней ее части предполагаемые курганы оказались правильными по форме кучами камней, собранными при периодической очистке полей. Это показали пробные раскопки подобных «курганов» около Гарма, вблизи от Калаи-лаби-об и на обширном даште около Джергитала. Курганные могильники обнаружены и частично раскопаны в следующих пунктах: на небольшой площадке (второй террасе берега р. Сурхоб) вблизи от селения Сарыгуй, на даште, лежащем между селениями Оксой и Кашот, и на обширном даште Ачик-су, ниже селения Шильбили.

Сарыгуйский могильник состоит всего лишь из двух курганов, расположенных рядом, недалеко от берега реки. Оба кургана имели каменные насыпи почти правильной круглой формы; впадины в центре, свидетельствовали о том, что они подверглись разграблению.

Курган № 1 находился ближе к реке; его диаметр — с севера на юг 5,5 м, с востока на запад — 5,3; высота — 0,65 м. Насыпь сложена из крупных камней (рис. 16—1). Под средней ее частью обнаружен «каменный

¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26, 1952, стр. 190 и сл.

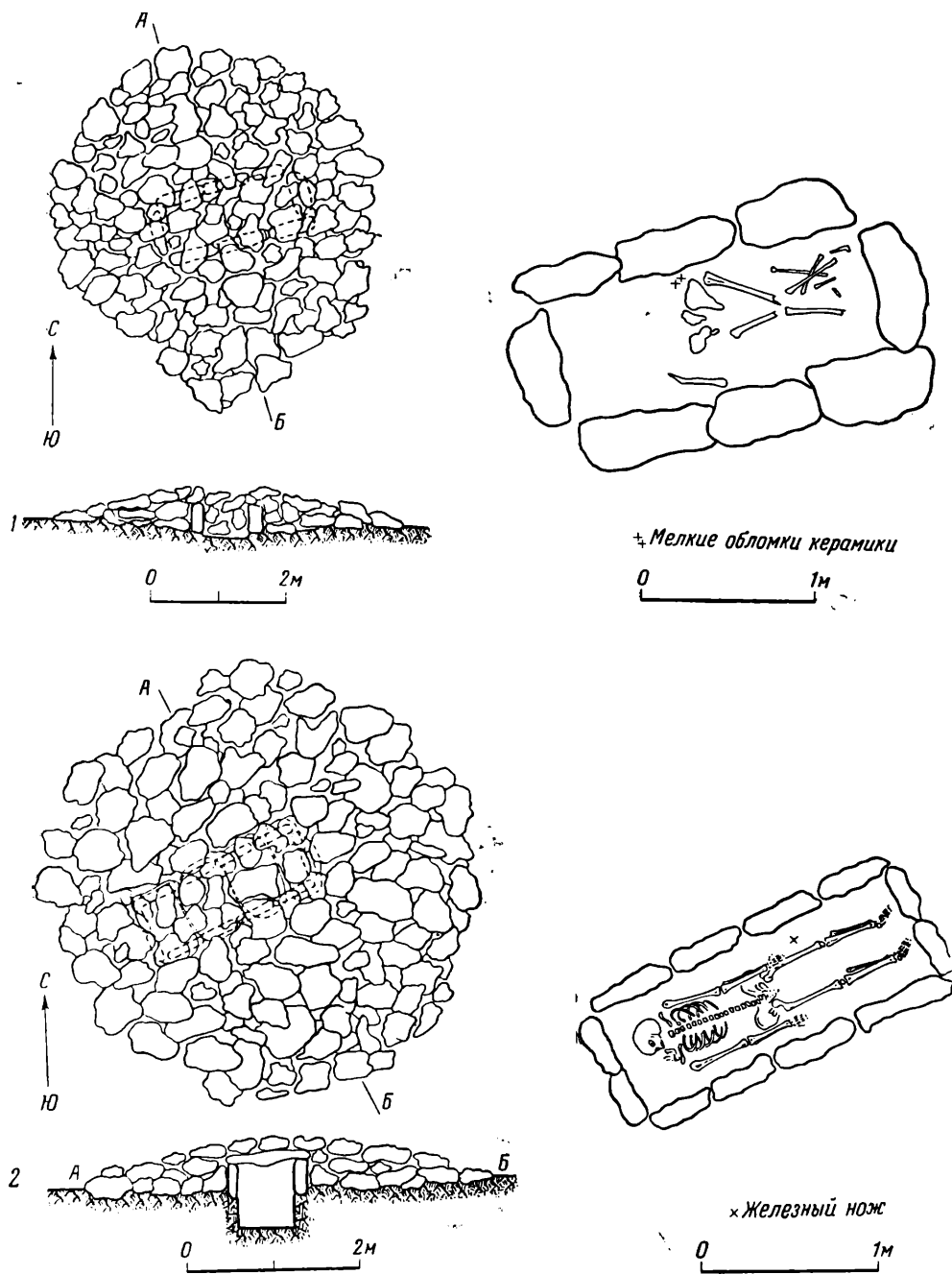

Рис. 16. Планы курганов в Каратегине

1 — курган № 1 в Сарыгуйском могильнике; 2 — курган № 1 в могильнике Ачик-су.

ящик» из больших плит, поставленных на широкие торцы, вытянутый с северо-востока на юго-запад параллельно течению реки. Плиты, образующие его, опущены в грунт на незначительную глубину: поверхность дна лежала на 8 см глубже их нижних торцов. «Ящик» был, несомненно, закрыт плитами, но при разграблении они выброшены. После ограбления внутреннее пространство «ящика» заполнилось камнями. На дне его обнаружены остатки костяка — обломки костей ног, рук и таза. Судя по размещению их, погребенный был положен в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад, то есть вниз по течению реки. Около левой части таза найдены четыре мелких фрагмента керамики из грубого теста, очевидно, от двух сосудов, форму которых, ввиду небольшого размера обломков, установить невозможно. Между бедренными костями лежал обломок небольшой каменной плитки, имеющей следы искусственной обработки.

Курган № 2 меньших размеров: диаметр его с севера на юг — 3,7 м, с востока на запад — 3,55 м; высота — 0,4 м. Здесь, как и в кургане № 1, под насыпью обнаружен каменный «ящик», но сложенный очень небрежно и при том не из плит, а из камней неправильной формы. Поверхность дна также лежала на небольшой (порядка 10 см) глубине от нижних краев составлявших «ящик» камней. Погребение оказалось разграбленным, что можно было предполагать уже по внешнему облику насыпи. От костяка уцелели лишь обломки костей обеих ног; судя по их расположению, погребенный был помещен, как и в кургане № 1, на спине, в вытянутом положении, головой на юго-запад, вниз по течению реки. Никаких предметов при погребении не обнаружено.

Могильник на даште между селениями Оксой и Кашот состоит из семи разграбленных курганов. Раскопаны три из них.

Курган № 1 диаметром с севера на юг 5,45 м, с востока на запад 5,6 м, высотой 0,6 м; насыпь сложена из крупных обломков плит. Под ней обнаружен каменный «ящик», сооруженный из плит, аналогичный сарыгуйским. Он был, несомненно, перекрыт плитами, одна из них сохранилась, хотя уже покоилась на стенке лишь одним концом. На дне «ящика» обнаружены лишь небольшие обломки человеческих костей, по которым установить положение костяка невозможно.

Курган № 2 диаметром с севера на юг 5,4, с востока на запад 5,55 м, высотой 0,5 м. И здесь под насыпью обнаружен каменный «ящик». Погребение оказалось также полностью разграбленным.

Курган № 3 диаметром с севера на юг 3,45 м, с востока на запад 3,65 м, высотой 0,35 м. Под насыпью раскрыты остатки разрушенного (вероятно, грабителями) каменного «ящика». На дне его найдены только мелкие обломки человеческих костей.

Во всех трех раскопанных курганах каменные «ящики», как и около Сарыгуя, вытянуты параллельно течению реки; вероятно, ориентировка погребенных была здесь та же, как и там.

Из нераскопанных курганов интересен один, в насыпи которого прослеживается несомненная правильность кладки из плит. Курган этот разграблен и насыпь частично разрушена. Расчистка позволила установить, что здесь имелся ложный свод, возведенный путем напуска концов плит, перекрывавший небольшую камеру, возможно, представлявшую собой подобие каменного «ящика». Как и в других курганах, в нем обнаружены только мелкие обломки человеческих костей.

На даште Ачик-су раскопано два кургана из двенадцати, в том числе один не разграбленный.

Курган № 1 диаметром с севера на юг 5,3 м, с востока на запад 5,4 м, высотой 0,5 м (рис. 16—2). Под насыпью обнаружен каменный «ящик» из плит, обрамлявший неглубокую прямоугольную яму, вытянутую с северо-востока на юго-запад параллельно течению реки. Глубина ямы составляла

0,45 м от древнего горизонта и 0,35 м — от нижних торцов плит. «Ящик» был перекрыт четырьмя большими плитами. На дне обнаружен мужской костяк в вытянутом положении, на спине, ориентированный головой на юго-запад, по течению реки. Руки вытянуты вдоль тела; ноги располагались параллельно друг другу. Череп оказался смещенным и очень плохой сохранности. У левой бедренной кости обнаружен небольшой железный нож.

Курган № 2 диаметром с севера на юг 5,9 м, с востока на запад 6 м; высота — 0,5 м. Под насыпью обнаружен такой же каменный «ящик» с ямой, как и в кургане № 1. Погребение разграблено: на дне ямы оказались только обломки костей и фрагмент сосуда из грубого теста. Судя по размещению обломков костей, положение погребенного было такое же, как в предыдущем захоронении.

Все три исследованных могильника характеризуются одинаковой конструкцией могильного сооружения: это яма, обрамленная каменным «ящиком» из плит; различия только в ее глубине. Расположение ям и, соответственно, «ящиков» также одинаково. Они всюду размещены параллельно реке. Ориентировка погребенных, судя по остаткам костяков, также была одинакова — головой вниз по течению реки. Таким образом, мы имеем основания считать, что все три могильника, находящиеся сравнительно недалеко друг от друга, связаны с одним племенем. Датировать их, к сожалению, из-за отсутствия находок, нет возможности. Курганы с каменными «ящиками» известны в Фергане, но там они пока еще плохо изучены, и вопрос об их датировке остается неясным. М. Э. Воронец был склонен относить курганы этой категории, исследованные им на южных склонах Чаткальского хребта, к последним векам до н. э.¹ Судя по форме ножа, такая датировка возможна и для описанных курганов Каратегина.

Следует отметить, что курганы с каменными «ящиками» до настоящего времени неизвестны в Алайской долине. Это заставляет считать, что объединение Каратегина и Алая в одну область, населенную одной группой племен — комедами, которое выдвинул в порядке гипотезы А. Н. Бернштам, нуждается в поправках. Но характер их определится окончательно лишь в результате дальнейших работ в Алае. Если там погребений в каменных «ящиках» не окажется, то именно такие захоронения нужно будет считать связанными с комедами, и ограничить территорию обитания комедов Каратегинном.

¹ М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах.— Тр. Музея истории УзССР, вып. II. Ташкент, 1954, стр. 63.

В. Д. ЖУКОВ

ОБСЛЕДОВАНИЕ ГОРОДИЩА СТАРАЯ КУВА
в 1956 году

Городище Старая Кува¹ представляет типичные развалины большого средневекового города с четким делением его на три части: цитадель (потерявшую значение крепость еще в X в.), шахристан, площадью около десяти га, и широко раскинувшийся рабад (рис. 17).

В мощной стене шахристана, по-видимому, было трое ворот — одни с восточной стороны, около цитадели, и двое в западной стене близ угловых башен. Границы рабада удалось проследить только в одном пункте: по дороге в Андижан на расстоянии 1,5—2 км от цитадели, где зарегистрированы остатки средневекового кладбища. Отметить следы стен рабада не удалось; но остатки крупных сооружений в виде различной величины бугров сохранились во многих местах недалеко от шахристана. Работы производились во всех трех частях городища². На цитадели, значительная часть которой занята поздним кладбищем, вскрыты верхние наслоения на глубину 1—2 м. Здесь обнаружен гребень западной крепостной стены цитадели, толщиной 5,8 м, и северо-западная угловая башня. Кроме того, с северной и восточной сторон произведены небольшие зачистки; толща культурных наслоений достигает в некоторых пунктах 17—18 м. На глубину до одного-двух метров они состоят из смылов, пахсы и перекопанных завалов глинобитной кладки с большим количеством различного мусора. Обнаружено много ям диаметром от 0,75 до 1,5 м, прорубленных большей частью в глинобитной кладке наружной стены цитадели или в плотно примыкавших к ней завалах пахсы. Среди многих десятков вскрытых ям выделяются три типа: грушевидной формы, колодцеобразные и большого диаметра с неровными стенками. Первые — хозяйственного назначения: во многих из них при расчистке зарегистрированы на дне и около стенок оболочки зерен проса³; некоторые из них были заполнены почти сплошь мусором: золой, обломками обожженного кирпича, черепками глиняных сосудов, осколками стекла,

¹ Сведения о Куве (Куба), центре отдельного округа, лежавшем на караванном пути Ходжент-Ош, как об одном из крупнейших ферганских городов X в., по сообщениям арабских географов, приводит В. В. Бартольд. См. «Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II. (Исследование)». СПб., 1900, стр. 159; его же. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 132; Le Strange. The lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1930, p. 478. А. Н. Бернштам превращение Кувы в крупный феодальный центр относит ко времени VIII—IX вв. (МИА, № 26, стр. 249).

² В настоящей статье отражены работы, проведенные только на цитадели.

³ Хозяйственно-продуктовые ямы в глинобитной кладке разрушившихся сооружений отмечались и в других пунктах Средней Азии: в Термезе (В. Д. Жуков. Стратиграфический разрез части крепостной ограды калы древнего Термеза. — Тр. АН УзССР, сер. 1. История и археология. Термезская археологическая экспедиция, т. 2. Ташкент, 1945, стр. 91); при раскопках Баласагунского храма (А. П. Окладников. Археологические исследования в Киргизии. — Вестник АН СССР, 1954, № 9, стр. 53).

костями животных, шлаками, средней величины булыжниками и фрагментами металлических изделий. Значительная часть этих предметов относилась к караханидскому периоду. Колодцеобразные ямы, глубиной до трех метров и диаметром 0,6—0,7 м, заполнены рыхлыми наслоениями (суглинок, местами гумусный) с почти полным отсутствием каких-либо находок, что заставляет относить их к водосточным. Ямы большого диаметра с неровными стенками были вероятно мусорными.

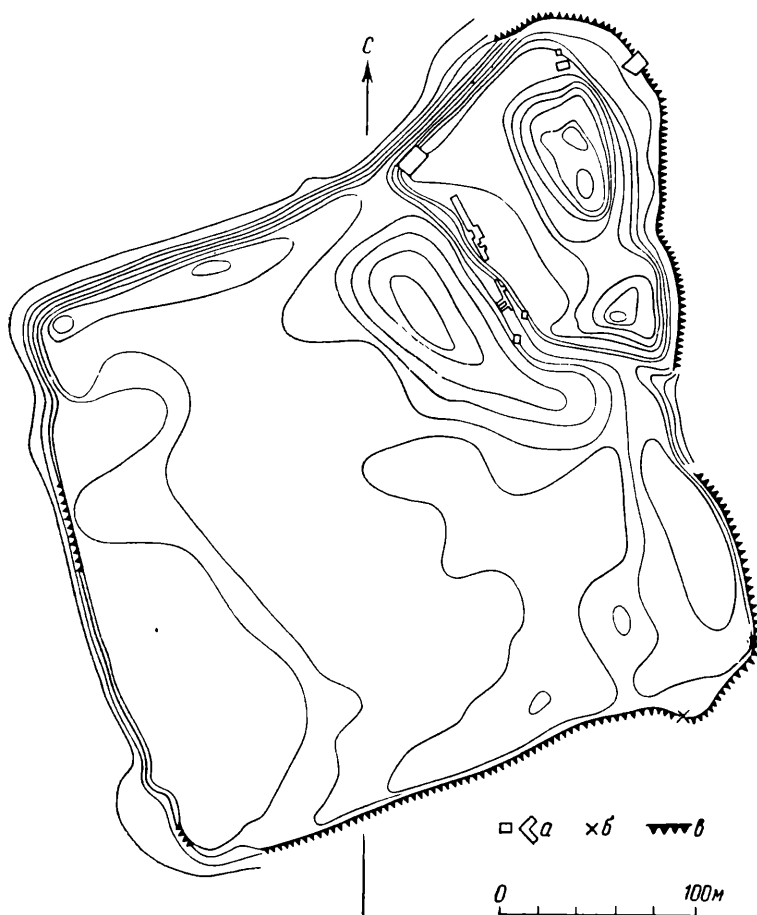

Рис. 17. Схематический план городища Старая Кува

а — раскопы на цитадели; б — место находки погребения в хуме; в — обрыв.

Только в двух пунктах обнаружены небольшие остатки расположенных здесь жилых средневековых помещений: очажок и кирпичный пол фигурной кладки (рис. 18), выложенные из обожженного кирпича, размером 28×14 — $13,5 \times 3$ — $2,5$ см (с небольшими вариантами). Вместе с этой, наиболее распространенной формой кирпича, характерной для последнего периода существования города, употреблялся кирпич других размеров и форм¹. Особенно в большом ходу был сырец и пахса, отмеченные во многих местах в комбинированной кладке².

¹ $37 \times 19 \times 6$ — 5 см; $27,5 \times 27,5 \times 5$ см; $25 \times 25 \times 5$ см. В промоне восточной стены обнаружены обломки разных кирпичей, напоминающих декоративные плитки из дворца термезских правителей.

² Размер кирпича 33 — 32×16 — 15×6 — $4,5$ см (последний ремонт стены цитадели) $225,5$ — $25 \times 13,5$ — $5,5$ см (закладка поздней могильной камеры).

В верхних слоях цитадели найден различный производственный инвентарь: каменные жернова, обломки зернотерок, серпы, пряслица, штыри, терракотовые калыбы, медные тигли; бытовые предметы — посуда, принадлежности детских люлек, игрушки, наконечники стрел, ножницы, ножи, обломки конского снаряжения. Собраны различные украшения, среди которых разнообразные бусы: стеклянные, каменные, пастовые, терракотовые и бусы из

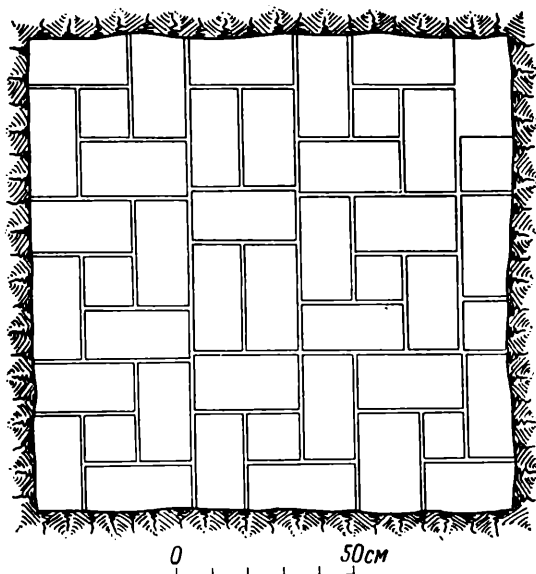

Рис. 18. Часть фигурной кладки настила пола жилого помещения цитадели (в верхних наслоениях)

раковин. Почти во всех пунктах на цитадели и шахристане обнаружены следы гончарного, металлургического и стеклоткувного производства. В нижних слоях в восточной и южной части городища найдены шлаки и керамика, относящаяся к первой половине первого тысячелетия н. э.

Керамика в верхнем слое расписная или со штампованным, вдавленным и наlepным геометрическим и растительным орнаментом. Основные формы: кухонные котлы с округлым дном и венчиком с площадкой для крышки; светильники с вытянутым носиком и петлевидной ручкой (полива белая или зеленоватая, орнамент в виде редких широких полос); разных размеров подвесные рукомытники с шарообразным резервуаром и высокими горловинами, соединенными ручкой. Плечики и стенки резервуара часто покрывались расписным геометрическим орнаментом (рис. 19—1, 2). Отмечено большое количество сфероконических сосудов.

Из числа монетных находок обращают внимание «черные дирхемы». На лицевой стороне мужской бюст вправо, в короне; справа согдийская легенда, слева арабская, состоящая из одного слова *المهدي*. На оборотной стороне алтарь, по двум сторонам которого стоят фигуры стражников. По классификации М. Е. Массона, эти монеты принадлежат к 1-му типу дирхемов мусейяби¹, находки их на территории Ферганы уже отмечались², время обращения их было очень продолжительным — от конца VIII до XII в.

¹ М. Е. Массон. К вопросу о «черных дирхемах» Мусейяби.— Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. 7. Материалы по археологии Узбекистана. Ташкент, 1956. стр. 181.

² М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 182.

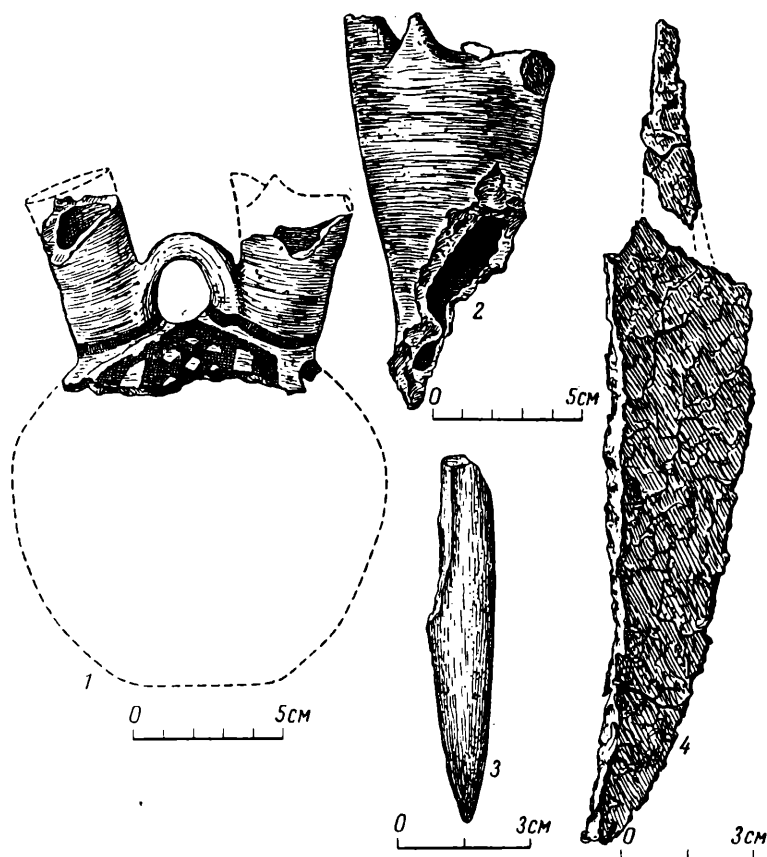

Рис. 19. Находки на городище Старая Кува

1, 2—фрагменты глиняных подвесных рукояйников; 3—каменная косметическая палочка — сурьматаш (из хума); обломок железного ножа (из хума).

включительно¹. Эти монеты чаще всего встречались в верхних горизонтах плотно слежавшихся завалов на глубине двух-трех метров от поверхности.

Вторая группа медных монет принадлежит караханидскому чекану. Широко распространены следующие типы:

1. В поле на одной стороне

الله
محمد رسول الله
القايم بامر الله الملك
ارسلان قرا خاقان
.....

На другой стороне

(?) عدل
لا اله الا
الله وحده
لا شريك له
الدوله

Незначительные остатки круговых легенд еще не разобраны.

2. В поле на одной стороне

الله
محمد رسول الله
القايم بامر الله الملك
ارسلان قرا
.....
امير الامرا

На другой стороне

.....
لا اله الا
الله وحده
لا شريك له

¹ М. Е. Массон. Указ., соч., стр. 176.

Круговые легенды очень плохой сохранности. На одном из экземпляров удалось прочесть 44? г. х., следовательно, они были выпущены в пределах между годами 1048—1058, что вполне соответствует обозначенному на них имени халифа Каима (1031—1075)¹.

Из интересных находок следует указать и на остатки погребения в хуме. В разнесенной восточной части южного фаса обнажения скопившихся на площади шахристана культурных напластований на глубине около 6 м от поверхности зарегистрирован большой хум (высота — 1,37; диаметр дна — 0,24, венчика — 0,7 м, тулова (на высоте 0,8 м) — 0,9 м; черепок толщиной до 3-х см), изготовленный из трех частей. Верхний край и часть стенок его были отбиты и содержащийся в нем грунт почти полностью выбран: на дне сохранился плотно слежавшийся суглинок, при расчистке которого в хуме оказались потревоженные кости человека (обломки черепа, нижняя челюсть, бедренная кость, ключица и мелкие кости, часть которых была раздроблена). Вместе с костями в хуме найдены: косметическая каменная палочка из сланца — сурьматаш (рис. 19—3), небольших размеров железный однолезвийный нож (рис. 19—4), обломок золотого изделия и несколько черепков глиняных сосудов, покрытых красным лощением². По сохранившемуся инвентарю погребение может быть ориентировочно датировано серединой второй половины первого тысячелетия н. э. Погребения в хумах отмечались в различных пунктах на территории Узбекистана; сопровождал ли их погребальный инвентарь, не установлено.

В результате работ 1956 года по обследованию цитадели городища Старая Кува:

1. Установлено, что до возникновения средневекового города около кешка находилось поселение. Кешк в дальнейшем превратился в цитадель путем пристройки северо-западной башни и возведения крепостных стен вокруг прилегающего к замку участка. Остатки замка прослеживаются в строении цитадели в наиболее возвышенной ее части в виде характерного тепе с седловинкой. В нижних слоях, относящихся к древнему поселению, отмечено существование здесь еще в то время широко развитого гончарного производства.

2. Выявлена западная стена средневековой цитадели, гребень которой вскрыт на протяжении свыше 40 м, и северо-западная оборонительная башня. Остатки этих сооружений погребены на глубине 0,5—2 м, под слоем кладбища, возникшего в начале второй половины XI в. Только в немногих местах сохранились незначительные остатки жилых сооружений, сильно поврежденных позднейшими могильными камерами.

3. Намечены наиболее интенсивные периоды в развитии хозяйственной жизни поселения: в первой половине первого тысячелетия и в конце первого — начале второго тысячелетия н. э., когда на территории города было широко распространено гончарное, стеклотульное и металлургическое производство. Установлены следы какой-то катастрофы, которую претерпел город в начале второй половины XI в., когда население было вынуждено прятать в землю свои сбережения; к этому времени относится клад монет, обнаруженный на территории рабада.

¹ Монета с именем халифа Каима и именами правителей Арслана Карахакажа и Фахр-ед-дина Бахрама найдена близ города Фрунзе. (М. Е. Массон Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930—1931 годах.— Материалы Узкомстариса, вып. 5. Ташкент, 1933, стр. 10).

² Погребальным инвентарем сопровождалась и оссуарные погребения.— Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь.— МИА, № 37, 1954, стр. 84.

III. СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

М. П. ГРЯЗНОВ

ПИСАНИЦА ЭПОХИ БРОНЗЫ
ИЗ д. ЗНАМЕНКИ в ХАКАССИИ

Одним из наиболее трудных вопросов в изучении древних писаниц, без решения которого невозможно использовать эти памятники как исторический источник, является вопрос датировки. В связи с этим особо интересна небольшая писаница на каменной бабе из д. Знаменки, открытой в 1904 г. А. В. Адриановым. В литературе она уже известна — в 1929 г. опубликован ее схематический рисунок¹, изображенная на ней повозка привлекалась для заключения о развитии транспортных средств в карасукское время². Однако рисунок не только неточен, но и неполон — воспроизведена только нижняя половина камня, что не позволило правильно понять изображения. В 1955 г. я имел возможность подробно изучить в Красноярском музее краеведения обе половины камня и точно скопировать изображения (рис. 20).

Это обычное для степей Хакасии изваяние в виде плоской каменной плиты с изображением лица женщины на узкой грани. На лице две поперечные линии — верхняя проведена через нос, нижняя по верхней губе. На лбу третий глаз. По бокам лица ряд непонятных изображений. Наверху звериные уши и рога. На широкой боковой грани плиты, вверху — «солнечный знак» в виде двух концентрических кругов с четырьмя лучами. Овал лица выделен рельефом, а все детали его и дополнения выполнены широким и глубоким желобком, выбитым точечной техникой. Хорошо сохранилась только правая сторона плиты. Левая сильно выветрилась и на ней никаких деталей не видно. Отслоилась часть поверхности камня и на левой стороне, внизу, начиная от уровня рта изваяния.

По своим особенностям изваяние принадлежит к сложившемуся типу характерных каменных изваяний на Енисее, относимых мною к андроновской культуре. И на этом изваянии, поверх его основного изображения, не считаясь с ним, выбита писаница типа наскальных, никак не связанная по содержанию с изваянием.

Писаница состоит из четырех отдельных рисунков, по-видимому не образующих единой композиции. Возможно, первым было выбито изображение четырехколесной крытой повозки с дышлом и парой быков, поврежденное по краям излома плиты. У верхнего быка не сохранились передние ноги и линия живота и частично — морда, задние ноги и хвост. Не сохранились

¹ М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. — Материалы по этнографии, IV, 2, 1929, табл. III, 21.

² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 161.

передняя часть дышла повозки и голова нижнего быка; ярма, по-видимому, не было. Изображение выполнено контуром, мелкой выбивкой точечной техникой. Второе изображение сохранилось полностью. Это спокойно стоящий бык, выполненный в иной манере — силуэтом, но той же точечной

Рис. 20. Писаница на каменной бабе из д. Знаменка в Хакасии

техникой, только рога процарапаны острым орудием. Изображение это частично закрывает солнечный знак изваяния. Такой же техникой и в той же манере исполнены и две верхние фигуры — бык (?) и, вероятно, антилопа (джейран или дзерен), перекрывающие одна другую. Обе фигуры уцелели неполностью. У антилопы стерлись очертания живота; у быка — голова и нижняя линия ноги. Возможно, что фигура быка выбивалась самой последней и не была закончена — не выбиты задние ноги и хвост. Рога антилопы прочерчены острым орудием.

Разная манера изображений (контурный и силуэтный рисунок и иные пропорции и очертания фигур) и перекрывание одной фигуры другой ука-

зывает на то, что они выполнены одновременно и разными лицами. Одним выбита повозка с парой быков, другим — силуэтные фигуры быков и антилопы.

Писаница интересна тем, что дает нам редкое изображение запряженной быками повозки, знакомит нас с наличием колесного транспорта у древних племен на Енисее, что не отмечено другими памятниками. Однако основное её значение в том, что она может быть датирована точно, совершенно объективно и документированно. Следовательно, представляется возможность объективно датировать и целую серию наскальных рисунков того типа, какие изображены на знаменской каменной бабе.

Можно определенно утверждать, что писаница выбита на камне не раньше возникновения андроновской культуры и не позже конца периода карасукской культуры, т. е. время ее нанесения определяется пределами существования андроновской и карасукской культуры эпохи бронзы. Но можно датировку писаницы ограничить и более коротким промежутком.

Писаница выбита поверх изваяния. Фигурой быка перекрыт и частично сбит солнечный знак. Значит писаница нанесена на камень после того, как он был превращен в изваяние, т. е. не раньше времени возникновения андроновской культуры, так как изваяние относится к этой культуре. Фигуры писаницы располагаются на камне, не считаясь с изваянием. Значит они выбивались после того, как изваяние перестало служить своему прямому назначению. Это могло случиться, вероятнее всего, в послеандроновское время.

Надо отметить, что изваяния подобного типа С. В. Киселев и Л. Р. Кызласов датируют карасукским временем¹. Принимая их датировку, писаницу пришлось бы датировать соответственно более поздним периодом, но с их датировкой согласиться нельзя, о чем будет сказано ниже.

Возможная верхняя дата писаницы определяется условиями нахождения памятника. Так как сведения об этом расходятся в некоторых деталях, остановимся на этом подробнее. В марте 1903 г. А. В. Адрианов сообщил в Археологическую комиссию, что в Минусинском музее он нашел акт сотского д. Знаменки. «Из акта видно, что один крестьянин, вырывая подполье, наткнулся на три плиты с какими-то надписями, а под плитами обнаружена каменная кладка из трех вертикальных стенок, внутри которых... найдено свыше 70 медных бус и кости. Раскопка велась в присутствии сотского... Это было в 1899 г.». В октябре того же 1903 г. А. В. Адрианов сообщил, что из переписки в Абаканском волостном правлении он «узнал, что крестьянин д. Знаменки... наткнулся на три плиты с писаницами. Под плитами оказалась могила, устроенная из плитняка в форме ящика; в могиле он нашел... 72 медных бусы, медный браслет и горшок; там же лежал костяк головой на Запад»². Наконец, в 1904 г., после ознакомления с памятником на месте, А. В. Адрианов пишет: «Крестьянин на своей усадьбе наткнулся на могилу на глубине около двух аршин; могила была обложена с трех боков плитами, а сверху покрыта плитой, на узком ребре которой изваяно человеческое лицо, а на одной из широких граней выбиты фигурки птиц, животных и пр. В могиле было найдено до 70 бронзовых бус, бронзовый нож и горшок»³. Обнаруженные в могиле предметы не сохранились. Поэтому датировка погребения вызывает затруднения, но все же возможна. Публикуя с Е. Р. Шнейдером этот памятник в 1929 г., я не знал писем Адрианова

¹ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 165; Л. Р. Кызласов. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии.—КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 20—21.

² Архив ИИМК.

³ А. В. Адрианов. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г.—Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии за 1904 г., стр. 7.

в Археологическую комиссию и датировал погребение первым этапом минусинской курганный культуры. Теперь эту дату надо изменить.

Находка при скелете 70 бронзовых бус возможна в погребениях только андроновской и карасукской культур; бронзовый браслет вероятен только для карасукской. Бронзовый нож встречается в погребениях карасукской и минусинской курганный культур. Стены могилы, сложенные из плитняка, до недавнего времени были известны только в погребениях андроновской культуры, но в 1955 г. карасукское погребение с такими стенами мною было раскопано близ с. Батени. Стены же могильных оград, сложенные из плитняка — весьма частое явление в карасукское время. Так как для минусинской курганный культуры невероятно нахождение при скелете бронзового браслета и 70 бронзовых бус и совершенно невероятно плитняковая кладка стен в могильной яме; для андроновской — невероятно нахождение в могиле бронзового браслета или ножа, а для погребений карасукской культуры все это вполне возможно, то единственной датой погребения в д. Знаменке следует считать время карасукской культуры.

Андроновские каменные бабы вообще, по-видимому, стали использоваться как строительный материал начиная с карасукской эпохи. Как сообщил мне А. Н. Липский, в раскопанном им каменном ящике карасукской культуры в Есинской МТС была использована плита с выбитой на ней личиной, подобной личине на каменной бабе в улусе Красный Камень¹. Использование в двух карасукских могилах, в Знаменке и Есинской МТС, каменных баб позднего типа в качестве строительного материала, не позволяет согласиться с датировкой С. В. Киселева и Л. Р. Кызласова. В карасукское время андроновских каменных баб уже не почитают, на них выбивают писаницы, их используют как строительный материал. В улусе Красный Камень на каменной бабе, также позднего типа, выбито изображение пары быков, запряженных в дышло. Стилистически они подобны знаменским, только изображены повернутыми друг к другу спиной². Вероятно и эта писаница относится к карасукскому времени.

Писаница карасукского времени на каменной бабе из Знаменки стилистически довольно характерна. Изображенные фигуры даны контурным или силуэтным рисунком. Животные либо спокойно стоят, либо представлены в движении. Рисунок передает, хотя и в несколько условном, стилизованном виде, но реалистически, особенности формы тела и рогов животных. Выбивка неглубокая, мелкими ударами. Совершенно иного стиля, например, основная масса фигур людей и животных, выбитых на камнях могильных оград минусинской курганный культуры, относящихся к более позднему времени (не раньше времени минусинской курганный культуры). Они схематичны, условны; форма тела не передается³. Другую группу писаниц составляют изображения животных, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле⁴. Эти писаницы относятся, очевидно, ко времени минусинской курганный культуры. Они встречаются на могильных камнях и среди наскальных изображений.

Писаница на изваянии из Знаменки стилистически не единственная. Подобные есть и среди наскальных изображений на Енисее. В этом стиле выполнены, например, фигуры быков и лосей на Шалаболинской писанице⁵.

¹ Н. Appelgren-Kivalo. *Alt-Altaische Kunstdenkmäler*. Helsingfors, 1931, рис. 130.

² Н. Appelgren-Kivalo. Указ. соч., рис. 131.

³ См. С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц. — Сб. «Техника обработки камня и металла». М., изд. РАНИОН, 1931; Н. Appelgren-Kivalo. Указ. соч.

⁴ Н. Appelgren-Kivalo. Указ. соч., рис. 265—267.

⁵ К. В. Вяткина. Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения. — Сб. МАЭ, XII, 1949, стр. 431, 435, 443, 475 и др.

Эти изображения Э. Р. Рыгдылон отнес (как теперь стало ясно — ошибочно) к неолиту¹. Детальное изучение писаниц по среднему Енисею позволит выделить среди них изображения, типологически близкие рисункам на знаменской каменной бабе и датируемые таким образом бронзовым веком. Но если знаменская писаница датируется только карасукским временем, то наскальные изображения этого типа могут охватывать и более длительный период. Однако расширение хронологических рамок возможно только в сторону, послекарасукского времени, а не в глубь веков. Андроновская культура, по-видимому, исключается, так как с началом карасукской наблюдаются большие сдвиги в экономической и социальной жизни древнего населения енисейско-абаканских степей, что, в частности, отразилось и на отношении к прежним божествам — андроновским каменным изваяниям. С началом карасукской культуры складываются новые формы быта, новые формы различных бытовых предметов. В орнаментальном и изобразительном искусстве, известном нам по торевтике и керамике, вырабатывается новый стиль. Естественно, что и в наскальных изображениях в это же время создается свой стиль, который впервые получает точное и объективное хронологическое определение по писанице на знаменской каменной бабе.

¹ Э. Р. Рыгдылон. Новые следы поселений каменного века в бассейне среднего Енисея. — МИА, № 39, 1953, стр. 280 и рис. 3.

Б. А. ЛАТЫНИН

ЭЙЛАТАНСКАЯ РАСПИСНАЯ ЧАША

До конца 20-х годов XX в. археологические памятники ранних, «домусульманских» периодов истории Ферганы, как впрочем, и других областей Средней Азии, оставались еще мало изученными. Кроме отдельных упоминаний о них у А. П. Федченко, А. Ф. Миддендорфа и некоторых других авторов, касавшихся этих вопросов только попутно, очень неполные сведения о типе, древних городищах и могильниках Ферганы имелись лишь в кратком отчете Н. И. Веселовского о его разведочных работах 1885 г.¹ Несколько сообщений было еще напечатано в Протоколах заседаний Туркестанского кружка любителей археологии, а немногочисленные случайные находки отмечались в отчетах Археологической комиссии.

Тем больший поэтому интерес при подготовке к полевым археологическим работам в Узбекистане (к участию в которых я был приглашен в 1930 г. Среднеазиатским музеем истории и истории революции) представляла незадолго перед тем поступившая в Отдел Востока Государственного Эрмитажа коллекция керамики из северо-восточной части Ферганской долины. Она составила из случайных находок, собранных здесь инженером И. А. Анбоевым в 1926 г. при гидрологических изысканиях, и давала возможность предварительного ознакомления с типами керамики, характеризующими памятники этого района, в то время еще неизвестного археологам.

Особое внимание в коллекции обратила на себя расписная чаша, резко выделявшаяся архаическими чертами из всего остального, очевидно более позднего материала, собранного И. А. Анбоевым².

По форме чаша приближается к несколько уплощенной, полусферической. Дно широкое, округлое, слегка коническое; стенки выпуклые, загибающиеся внутрь. У перехода от дна к стенкам заметен сглаженный перегиб. Высота 11 см, диаметр у краев 18 см, толщина верхней части стенок 0,5 см, нижней, у дна, 0,7 см (рис. 21). Лёссовая глина с примесью мелкого песка, из которой сделана чаша, получила при слабоокислительном неравномерном обжиге коричневато-оранжевый оттенок. Она пористая, со следами измельченной растительной примеси, выгоревшей при обжиге. Черепок в изломе довольно ровный, но не острый и не звонкий. Чаша вылеплена от руки, без гончарного круга. Округленное дно, видимо, сформовано на покрытой тканью болванке, стенки наращены одной широкой лентой. Поверхности чаши блестящие, коричневато-желтые, с пятнами от неравномерного обжига, хорошо сглажены при лепке и залощены с обеих сторон. На них заметна сеть мелких трещинок. Наружная поверхность покрыта тонким слоем жидкой, желтовато-красной (местами лилового оттенка) красочной облицовки.

¹ ОАК за 1882—1888 гг., стр. LXIV и сл.

² Собрание Отдела Советского Востока Государственного Эрмитажа, инв. № СА14944.

Роспись нанесена узкими полосами темной, красновато-коричневой (жидкой черной) краски и выполнена довольно небрежно. Она охватывает всю верхнюю часть чаши широким поясом, заполненным двумя параллельными рядами треугольников, обращенных вершинами вверх и заштрихованных попеременно вкось или углами. В нижнем ряду это чередование повторяется нерегулярно. Узкая красочная полоса, ограничивающая пояс росписи сверху, переходит и на внутренний край чаши; снизу пояс ограничен неровной широкой полосой очень жидкой краски. Несколько таких же широких, небрежно нанесенных слабых красочных полос огибают отдельными отрезками и внутреннюю поверхность стенок.

Как это тогда представлялось, чаша по ее типологическим признакам могла быть сопоставлена с ранними типами керамики Анау, известными в то время только по раскопкам Р. Пампелли под Ашхабадом. Находка подобной архаической расписной керамики в Фергане была настолько интересной и неожиданной, что она и явилась одной из непосредственных причин организации в 1930 г. разведочных археологических работ в Ферганской долине.

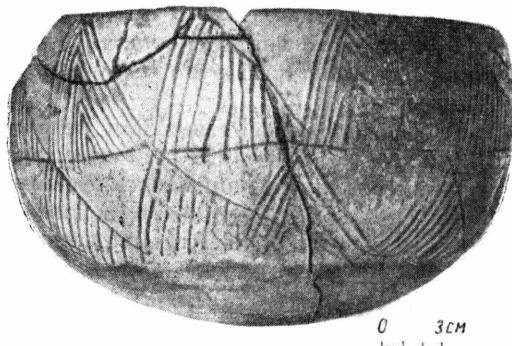

Рис. 21. Расписной эйлатанский сосуд

Исследования, проведенные в районе Хакулабада, где, по сопровождавшим собрание И. А. Анбоева кратким и не совсем ясным сведениям, им была найдена чаша¹, не смогли, однако, точно установить место и условия находки. Не было выявлено в этот первый сезон наших полевых работ в Фергане памятников, характеризующихся этим типом архаической расписной керамики, и где-либо в других из обследованных районов долины. Они были найдены лишь позже, в 1933 и 1934 гг., при раскопках небольшого тепе в Нарынском совхозе у ст. Кугай и на внутреннем Эйлатанском городище Шаари-Хайбер у Хакулабада, у которого, как впоследствии выяснилось, была обнаружена И. А. Анбоевым и его находка.

Раскопки тепе у Кугая позволили сделать некоторые важные стратиграфические наблюдения. Над нижним его слоем с архаической крашеной керамикой, вполне аналогичной хакулабадской чаше, залегал слой развалин сгоревшего сырцового строения, определявшийся красноангобированной керамикой с прочерченным орнаментом². Этот верхний слой датировался первыми веками н. э. по найденному в нем при раскопках 1934 г. железному черешковому трехперому наконечнику стрелы так называемого сарматского типа³.

Раскопки нижнего слоя плоского расплывчатого тепе на территории внутреннего городища у Эйлатана, произведенные в 1934 г., дали возможность установить типы этой архаической керамики в их комплексном сочетании. Однако вопрос об абсолютной датировке памятников, характеризующихся этой керамикой, оставался еще открытым и первоначально она была

¹ «Возле крепости, восточнее ст. ж. д. Хакулабад, на восточном кургане крепости. На поверхности, вымыта водой».

² Б. А. Л а т ы н и н. Работы в районе проектируемой гидростанции на р. Нарыне в Фергане. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. II.— Изв. ГАИМК, вып. 110. Л., 1935.

³ Отчет о работах Ферганской экспедиции 1934 г. печатается в Археологическом сборнике Государственного Эрмитажа № 3. Рукопись отчета в архиве ЛОИИМК.

мною сильно занижена. Не решили его и археологические работы на строительстве Большого Ферганского канала в 1939 г., когда подобная керамика была обнаружена Т. Г. Оболдуевой у с. Тюячи¹.

Впервые некоторую ясность в него внесли раскопки А. Н. Бернштама курганов в урочище Шарт на Алае в 1951—1952 гг. В двух из них найдены полусферические чаши с росписью, очень близкие эйлатанским. Датировку А. Н. Бернштамом этих курганов VI—V вв. до н. э. подтверждала находка в погребении кургана Шарт II бронзовых стрел «скифского типа»². К этому времени и следует видимо, отнести «эйлатанский» комплекс архаической ферганской керамики, как это и было сделано затем Ю. А. Заднепровским в его диссертации³.

Такую датировку подтвердили недавно раскопки Н. Г. Горбуновой и Б. З. Гамбург в 1954—1955 гг. Актамского могильника, где также обнаружены бронзовые трехгранные «скифского» типа стрелы, которые, как это мне представляется, могут быть, в данных условиях, отнесены ко времени не ранее VI—V вв. до н. э. При работах на Актамском могильнике обнаружено большое количество керамики, в том числе и несколько расписных чаш, совершенно тождественных хакулабадской (эйлатанской) чаше эрмитажного собрания⁴, явившейся когда-то стимулом для начала работ по изучению раннеземледельческих культур древней Ферганы.

Отдельные находки Т. Г. Оболдуевой древней расписной керамики на 13-м участке строительства (у с. Чакан) Большого Ферганского канала и А. Н. Бернштамом у Гурмирона, раскопки В. И. Спришевского у Чуста и Ю. А. Заднепровского у Дальверзина выявили теперь памятники с расписной архаической ферганской керамикой еще более раннего времени, чем «эйлатанская», датируемые второй половиной — концом II тысячелетия до н. э. Преемственные связи их, в особенности ясно выступающие при сопоставлении типов так называемой кухонной посуды «эйлатанского» и «чустского» комплексов керамики, мне представляются несомненными.

В некоторых находках лепной крашеной керамики на строительствах Большого, Северного и Южного Ферганских каналов, сделанных Т. Г. Оболдуевой и В. Д. Жуковым, а на строительстве Ташкентского канала — А. И. Тереножкиным, прослеживается и следующая за «эйлатанской», — заключительная ступень этой архаической культуры. Она непосредственно предшествует распространению в Фергане красноангобированной керамики с прочерченным орнаментом и, видимо, датируется IV—III вв. до н. э.⁵

Таким образом, публикуемая расписная чаша эрмитажного собрания положила начало изучению целого периода в истории культурного развития древней Ферганы, особенно важного тем, что с ним были связаны здесь возникновение и наиболее ранние этапы ирригации и орошаемого земледелия.

¹ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. — Тр. Ин-та истории и археол. АН УзССР, т. IV. Ташкент, 1951, стр. 23.

² А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА № 26, 1952, стр. 199—200, рис. 83. Отчет о раскопках кургана Шарт II не опубликован. Вещи хранятся в музее г. Ош. Приношу благодарность Ю. А. Заднепровскому, ознакомившему меня с их зарисовками.

³ Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1954, стр. 8.

⁴ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Актамский могильник. — КСИИМК, вып. 69, 1957.

⁵ Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. — КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 17; см также КСИЭ, вып. XXVI, 1957 — этапы ф1/1, ф1/2 и ф1/3 предлагаемой схемы археологической периодизации. Обнаруженный в последние годы раскопками Ю. А. Заднепровского на городище Шурабашат и некоторых других памятниках в районе Узгена комплекс расписной керамики мне представляется особым, локальным ее вариантом, выявленным пока только на его поздних этапах: III—II вв. до н. э. и вплоть до IX—XI вв. н. э.

Н. Г. ГОРБУНОВА

РОГОВАЯ ПЛАСТИНКА ИЗ АК-ТАМСКОГО МОГИЛЬНИКА

При раскопках Ак-Тамского могильника¹ (Фергана), относящегося ко второй половине I тысячелетия до н. э., обнаружено оригинальное очень интересное изделие из рога. В «длинном» кургане № 79 (раскопки 1956 г.) вскрыто 42 могилы, в одной из них (№ 4), в яме размером 2,3×1 м на глубине 0,6 м находился скелет старого мужчины (?) с разбросанными в ногах костями ребенка². При скелете обнаружены два глиняных станковых сосуда, костяная бусина, каменный оселок, роговая трубочка с четковидной поверхностью и у левого бедра роговая пластинка, сохранившаяся в двух фрагментах (рис. 22).

Пластинка слегка вогнута, кверху она расширяется, и край образует острый угол с одной стороны, с другой он поврежден; в центре выступ с двумя расположенными одно под другим отверстиями. Нижняя часть пластинки заострена и внизу — отверстие. Общая длина фрагментов 17 см, ширина 3,3 и 2 см. Лицевая сторона пластинки покрыта резным рисунком. В верхней ее части — поле из мелких точек, нанесенных неправильными вертикальными рядами, окаймленное резной линией. Явная незаконченность левого края позволяет предположить, что по другую сторону отверстий была аналогичная часть, украшенная подобным орнаментом, остатки которого видны слева от нижнего отверстия. В нижней части второго фрагмента — изображение челока. Верх головы поврежден, видно только лицо с одним левым глазом. Верх туловища дан в виде ромба, заштрихованного косой клеткой (что, возможно, изображает одежду), нижняя — треугольник, заполненный мелкими точками. Между головой и туловищем два горизонтальных треугольника с точечным заполнением, соединенных вершинами (схематическое изображение рук?).

¹ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник. — КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 78—90.

² Определение В. В. Гинзбурга.

Рис. 22. Роговая пластинка из Ак-Тамского могильника

У талии что-то вроде концов «пояса». Внизу — неширокая полоса с поперечными линиями (ноги?), в центре пластинки было, вероятно, еще одно подобное изображение: виден кусок маленького треугольника и часть треугольника, изображающего нижнюю часть туловища. Справа от центрального изображения две ломаные параллельные линии.

На левом и верхнем крае верхнего отверстия слегка заметны следы потертости, которые могли появиться в результате ношения пластинки на шнуре или ремешке. Слабые следы стертости есть и на левой стороне нижнего отверстия. Трудно судить о назначении пластинки. Необработанная обратная сторона ее, видимо, свидетельствует о том, что она служила накладкой на какой-либо предмет, подвешивавшийся на двух ремешках с левой стороны.

Прямых аналогий рисунку мы пока не находим. Процарапанные по кости изображения человека из Кую-Мазарского могильника¹ и с городища Калаи-Мира² — по времени несколько более поздние, и более реалистичные, хотя изображение одежды выполнено во всех случаях одинаково. Опубликовавшие их М. М. Дьяконов и О. В. Обельченко предполагают, что это изображение кольчуги. В этой связи интересно отметить находку в кургане № 71 Ак-Тамского могильника овальной железной пластинки, которая может быть частью панциря³.

¹ О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник. — Тр. Ин-та ист. и археолог. АН УССР, вып. VIII, 1956, стр. 223, рис. 20.

² М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафириган (Кобадан) 1950—1951 гг. — МИА, № 37, 1953, стр. 286, стр. 21.

³ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Указ. соч., рис. 29, 1.

Л. И. АЛЬБАУМ

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
НЕКОТОРЫХ «БАЛБАЛОВ»

Раскопками Сурхандарьинского отряда Узбекистанской археологической экспедиции в течение 1953—1955 гг. вскрыт замок Балалык-тепе, расположенный в Ангорском районе Сурхандарьинской области¹. Датируется он V—VI вв. В одном из помещений (5 × 5 м), открыты остатки чрезвычайно интересной живописи, сохранившейся на высоту 1 м.

Сохранившаяся роспись составляет единую композицию. На первом плане изображены сидящие мужчины и женщины, держащие в руках кубки и чаши (рис. 23); у некоторых персонажей — кубки и зеркала. На втором плане видны стоящие слуги с опахалами в руках. Всего на стенах нарисовано 47 фигур. Мужчины одеты в кафтаны с правосторонним прямоугольным отворотом, отороченные каймой. У одной из фигур отвороты кафтана двусторонние. В талии кафтаны перетянуты поясом. На женщинах богато орнаментированная одежда в виде безрукавного плаща с правосторонним треугольным отворотом и с широкой каймой, которая проходит и по краю накидки. Под ней — вторая одежда, широкие рукава которой хорошо видны из-под бортов накидки. У некоторых из фигур ясно видны небольшие мешочки, подвешенные к правой стороне пояса. Очень характерны чаши, которые держит перед собой большинство персонажей. В основном встречаются две формы их: у мужчин в руках чаши с туловом полуовальной формы и невысокой профилированной ножкой, у женщин — кубки полушаровидной формы на такой же профилированной ножке. Зеркала почти круглые на длинной ручке; по краю проходит узкий ободок. У мужчин слева ниже пояса подвешен небольшой нож в ножнах с двумя полукруглыми пластинками-петлями. По облику всех изображенных можно отнести к европеоидам Среднеазиатского междуречья.

Живопись Балалык-тепе находит аналогии в росписях Афганистана, Восточного Туркестана, а также и Средней Азии, в частности в памятниках живописи Бамиана², Кучи³, Пянджикента⁴, Варахши⁵. С другой стороны,

¹ Л. И. Альбаум. Некоторые результаты изучения ангорской группы археологических памятников за 1953—1954 гг. — Изв. АН УзССР, 1955, № 7, стр. 69—76.

² J. Hackin. J. Carl. Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan. — MDAFA, vol. III, Paris, 1933.

³ A. Grünwedel. Alt Kutscha. Berlin, 1920, A. Stein. Serindia, vol. I—IV. Oxford, 1921. Le Coq. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasien, Berlin, 1925.

⁴ Сб. «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954.

⁵ В. А. Шишкин. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.). — Тр. Ин-та истории и археол. АН УзССР, вып. VIII. Ташкент, 1956.

аналогии фигурам из росписей находим и в изображениях каменных баб — балбалов. Сравнение их с росписями Балалык-тепе позволяет сделать некоторые общие исторические выводы. Большое количество балбалов найдено в районе Алтая, на трассе Чуйского тракта¹, в районе озера Иссык-Куль² и других местах. Обычно это мужские фигуры и реже женские. Средняя высота их от 0,5 до 1,7 м, обработана в основном лицевая сторона. Лица фигур, головные уборы и одежда различны. У некоторых — клинообразные бороды, длинные усы, некоторые даны без растительности на лице. Почти во всех случаях правая рука согнута в локте и держит на уровне груди или живота какой-нибудь сосуд, левая рука опущена вниз, к рукоятке ножа. О назначении «каменных баб» существуют различные точки зрения³.

В настоящей работе мы остановимся на рассмотрении некоторых деталей одежды. Так, на очень интересном балбале из Карабалты, опубликованном В. В. Бартольд⁴, одежда с правосторонним отворотом и широким рукавом, близкая кафтанам персонажей на росписях Балалык-тепе. Кроме того, в правой руке фигуры кубок, также напоминающий кубки с росписи Балалык-тепе (рис. 24—1). Не менее поразительно сходство одежды другого балбала, обнаруженного в Каратегинском ущелье, в районе Токмака (рис. 24—2)⁵, с деталями мужских костюмов росписей Балалык-тепе; здесь также имеется правосторонний треугольный отворот. Правая рука фигуры согнута в локте и поддерживает чашу, по форме схожую с чашами, изображенными в росписях. Обращает внимание манерность, с которой фигура держит чашу: большой и указательный пальцы поддерживают чашу за невысокий поддон, средний и безымянный согнуты, а мизинец отставлен. Эта манера характерна и для положения рук в росписях. С левой стороны к поясу подвешен небольшой нож, а в полуопущенной левой руке — меч. Форма ножа в ножнах характерна не только для изображений в росписях Балалык-тепе, но и для большинства фигур Пянджикента и у других балбалов. На лице балбала четко обозначены длинные усы. У мужчин в росписях Балалык-тепе усы, правда, отсутствуют, но они есть у некоторых персонажей живописи Бамиана, одетых в такие же костюмы⁶.

Можно указать еще на один балбал, опубликованный В. В. Бартольд⁷. Лицо округлое, глаза и общий тип не монголоидные. Видна кайма отворота одежды, в правой руке — кубок, а левая, опущенная к поясу, лежит на ноже (рис. 24—3). С правой стороны на поясе висит круглый предмет; такие же круглые предметы справа у пояса изображены у некоторых фигур памятников Северного Алтая⁸ и из районов Дариганга⁹. В. А. Казакевич считает, что это мешочек или сумочка, но назначение его не определяет. В. В. Радлов также затрудняется определить назначение этих сумочек, хотя и не соглашается с мнением Гейкеля, который считает, что в мешочке носят чашу для питья¹⁰. На основании изучения живописи Балалык-тепе мы можем сделать предположение, что это те же предметы, которые держит в руках

¹ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Северного Алтая.—Тр. ГИМ, вып. 16, 1943, стр. 119—134.

² А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.—МИА, № 26, 1952.

³ А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 143.

⁴ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг.—Зап. Академии наук по историко-филологическому отделению, т. I, № 4. СПб., 1897.

⁵ В. В. Бартольд. Указ. соч., табл. VII, рис. 1.

⁶ A. Godard, Y. Godard, J. Hackin. Les antiquités bouddhiques de Bamiyan.—MDAFA, vol. II. Paris et Bruxelles, 1928, Pl. XXII.

⁷ В. В. Бартольд. Указ. соч., табл. X, фиг. 2.

⁸ Л. А. Евтюхова. Указ. соч., 122.

⁹ В. А. Казакевич. «Намогильные статуи в Дариганге» и «Поездка в Даригангу». Л., 1930, стр. 3.

¹⁰ В. В. Радлов и П. М. Мелноранский. Древне-тюркские памятники в Кашо-Пайдама.—Сб. трудов Орхонской экспедиции, вып. IV. СПб., 1897, стр. 9.

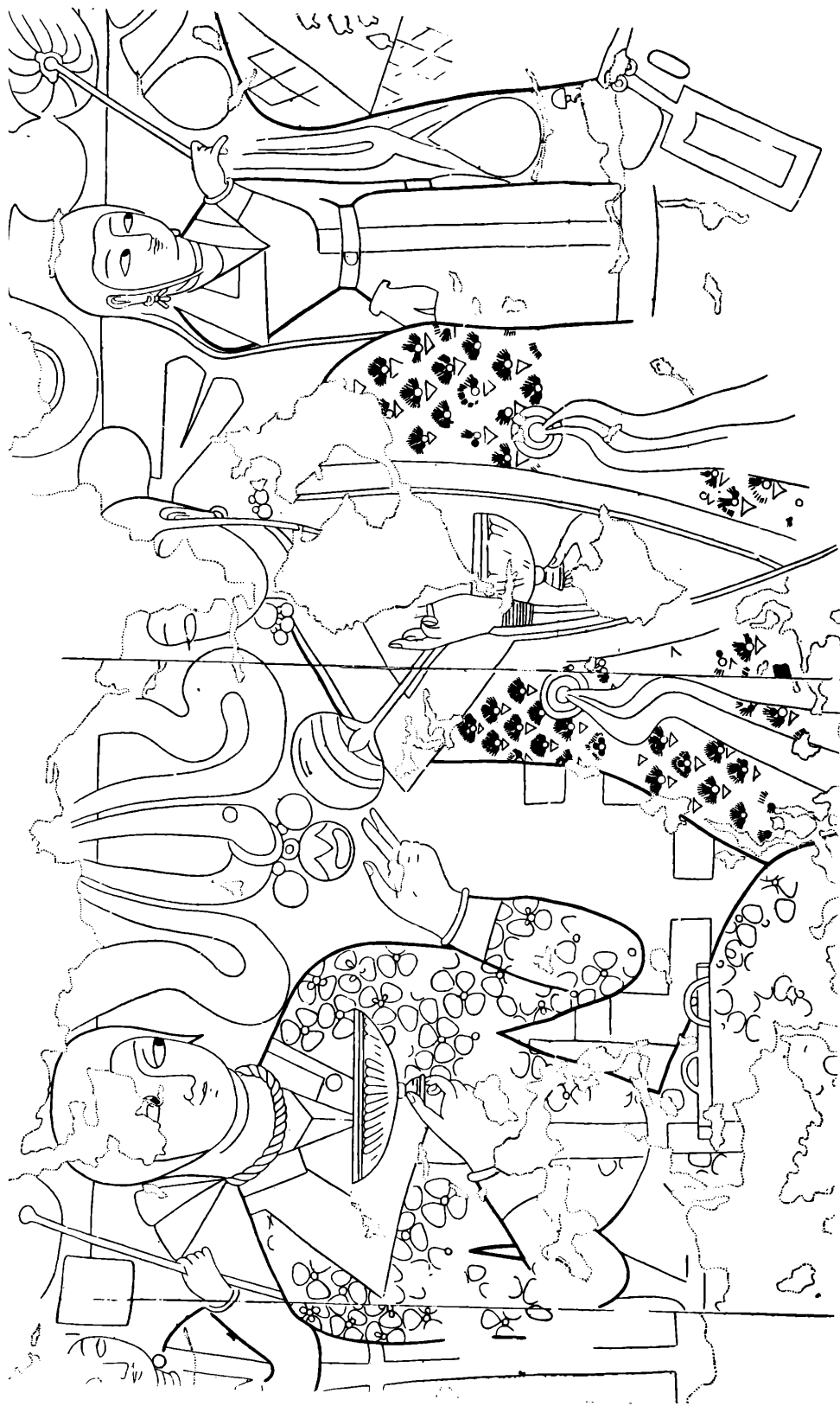

Рис. 23. Фрагмент росписи из Балаалык-тепе

большинство фигур росписей, т. е. зеркала. У некоторых из балбалов с правой стороны находится какой-то мешочек или сосудик, что также совпадает с изображениями на росписях.

На южном берегу Иссык-Куля, в урочище Ак-терек найден балбал¹ не монголоидного (судя по рисунку) типа. На его костюме хорошо видны двусторонние треугольные отвороты (рис. 24—4).

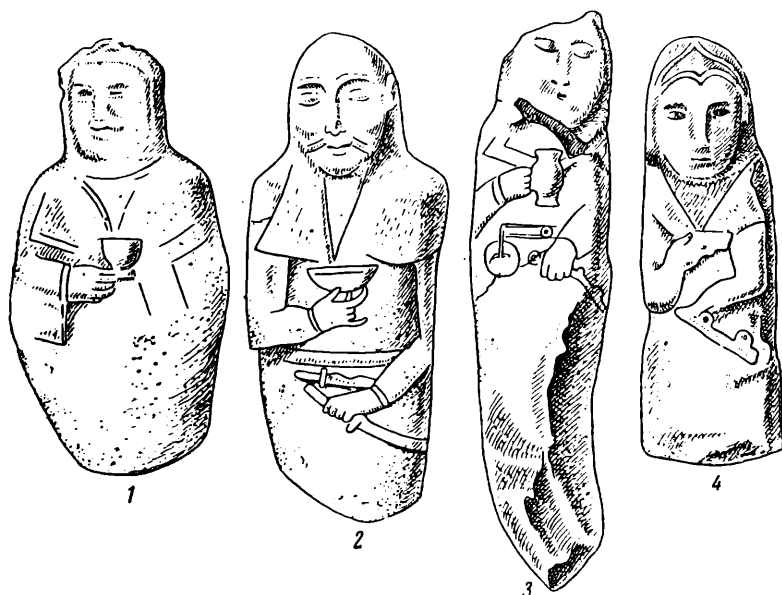

Рис. 24. Каменные бабы — балбалы

1 — из Карабалты; 2 — из Каратегинского ущелья, район Токмака; 3 — из Таалды-булака, в 30 км от с. Атбаши; 4 — из урочища Ак-терек, южный берег Иссык-Куля.

Мы остановились лишь на небольшой группе памятников этого типа, хотя ареал их распространения очень широк.

Приведенное нами сопоставление одежды и атрибутов этой группы балбалов с изображениями фигур росписей Балалык-тепе привело нас к заключению о почти полной их идентичности.

Помимо общих черт в одежде и атрибутах, мы наблюдаем общность и в этническом типе. Особенно это относится к балбалам из района Токмака. Такую же общность мы устанавливаем для указанных балбалов с некоторыми фигурами в росписях Пянджикента. Так, например, на рисунке лица мужчины, на стене помещения № 17 объекта III, мы видим «горбатый нос, тонкие, свисающие вниз усы, а на бритом подбородке оставлены два клочка волос»². На росписях помещения № 1 объекта VI, мы видим лица с удлиненными глазами, с тонкими спускающимися усами и небольшой бородкой явно монголоидного типа. У некоторых фигур росписей бородки густые и подстрижены клинышком³. Характеризуя образ согдийца, по материалу статуэток воинов VI—VII вв. из Самаркандского музея, Л. И. Ремпель пишет: «У согдийцев продолговатое лицо с мягкими очертаниями подбородка, большие глаза на выкате, длинный тонкий нос, ... свисающие книзу усы...»

¹ В. В. Бартольд. Указ. соч., 55, табл. XI, фиг. 1.

² М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, — Сб. «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, стр. 118, табл. XXXIII.

³ М. М. Дьяконов. Указ. соч., табл. XXXV, XXXVI, табл. VIII, IX, X.

коротко подстриженная борода»¹. Как известно, монголизация населения Средней Азии началась задолго до образования первой обширной тюркской кочевой империи VI в.²; население Согда к VI в. по своему типу было смешанным, что отразилось и на терракотовых статуэтках воинов и позволило Л. И. Ремпелю разбить их на две группы: монголоидную и немонголоидную³. Это подтверждается и в трактовке лиц росписей Пянджикента. Все эти признаки, характерные для аборигенов Согда VI—VII вв., наблюдаются и у целой группы балбалов.

Указанное выше сходство в одежде, аксессуарах и в типе лица балбалов и фигур из росписей нельзя рассматривать как случайный факт. Нам представляется, что здесь нашел отображение определенный этнический тип, сложившийся в период до образования тюркского каганата, т. е. в эфталитское время. Согдийцы были коренным населением эфталитского государства и, естественно, принимали участие в борьбе против тюркского завоевания. Поэтому ничего нет удивительного в том, что среди каменных изваяний мы находим некоторые, облик которых характерен для аборигенов Согда.

К 60-м годам VI столетия тюркский каганат достиг наивысшего расцвета; различные племена и народы вошли в тюркские политические объединения. В своей экспансии тюрки столкнулись с эфталитской державой, простиравшей свои владения от Восточного Туркестана до Каспийского моря. К 567 г. эфталитское государство распалось под ударами с одной стороны тюрков, а с другой — персов.

Как мы предполагаем, балбалы из района Токмака в известной мере отражают ту борьбу, которую вели тюрки при завоевании территории эфталитского государства. Каждому из военачальников-тюрков, участвовавшему в завоевании эфталитского государства, после его смерти на могиле ставили изображение основного противника — эфталита. Балбалы и являются этими изображениями. Такое толкование позволяет объяснить и появление балбалов — женщин, как, например, фигура из района Токмака, по своему облику сходная с женщинами на росписях Балалык-тепе. Можно предположить, что она изображала пленную эфталитку.

Обращает внимание отсутствие балбалов на территории Узбекистана, в то время, как они в изобилии найдены на обширной территории от Казахстана до Монголии. Для объяснения этого следует кратко остановиться на одном из моментов тюркского погребального обряда. В китайской хронике «Таншу» дается его подробное описание: «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву... Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают: собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу»⁴ (разрядка моя, — Л. А.). Следовательно, собранный пепел определенное время где-то хранился. Так, «умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начинает желтеть или опадать; умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают развешиваться»⁵. Для чего же нужен был такой большой срок между смертью и погребением? Во время многочисленных походов тюрки попадали в различные страны за сотни километров от их коренных

¹ Н. Н. Забелина, Л. И. Ремпель. Согдийский всадник. Ташкент, 1948, стр. 12.

² Л. В. Ошанин. Палеоантропологические и исторические данные о населении монголоидных рас в северной степной полосе Средней Азии. — Сб. Л. В. Ошанина и В. Я. Зезенкова. «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии». Ташкент, 1953, стр. 90.

³ Н. Н. Забелина, Л. И. Ремпель. Указ. соч., стр. 12.

⁴ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Ч. 1. М.—Л., 1950, стр. 230.

⁵ Там же.

мест жительства. Воина, умершего в дороге или погибшего в сражениях, по-видимому, не оставляли в том месте, где он погибал, а после сожжения и совершения определенных обрядов, пепел собирался и увозился в родные края, а на это необходимо было много времени, иногда несколько месяцев. «Таншу» ясно различает день кончины и день похорон. «В день похорон, так же как и в день кончины» (разрядка моя.— Л. А.) вновь повторялся траурный обряд. Мы считаем, что «в день похорон», т. е. при вторичном захоронении, в могилу клалась привезенная с места кончины воина зола, оставшаяся после сожжения тела покойника и принадлежавших ему вещей. В помещении же, «построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений». Кроме того, во время этого вторичного обряда на могилах ставят балбалы. «Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи»¹. О назначении камней — балбалов — мы уже говорили. Следовательно, они ставились только на месте вторичного захоронения, этим и объясняется тот факт, что балбалы сосредоточены в основном в местах постоянных кочевьев тюрков.

Раскопки, проведенные на месте установления балбалов, показали, что могильные ямы там отсутствуют, поэтому В. В. Радлов еще в 1897 г. пришел к заключению, что балбалы — могильные памятники, ставившиеся в честь умерших князей, не над могилой, а в стороне, чтобы предохранить могилу от разграбления², помещались они на курганах и в степи, около дорог, перевалов «дабы эти герои не были забыты народом»³.

Отсутствие под балбалами могил с какими-либо останками объясняется, как мы уже говорили, тем, что это было вторичное захоронение, когда хоронили только пепел, оставшийся после сожжения воина, убитого или умершего вдали от родных мест, а не тем, «чтобы предохранить могилу от разграбления». Это подтверждается раскопками Е. Ф. Каля, который при вскрытии одного из холмов в районе Джиты-тепе не обнаружил внутри «ничего, кроме пепла»⁴. Для вторичного захоронения выбирались места вблизи главных дорог, откуда начинал путь воин, отправляясь в завоевательные походы.

Подводя итог, можно сказать: сведения письменных источников о том, что балбалы изображают убитых врагов умершего, косвенно подтверждаются изображениями на росписях Балалык-тепе; персонажи, изображенные в росписях, полностью соответствуют определенной группе фигур балбалов. На основании этой аналогии можно говорить о принадлежности изображенных здесь людей к одной этнической группе, входившей в эфталитское политическое объединение и представлявшей жителей правобережного Тохаристана или Согда. В балбалах мы видим памятники, отображающие борьбу, которую вел тюркский каганат против эфталитов, памятники, воздвигнутые в честь тюрков, погибших вдали от коренных тюркских земель. Отсутствие же под балбалами каких-либо останков объясняется тем, что во время вторичных захоронений зарывался лишь пепел, остававшийся после сожжения трупа.

¹ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 230.

² В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский. Указ. соч., стр. 17.

³ Там же, стр. 14.

⁴ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 21.

Б. Я. СТАВИСКИЙ

«АМПУЛА СВЯТОГО МИНЫ» ИЗ САМАРКАНДА

А. Н. Бернштам был одним из тех исследователей, которые придавали большое значение культурным связям между народами. Среди разнообразных вопросов, привлекавших к себе его внимание, был вопрос о культурных связях Средней Азии в период раннего средневековья. А. Н. Бернштам в частности одним из первых высказал убеждение в существовании широких связей между Средней Азией и Византией в VI—VIII вв. н. э.¹

Это заключение Александра Натановича в последнее время подкрепляется все новыми и новыми материалами². Подтверждением его может служить и интересная находка, обнаруженная еще в дореволюционный период на городище древнего Самарканда — Афрасиабе и ныне хранящаяся в среднеазиатских собраниях Государственного Эрмитажа.

Это небольшой глиняный сосудик с уплощенным туловом, цилиндрическим горлом и двумя прикрепленными к горлу ручками. Тулово сосуда с обеих сторон украшено штампованными медальонами, окруженными полосой с перлами. В медальонах помещено изображение святого

Рис. 25. «Ампула святого Мины» из Самарканда

¹ См. А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 63—64; его же. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943, стр. 17—18.

² М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. — Тр. САГУ, нов. серия, вып. XXIII. Ташкент, 1951, стр. 91—104; его же. Клад раннехристианских золотых бляшек и медальонов из Геок-депе. — Изв. АН Туркмен. ССР, 1956, № 5, стр. 45—48. См. также: Г. А. Пугаченкова. Хароба-Кошук. — Изв. АН Туркмен. ССР, 1954, № 3; Л. Р. Кызласов. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. — КСИЗ, XXVI, 1957, стр. 92—94.

Мины в канонической позе — стоящим во весь рост с распростертыми руками. Через левое плечо переброшен плащ, ниспадающий за спиной вертикальными складками. Наверху, слева и справа от лица изображены два креста, а внизу, у ног — фигуры двух верблюдов, переданные крайне схематично¹ (рис. 25).

Подобные сосудики широко известны в археологии Восточного Средиземноморья под названием «ампул святого Мины». Они производились в большом количестве в IV—VII вв. в коптском монастыре святого Мины к западу от Александрии (остатки этого монастыря были раскопаны в 1905—1907 гг.)². Наполненные водой из монастырского источника, считавшегося целебным, «ампулы святого Мины» разносились многочисленными паломниками далеко за пределы Египта³. Однако ни в Иране, ни в Средней Азии подобные сосудики ранее не были известны и рассматриваемая нами «ампула» — первая находка такого рода к востоку от границ Византийской империи. Каким путем попала она в древний Самарканд, в настоящее время сказать трудно.

Наряду с обнаруженным недавно золотым брактеатом, изготовленным по образцу римской монеты V—VI вв.⁴, публикуемая «ампула святого Мины» показывает, что в Среднюю Азию в период раннего средневековья попадали не только китайские, персидские и малоазиатско-византийские вещи, но и отдельные предметы из еще более отдаленных стран.

¹ Этот предмет (инв. № СА — 1514) поступил в Эрмитаж из ГАИМК в январе 1931 г. Высота его (с сохранившейся частью горшка) — 8,6 см, диаметр тулова — 7 см, толщина 1,8 см. Диаметр медальона — 4 см, ширина полосы с перлами — около 1 см.

² С. М. Kaufman, *Die Ausgrabung der Menas-Heiligtümer in der Mareotiswüste. Bd. I—III. Cairo, 1906—1908*; его же. *Der Menastempel und die Heiligtümer von Karm Abu Mina in Mariutwüste. Frankfurt a. M., 1909*; его же. *Die Menasstadt und das Nationalheiligtum der altchristlichen Aegypten. Bd. 1, Leipzig, 1910*.

³ Большое число подобных ампул опубликовано в труде — С. М. Kaufman. *Zur Ikonographie der Menas-Ampullen. Cairo, 1910* (особенно стр. 95, рис. 33 и стр. 107, рис. 42). См. также М. Э. Матвеев и К. С. Ляпунова. *Греко-римский и Византийский Египет. (Путеводитель по выставке)*. Л., 1939, стр. 54 и табл. 16.

⁴ А. М. Беленицкий. *Археологические работы в Пянджикенте*. — КСИИМК, вып. 55, 1955, стр. 47, рис. 11.

М. Е. МАССОН

КЛАДИК КАРАХАНИДСКИХ МЕДНЫХ ДИРХЕМОВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XII в. ИЗ ТЕРМЕЗА

Специальная научно-реставрационная производственная мастерская Комитета по строительству и архитектуре при СМ УзССР проводила в 1955 г. археолого-топографическое обследование ансамбля у мазара Абу Абдаллаха Мухаммеда ал-Хаким ат-Тармизи. Во время работ было найдено 63 монетных кружка, охватывающих время со II в. н. э. до XIX в. включительно. Из них особо интересен обнаруженный архитектором В. М. Филимоновым в помещении мечети, к северу от мазара Хакими Тар-

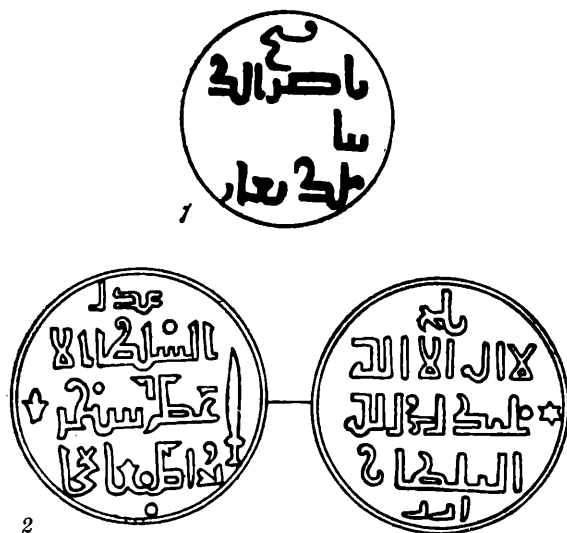

Рис. 26. Дирхемы Мелик Тагара (1) и Клыч-Султана
Гафгач-хана (2)

мизи небольшой кладик медных монет. Он найден на глубине около 1 м от современного уровня, внутри комнаты, под настилом средневекового пола из поставленных на ребро продолговатых жженных кирпичей $27 \times 14 \times 3,5$ — $26 \times 14 \times 4$ см и включал 28 бронзовых дирхемов караханидского чекана первой половины XII в., выпускавшихся в пору серебряного кризиса. Монетные кружки тонкие, небольших размеров (27—29 мм), с неровными, иногда разорванными краями, с неряшливо выполненными на штампах легендами почерком куфи и низкого качества чекана.

Одна монета принадлежит какому-то мелкому удельному правителю, который при всем пристрастии караханидов к пышным титулам, очевидно, учитывая свой слишком уж незначительный удельный вес в государстве, именуется в легенде очень скромно — «Защитник мира и веры Мелик Тагар» (рис. 26—1). Ни в исторической литературе, ни по нумизматическим памятникам Тагар (буквально — «Мешок», «переметная сума») пока неизвестен.

Аверс:

فتح	Победа
ناصر الد	Защитник мира
نيا [او الدين]	(и веры)
مدا تغار	князь Тагар
	= т. е. „дарующий победу“.

Реверс: Калима; под ней ناصير

Круговая легенда не получилась ни на одной из сторон.

Монета уникальна. Вероятно, ее выпуск связан с какой-нибудь областью юго-восточной части Мавераннахра.

Остальные 27 монет принадлежат одному нумизматическому типу, (рис. 26—2) хотя и вышли из под ударов не менее чем тремя или четырьмя штампами.

Аверс:

عدل	Справедливый
السلطان الا	Султан вели-
عظم سنجر	чайший Санжар
ددا طغاج خا	? Тафгач — ка (н)

Легенда выполнена монументальным куфи в трех верхних строках и менее строгим в нижней с упоминанием титула караханидского правителя. Имеется вариант طغاجخа во всех случаях без конечного «нун». На нескольких экземплярах справа помещен вертикально прямой меч, обращенный острием вверх; слева — цветок или кружок; внизу — или кружок или шестилучевая звезда. Перед словом طغاج стоит на одних экземплярах نَد (друг) или بُد (может быть, «слуга»), а на других ясно с алифом — ندا (указ) или بدا (начало). Круговая легенда восстанавливается с трудом по жалким фрагментам размашистой и неизящной легенды лишь для двух вариантов:

بسم الله ضرب هذا الدرهم ... ثلثين خمسميه (خمسماية).

т. е. «Во имя Аллаха чеканен этот дирхем в году хиджры пятьсот тридцатом» (или 1135/6 г. н. э.).

Реверс:

قلج	Клыч
لا اله الا الله	Нет бога, кроме Аллаха,
محمد رسول الله	Мухаммед послан Аллаха
الملطان [sic!]	Султан
ادر	

Легенда исполнена более строгим куфическим почерком, чем надписи на аверсе. Последнее слово неясно. Если это ارز то он может обозначать «уважение», «почитание» и, вместе с тем, «ценность», «цена». Но вернее, что тут помещено слово «ازر» — «могущество». Очень искаженно на всех экземплярах изображено слово رسول. Справа от имени Мухаммед на некоторых монетах восьмилучевая звезда.

Круговая легенда, как и на аверсе.

Вся группа рассматриваемых монет, как видно из приведенных легенд, принадлежит чекану караханида, именующего себя Клыч-Султан Тафгач-хан и выбивавшего монеты с именем султана «Великих Сельджуков» Санджара (511—522/1118—1157). Меч, помещенный справа от титулов и имени Санджара на монетах Термезского клада, может иметь двоякий смысл: изображение меча может заменить относящийся к Санджару широко распространенный в средние века титул سيف حيه الله — «меч халифата Аллахова», سيف الدولة — «меч державы»¹, и вместе с тем в этом символе можно видеть намек на имя караханидского правителя «Клыч», что буквально значит «меч».

Восстановленная по фрагментам дата — 530 г. х. не оставляет никаких сомнений, что перед нами уникальные монеты неизвестного до сих пор чекана караханидского правителя, который в письменных источниках именуется как Клыч Тафгач-хан Абу-л-Ма'али Хасан б. Али б. Абд-ал-Мумин, но более известен под именем Хасан-тегин, упоминаемый у Ибн-ал-Асира². Его появление на исторической арене тесно связано с походом Санджара на Мавераннахр и приходится на пору, еще недостаточно изученную историками, даже со стороны хронологической.

Посаженный в 1102 г. (495 г. х.) на Мавераннахрский престол с помощью Санджара караханид Мухаммед-тегин Арслан-хан, носивший как будто также титул Тафгач-хан, приходившийся тестем своему сельджукидскому сюзеру и вступивший на протяжении почти трех десятков лет борьбу с высшим духовенством, к концу жизни тяжело заболел. Как явствует из нумизматических данных, он сделал соправителем своего сына Кадр-хан Ахмеда Нур-ад-дауле, по-видимому считавшего себя наследником престола, поскольку есть монеты, чеканенные без имени Арслан-хана в Самарканде в 1129 г. (523 г. х.), на которых этот царевич титулуется уже как «хакан»³. Быть может, эти его притязания привели к тому, что разбитый параличом Арслан-хан заменил его другим сыном, Насром. В создавшейся ситуации против правительства был составлен заговор, возглавлявшийся двумя видными представителями самаркандского духовенства: факихом из потомков Али, Ашрафом б. Мухаммедом ас-Самарканди, бывшим одновременно мудarrisом одного медресе, и раисом столицы. В результате заговора ранней весной 1130 г. (524 г. х.) Наср был убит⁴.

Напуганный событиями Арслан-хан, против которого восстали еще и карлуки, обратился за помощью к Санджару. Тем временем, отстраненный ранее Ахмед двинулся к Самарканду, схватил вышедших к нему навстречу главарей заговора и тотчас казнил факиха. Подоспевший Санджар разбил карлуков, едва не пал жертвой коварного заговора Арслан-хана, захватил Самарканд и счел нужным выслать из Мавераннахра престарелого Арслан-хана к дочери в Хорасан. На самаркандский престол, обойдя Ахмеда, как установлено В. В. Бартольдом на основании одного дипломатического документа⁵, был возведен воспитывавшийся при мервском дворе брат Арслан-хана, Абу-л-Музаффар Тафгач Богра-хан Ибрагим. Об этом сельджукид-

¹ Об изображении меча на золотых саманидских динарах, чеканенных в Нишапуре при Себук-тегине Махмуде как символическом отображении полученного последним титула «Сейф-ад-даула» см. М. Е. Массон. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Южного Туркменистана до 1946 года. — Материалы ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949, стр. 140.

² Ибн-ал-Асир, XI, 55.

³ Ал-хакан ал-Музаффар Ахмед. См. А. (К.) Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет императорского Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 275 № 505—506.

⁴ По принятой версии, считая, что заговор был направлен против Насра. Вместе с тем, в тексте Ибн-ал-Асира содержится указание, что Наср сам принимал участие в заговоре и был убит по распоряжению отца. Ибн-ал-Асир, XI, 54; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II. Исследование. СПб., 1916.

⁵ В. В. Бартольд. Указ. соч., ч. I, тексты, стр. 24.

ском ставленнике восточные исторические источники совершенно не упоминают, не попал он и в генеалогическую таблицу Караханидов, составленную Е. де-Цамбауром¹.

В Реджебе 526 г. х. (18 мая — 17 июня 1132) Арслан-хан скончался в Балхе и был предан погребению в Мерве в отстроенном им медресе². Очевидно, смерть отца явилась для Ахмеда Нур-ад-дауле толчком к захвату самаркандского престола. Санджар, находившийся летом 1132 г. в Ираке, где он разбил войска своего племянника Масуда и принудил того уступить светскую власть в Багдаде халифу Мустаршиду (512—529), узнав о восстании в Мавераннахре, поторопился возвратиться в Хорасан.

По ликвидации выступления Ахмеда Нур-ад-дауле, во время которого его дядя Абу-л-Музаффар Тафгач Богра-хан Ибрагим, видимо, не оправдал себя в глазах Мервского двора, Санджаром на самаркандский престол был посажен в том же 1132 г. (526 г. х.) представитель другой отрасли караханидского дома, праправнук Давуда, Клыч Тафгач Абу-л-Ма'али Хасан-тегин. Его чекану, как отмечено выше, и принадлежат 27 монет термезского клада. Они наглядно свидетельствуют, что этот очередной ставленник последнего султана из династии «Великих сельджуков» внешне держался вполне лояльно в отношении своего сюзерена, проставляя его имя на лицевой стороне выпускавшихся им дирхемов и весьма скромно именуя себя ниже его «службой» или «другом» Тафгач-ханом, широко распространенным у караханидов титулом. На обратных сторонах монет он назван еще проще — Клыч-султаном. Его медные дирхемы, обнаруженные в архитектурном комплексе у мазара Хакима Тармизи, были по существу кредитного характера и могли получить рыночное обращение лишь на территории, подчиненной выпустившему их государству и установившему для их хождения определенный курс. Учитывая находки на площади приамударьинского городища Старого Термеза других медных караханидских дирхемов конца XI — первой половины XII в., кладик монет Хасан-тегина дает новый повод для постановки вопроса о том, что Тармиз, считавшийся входившим в эту пору вообще в состав государства «Великих сельджуков», возможно эпизодически передавался в управление мавераннахрским вассальным ханам. Известно, что при Санджаре он был подчинен Газневидам, на что ясно указывает установленный Термезской археологической комплексной экспедицией (ТАКЭ) факт производства крупных реставрационных работ в термезском пригородном дворце, приспособлявшемся для нужд сельджукидского ставленника Газневида Бахрам-шаха (1118—1152), чье имя упомянуто на одном из найденных там в 1937 г. стеклянных медальонов³. Бахрам-шах, мать которого была сестрою Санджара и который сам был посажен на престол Газны с помощью войск этого султана, на протяжении долгого времени оставался верным вассалом. Но, как раз в 529 г. х. (1129/30) он попытался сбросить с себя ленную зависимость и открыто возмутился против своего сюзерена. Однако при приближении сельджукидской армии к Газне ставленник мервского султана выразил покорность. Вполне возможно,

¹ E. Zambaur. Manuel de Généalogie et de Chronologie pour l'Histoire de l'Islam. Napvre, 1927, p. 207.

² В монографии В. А. Жуковского, «Развалины Старого Мерва» (МАР, № 16, СПб., 1894, стр. 27—28), это сообщение, как отметил В. В. Бартольд, ошибочно отнесено к сельджукиду Алп-Арслану. См. В. В. Бартольд. Указ. соч., ч. II, стр. 343, прим. 5. Приводимая в труде كتاب ملا زاد، составленном в первой половине XVI в. в Бухаре, дата смерти караханида Арслан-хана — 524 г. х. (1129/1130) явно неверна.

³ М. Е. Массон. Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ). — КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 115; его же. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг. Термезская археологическая экспедиция, т. II. — Тр. АН УзССР, сер. I, история и археология. Ташкент, 1945, стр. 7; В. Д. Жуков. Археологическое обследование в 1937 г. дворца термезских правителей. — Там же, стр. 156—157.

что в наказание от него были отобраны приамударьинские области, еще по мирному договору 1059 г. отходившие от Газневидов к Сельджукидам. Теперь они могли быть переданы более покорному вассалу — Караханиду Хасан-тегину, появление монет которого чекана 530 г. х. под полом мечети у мазара Хакими Тармизи тогда становится вполне объяснимым.

Вместе с тем есть все основания полагать, что монеты клада были выбиты в последний год правления Клыч Тафгач Абу-л-Ма'али Хасан-тегина, так как в следующем году в момент вторжения в Мавераннахр каракитаев их гурхан Елюй Даши в рамазане 531 г. х. (25 мая — 21 июня 1137 г.) в битве под Ходжендом нанес поражение уже новому ставленнику Санджара на самаркандский престол, Махмуд хану¹. Тот с поля битвы бежал в Самарканд и тотчас обратился за помощью к своему верховному покровителю Санджару. Каракитаи, однако, не воспользовались победой, не углубились дальше в Мавераннахр, и Махмуд-хан продолжал управлять страной на протяжении еще нескольких лет. Его полное прозвище было Рукн-ад-дин Желал-ад-дин Махмуд-хан. Он был сыном Мухаммеда Арслан-хана и также приходился племянником своему сюзеру, в отношении которого до конца соблюдал вассальную преданность. Внешне это нашло отражение в чекане его монет, которые выпускались с именем Санджара в сопровождении той же титулатуры, что и в чекане Клыч-султана Тафгач-хана². На монетах Махмуд-хан титулуется *الحاقان العادل المعظم محمود* — «Хакан справедливый вознесенный Махмуд». Правлению его в Мавераннахре, сопровождавшемуся внутренней борьбой с представителями военного сословия, положила конец Катванская битва в 1141 г. с каракитаями, после чего Махмуд-хан вместе с Санджаром вынужден был удалиться в Хорасан. После смерти своего сюзеря этот мавераннахрский Караханид был с 1157 по 1162 г. (552—557) одним из хорасанских правителей³.

Таким образом, термезская находка 1955 г. небольшого клада медных караханидских дирхемов дала неизвестные науке новые нумизматические памятники, которые позволили датировать один из этапов в сложении архитектурного комплекса у мавзолея Хакими Тармизи⁴ и внесли новое в понимание событий в Мавераннахре в 30-х годах XII в., еще очень слабо освещенных историческими исследованиями.

Специалистам хорошо известно, с какими трудностями сопряжено опознание принадлежности очень многих нумизматических объектов караханидского чекана тому или иному правителю, а также выяснение генеалогии, места и времени правления отдельных династий. С. Лэн Пуль и В. В. Бартольд отказались от составления генеалогических таблиц Илехханов и ограничились весьма незначительным перечнем имен некоторых государей часто без указания дат⁵. И. И. Трофимов, много занимавшийся караханидскими монетами, в составленной им хронологической таблице разместил с проставлением годов и без всяких дат немало имен членов династии Илеков⁶, но сводка этого разрозненного материала не дала сколько-нибудь положительных результатов. Последняя по времени попытка составить

¹ В. В. Бартольд допускал, хотя и с большой неуверенностью, возможность появления Махмуд хана на Самаркандском престоле еще в 1132 г. (см. Указ. соч., ч. II, стр. 509), что опровергается теперь монетами термезского клада.

² А. К. Марков. Указ. соч., стр. 277, № 515 (2 экз.) и 516 (2 экз., варианты).

³ Большая путаница в отношении Рукн-ад-дина Махмуд-хана допущена у Е. де-Цамбаура, который в списке правителей Илехханов против имени этого правителя ставит «приблизительно 536 г.», в примечании оговаривается, что имеются указания и на дату «526», а смерть его относит к 558 г. х. (F. Zambaur. Указ. соч., стр. 206).

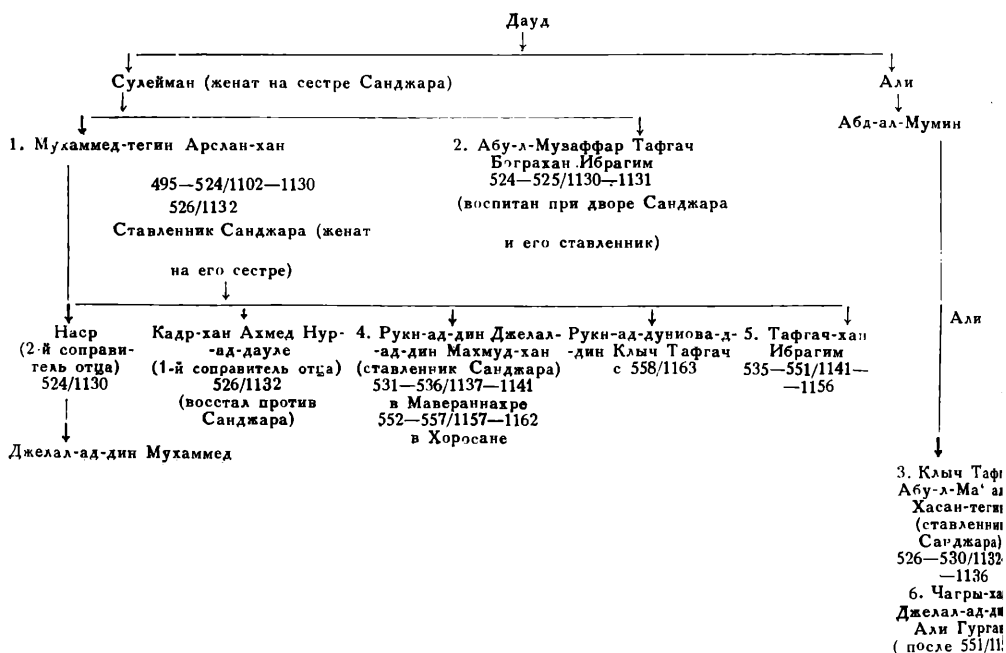
⁴ Этому вопросу посвящается специальная работа.

⁵ С. Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Пер. с английского В. В. Бартольда. СПб., 1899, стр. 110—112. В английском подлиннике материал менее доброкачествен.

⁶ И. И. Трофимов. Хронологическая таблица мусульманских династий. Ташкент, 1897.

генеалогическую таблицу караханидов принадлежит упоминавшемуся выше Е. де-Цамбауру, но и в ней немало существенных недочетов, не говоря уже о большом количестве пропусков и о неверных датах и часто об отсутствии последних. При таком положении вполне уместно дать небольшую частную генеалогическую табличку Илекханов, как-то суммирующую факты, связанные с событиями 30-х годов XII в. и затронутые при обработке термезскогоклада, поскольку при этом удалось получить некоторые новые уточненные хронологические данные.

Генеалогическая таблица

Е. А. ДАВИДОВИЧ

ДВА САМАРКАНДСКИХ КУВШИНА С ДАТОЙ
И ИМЕНЕМ МАСТЕРА В НАДПИСИ

В Музее восточных культур и в Государственном Эрмитаже хранятся два великолепных сероглиняных фрагментированных кувшина одинаковой формы: довольно высокая ножка, грушевидное тулово, узкое горло и одна ручка, опущенная от горла к плечикам (рис. 27).

Оба сосуда очень богато украшены несколькими горизонтальными поясами орнамента, причем самый широкий пояс как бы двухплановый: на поле, покрытом мелкими выпуклыми точками, разворачивается изумительной красоты и довольно высокого рельефа надпись. При изучении оказалось, что надпись эта на обоих кувшинах не просто одинакова по содержанию, выполнению и почерку: она вышла из-под одного и того же штампа. Следовательно, оба сосуда, хранящиеся в разных музеях, изготовлены в одной мастерской. Место находки эрмитажного кувшина известно точно — это Самарканд¹.

Два самаркандских кувшина, изготовленные в одной мастерской и украшенные одинаковой надписью, вместе с тем сильно различаются рисунком остальных орнаментальных поясков, хотя схема их расположения и общие пропорции размеров совпадают. Ниже соединения тулова с горлом на обоих кувшинах расположена первая, узкая полоска орнамента: на сосуде из Музея восточных культур это геометрический рисунок с ромбами в основе, на эрмитажном — два переплетающихся стилизованно-растительных побега. Третий пояс орнамента (под надписью, но еще на верхней половине тулова) на первом состоит из двух рядов мелких выпуклых звездчатых розеток, на втором — из одного ряда ромбов. Широкий пояс нижней половины тулова на сосуде из Музея восточных культур представляет сетку из трех рядов смыкающихся шестигранников с вписанными в них миндалевидными фигурами, а на сосуде из Эрмитажа — ромбическую сетку с вписанными в каждый ромб четырьмя мелкими ромбиками.

Все пояски орнамента выполнены техникой штампа. Штамп одновременно служил формой, и рельефный рисунок оттискивался одновременно с формовкой самого сосуда. Отштампованные в форме, орнаментированные среднеазиатские сосуды не раз упоминались в литературе, однако без детального анализа этой техники². Между тем, изучение таких сосудов поз-

¹ Кувшин из коллекции С. М. Дудина, приобретенный им в 1905 г. и хранившийся раньше в Музее антропологии и этнографии АН СССР. В описи С. М. Дудина кувшин записан под номером 1054/12. Шифр Отдела Советского Востока Государственного Эрмитажа — Арх., № 1001. Шифр кувшина Музея восточных культур — 376/III.

² М. И. Вязьмитина. Археологическое изучение городища Новая Ниса. — Тр. ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 160; М. М. Дьяконов. Керамика Пайкенда. — КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 91; Н. Н. Вактурская. Хронологическая клас-

воляет реконструировать основные приемы и особенности изготовления.

Прежде всего следует оговорить, что форма-штамп с углубленным рисунком не резалась непосредственно, а в свою очередь отштамповывалась основным, исходным калыбом, который был прообразом будущего сосуда в его окончательном виде. Исходный калыб должен был делаться из твердого материала, ибо использовался он для изготовления многих форм-штампов. Делали такие калыбы, в частности и из глины. Образец глиняного калыба для верхней половины кувшинной формы-штампа хранится в Музее восточных культур (рис. 27 — 3)¹. Небезынтересно отметить, что восходящий к этому калыбу кувшин должен был бы иметь сферическо-грушевидное тулово и узкое горло, т. е. повторять облик двух публикуемых нами самаркандских кувшинов с надписью.

Сравнение этих кувшинов показывает, что исходный калыб, служивший для изготовления формы-штампа, мог быть и сплошным (как на рис. 27 — 4) и иногда, вероятно, наборным (в виде дисков соответствующих размеров и конфигураций). В данном случае одна и та же часть с надписью была использована дважды, остальные же части с орнаментальными поясками сменены. Такой прием собирания калыбов из нескольких частей позволял мастеру-керамисту при небольшом их количестве разнообразить общую орнаментацию формы-штампа и сосуда, что позволяло сочетать серийность сосудов с индивидуальностью их облика².

Техника изготовления таких сосудов в целом вытекала из техники и приемов их орнаментации. Оба самаркандских сосуда изготовлены из нескольких самостоятельных частей, места соединений которых снаружи тщательно замаскированы, но на внутренней поверхности оставался четкий след шва. Тулово кувшинов сделано из двух частей. Место шва приходится примерно на середину высоты тулова, на уровень его максимального диаметра. Шов одного из кувшинов изнутри укреплен глиняной лентой. Обе половины тулова вылеплены в форме-штампа. Едва ли следует считать, что изготовление велось вручную. Против этого свидетельствуют достаточно тонкие стенки при относительно ровной их толщине. Представляется, что сначала на гончарном круге делалась полусферическая заготовка примерно таких размеров, какие диктовала форма-штамп; затем заготовка вставлялась в форму; стенки сосуда приминались к стенкам формы, вдавливались в углубления рисунка штампа и заглаживались. Следы гончарного круга на внутренней поверхности, естественно, стирались и сменялись следами заглаживания в разных направлениях.

Все остальные процессы связаны с гончарным кругом: снаружи заглажено и оформлено гребенчатыми прочерченными полосками место соединения двух частей, подточена неорнаментированная нижняя часть тулова; приделаны изготовленные на гончарном круге ножка и горло и замаскированы места их соединения и, наконец, примазана ручка. Нельзя не отметить, что ручки двух сосудов расположены в разных местах относительно пояса надписи.

Надпись на двух самаркандских кувшинах представляет большой историко-археологический интерес, ибо кроме стиха (лирического содержания)

сификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.).— КСИЭ, вып. XXII, 1955, стр. 91.

¹ Шифр 525/III.

² Можно, правда, предположить, что вместо сборных исходных калыбов (которые комбинировал мастер-керамист) мастер-калыбист сам параллельно изготавливал сходные сплошные калыбы, где некоторые ленты повторялись. В этом случае пришлось бы допустить, что сначала все же резались отдельные ленты-диски орнамента или надписи, с них снимался штамп, затем штамп вновь оттискивался на нескольких монолитных заготовках-калыбах, а остальные пояски орнамента резались дополнительно и поэтому различались. Этот вариант менее рационален, технически более сложен и поэтому кажется маловероятным.

Рис. 27. Два самаркандских кувшина

1 — из Государственного Эрмитажа; 2 — из Музея восточных культур; 3 — глиняный каалыб для изготовления форм-штампов; 4 — фрагмент надписи на кувшине из Музея восточных культур.

включает имя мастера и дату *استناد عند الـخـمـسـن سـنـه اـحـدـى و عـشـرـيـن و سـبـعمـائـه* عمل «Работа мастера Абд-ар-Рахмана; семьсот двадцать первый год».

Довольно трудно решить, кто скрывается за этим именем: мастер-керамист, мастер-резчик калыбов или даже каллиграф¹. Исходные калыбы изготовлял, конечно, не мастер-керамист, а профессионал-резчик. Украшения сосудов, выделанных вышеописанным способом, отличаются обычно большой сложностью и художественной красотой: надписи, то орнаментальные, то читаемые, выполнены разными почерками твердой и умелой рукой опытного каллиграфиста; геометрические и растительные композиции часто очень сложные и изящны. Керамические калыбы (как и другие) могли делаться по заказу или покупаться готовыми. В источниках упоминаются специальные лавки — мастерские, где изготовлялись и продавались калыбы². Поэтому наиболее вероятным кажется, что «устанд Абд-ар-Рахман», названный в надписи, — именно мастер по изготовлению художественных калыбов. Не исключено, что надпись им была заказана каллиграфу и лишь перенесена в твердый материал, но перенесена с великим искусством и тонким чувством изящной линии сложного почерка «сульс»³.

Очень существенна дата — 721/1321 г. Надписи с датами на среднеазиатской керамике уже известны. Например, из развалин Замахшира (Хорезм) происходит фрагмент неглазурованного сосуда с датой 520/1126 г. Однако в литературе еще не опубликован ни один среднеазиатский неглазурованный сосуд, с датой и хорошей сохранности, который мог бы служить твердым критерием для хронологического определения аналогичной керамики, что чрезвычайно важно, ибо до сих пор для датировки ряда керамических групп у археологов нет ни прочных стратиграфических, ни иных оснований. В частности, штампованная сероглиняная керамика обычно датируется домонгольским временем (преимущественно, XI—XII вв.)⁴. Особенно прочна эта традиция, когда материал фрагментирован. Нередко такого рода фрагменты орнаментированной подъемной или раскопчной сероглиняной керамики становятся основанием для датировки XI—XII столетиями культурного слоя или этапа в жизни археологического объекта. Соответственно, в сводных характеристиках керамических групп с отдельных объектов и территорий, при описании керамики XIV в. с розовой глазури орнаментированная посуда, как правило, не упоминается, ибо целиком включается в комплекс домонгольского времени⁵.

Датированные самаркандские кувшины XIV в. заставляют значительно расширить хронологические рамки бытования орнаментированной штам-

¹ М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение. — Тр. У ФАН сер. 1, вып. 2. Ташкент, 1940, стр. 85. Автор, характеризуя термезскую керамику XI—XII вв., упоминает «многочисленные штампованные на посуде надписи, в том числе содержащие имена мастеров», однако не приводит ни эти имена, ни соображения об их принадлежности.

² Например, *كان قالب تراشي* в вакуфной грамоте 1099/1687—1688 г. (ЦИА УэССР, фонд 323, № 1292/24). Лавка эта, в числе прочего имущества, дана вакфодательницей Мисмат Надир биби, дочерью Мухаммад Хусейна в пользу бухарской мечети Мулла амири.

³ На средневековой керамике (например, на симоб-кузача) встречаются имена, тиснутые штампом-печатью по сырой глине до обжига. Это, несомненно, имена мастеров-керамистов, оттиснутые их личными печатями. Иногда внутри простых картушей с именами имеется слово *عمر*.

⁴ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 85. Многочисленны даты в пределах XII—XIX в. на персидской люстровой и розового рода глазурованной (с подглазурной и надглазурной полихромной росписью, с рельефным орнаментом) керамике. Однако среди всех, приведенных в специальной статье E. Ettinghausen'a (The ceramic art in Islamic times. B. Dated faience. — A survey of Persian art, vol. II. N. Y., 1939, p. 1667—1696) образцов датированной керамики, только один сосуд (№ 147) — неглазурованный, с рельефным рисунком (найден в Рее).

⁵ Н. Н. Вактурская. (Указ. соч., стр. 92) отмечает, что в XIV в. в Хорезме «продолжают бытовать кувшины, орнаментированные по плечам рельефным, оттиснутым формой узором».

пованной сероглиняной керамики. Это особенно необходимо учитывать, когда сосуд фрагментирован настолько, что форма его не восстанавливается. Только весь комплекс признаков (включая форму сосуда) может служить критерием для уточнения датировки внутри этого большого хронологического отрезка времени. Сейчас уверенно можно говорить, что кувшины с узким горлом, сферическо-грушевидным туловом и высокой ножкой относятся не к домонгольскому, а к послемонгольскому времени¹. Кувшины же с широким горлом (то низким, то более высоким), низким кольцевым или срезанным поддоном (иногда на трех маленьких ножках) и туловом разного облика, наоборот, широко употреблялись в домонгольское время. В целом же дата самаркандских кувшинов показывает, что вся богатая группа сероглиняной орнаментированной керамики, считавшаяся до этого одной из наиболее хронологически ясных, требует пристального изучения, типологического и стратиграфического анализа.

¹ Нельзя не отметить, что такой формы, и, несомненно среднеазиатского происхождения, богато орнаментированные кувшины во множестве найдены при раскопках на городище Сарая Берке (Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 148, и рис. 45). Это лишний раз подтверждает типичность этой формы для XIII—XIV вв.

Н. А. КИСЛЯКОВ

О НЕКОТОРЫХ ДРЕВНИХ ПОВЕРЬЯХ ТАДЖИКОВ
ДОЛИНЫ РЕКИ ХИНГΟΥ

Научные интересы А. Н. Бернштама отличались большой широтой и разносторонностью, в частности его интересовали и вопросы, связанные с верованиями древнего населения Средней Азии. Рассматривая культовый комплекс, сложившийся вокруг изображений на Араванской скале, А. Н. Бернштам отмечает его синкретический характер и преемственность культа, сохранившуюся и в более поздний мусульманский период¹.

Вопрос о синкретическом характере верований и культов в среде мусульманского населения Средней Азии неоднократно уже рассматривался в советской литературе². В этой статье приводятся некоторые факты, касающиеся поверий и культов, связанных с так называемыми «мазарами» (таджикское — мазор).

Под термином «мазар» в Средней Азии известны многочисленные гробницы мусульманских «святых», пользовавшиеся большей или меньшей известностью в данной округе и почитавшиеся населением. Обычно мазар это глинобитное или кирпичное сооружение с куполом над могилой «святого», обнесенное оградой и снабженное различными атрибутами — шестами с эмблемами в виде металлической руки — пятерни или бунчука с конскими волосами, рогами диких козлов или баранов. Нередко в ограде мазара растут деревья или же вокруг или вблизи находится небольшая роща. Часто близ мазара располагается мусульманское кладбище.

А. З. Розенфельд указала на связь с мазарами термина «лянгар» (якорь), который означает в числе других и понятие «остановка, стоянка» и в данном случае свидетельствует о том, что тот или иной «святой» остановился здесь навсегда, бросил якорь, нашел вечное пристанище. Действительно, термин «лянгар» тесно связан с мазаром. Заранее можно безошибочно сказать, что при каждом кишлаке в Таджикистане, носящем название «лянгар», есть крупный мазар. Попутно А. З. Розенфельд отметила для Таджикистана связь почитания мазаров с более архаичным культом деревьев, камней, пещер³.

В долине р. Хингоу почитание отдельных предметов — деревьев, камней или скал и источников, вылившиеся в форму почитания мазаров,

¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, № 26, 1952, стр. 226.

² См., например, С. П. Толстов. Очерки первоначального Ислама. — СЭ, 1932, № 2; О. А. Сухарева. К вопросу о культе мусульманских святых в Средней Азии. — ТИИА АН УССР. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана, т. II. Ташкент, 1950; Ю. В. Кнорозов. Мазар Шамун-наби. СЭ, 1949, № 2.

³ А. З. Розенфельд. Название «лянгар» в топонимике Таджикистана. — ИВГО. т. 72, вып. 6, 1940, стр. 861—864.

отчетливее всего проступает в тех случаях, когда гробницы «святого» нет, и мазар представлен одиноко стоящим деревом, приметным камнем или источником с окружающими его деревьями. Такие мазары обычно находятся при дороге, близ особо опасного ее участка, на склоне горы с нависающими сверху скалами, над пропастью. Проходя или проезжая опасный участок пути, путник привязывал к мазару-дереву лоскут, оторванный от своей одежды, или же клал на мазар-камень несколько мелких камней, иногда складывая пирамидку из них; на многих камнях-мазарах можно было видеть следы помазания маслом или жиром. Нередко такие мазары связываются с названием лежащего неподалеку кишлака. В Таджикистане можно указать целый ряд таких кишлаков: «Писта-мазар» — «мазар-фисташковое дерево»; «Арча-мазар» — «мазар-арчовое дерево»; «Таш-мазар» — «мазар-камень» (узбекск.); «Лятабанд», что буквально означает «повязанное лоскутками материи» (имеется в виду дерево, к которому привязываются лоскутки).

Весьма характерно, что мазары без гробниц носят название «кадам-гох» или «гузар-гох», т. е. «место (следов) шага» или «место прохождения» и в мусульманской трактовке осмысляются как места, на которых тот или иной святой делал временную остановку, привал¹. Нередко показывали какие-либо выбоины на камне — след ноги святого». Но название «гузар-гох» на наш взгляд может трактоваться и иначе, в смысле благополучного прохождения опасного места, для чего необходимо votивное приношение со стороны путника.

Однако от деревьев, скал и камней-мазаров не только ожидали избавления от опасности, подстерегающей в пути, но нередко к ним обращались и за помощью. Так, например, в верхнем течении р. Хингоу на деревьях-мазарах близ кишлака Псода привязывали лоскутки материи с целью иметь потомство, а к скале-мазару на р. Оби-мазар, выше кишлака Сангвор, обращались с просьбой, чтобы дети не мочились во сне. Таких примеров можно было бы привести множество.

Объектами votивных приношений и обращений с различными просьбами, чаще всего с просьбами об исцелении от болезней и бесплодия, были не только «кадам-гох», но и настоящие мазары с гробницами «святых», в последнем случае обращение или просьба направлялась к самому «святому». Этим в значительной степени и затемнялся более примитивный культ, связанный с непосредственным почитанием различных предметов и явлений природы.

По распространенному среди населения убеждению, мазары, независимо от того, гробницы ли это или почитаемые деревья и камни, обладали не только свойством защищать человека от бед или исполнять его желания, но и могли наносить вред, особенно в случае непочтительного к ним отношения. Так, если человек плохо отзывался о мазаре или насмехался над ним, или, например, проявлял неуважение, не спешившись с лошади при проезде, наконец, если он позволял себе ломать ветви на мазаре, мазар мог погубить человека, наслать на него болезни и несчастья. В таких случаях говорили, что «мазар мезанад» — «мазар ударяет» человека. Нередко эта вера в сверхъестественные свойства мазара принимала характер предостережения о гневе «святого», насылающего несчастье.

Таким образом приписываемая мазарам какая-то сверхъестественная магическая сила в мусульманской интерпретации заменяется недовольством, гневом того или другого «святого». Что первоначально мазарам приписывалась магическая сила, могущая повредить человеку, видно и из широко распространенного поверья о том, что ее можно наслать на человека

¹ См. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф.—Тр. АН ТаджССР, т. 7, вып. 1. Сталинабад, 1953, стр. 86, примечание 3.

путем заклинания. В одной из записанных нами дарвазских сказок девушка, поссорившись со своим возлюбленным, обращается к своей служанке со следующими словами:

Еракма бигу хамун мазораш бигана,
Тирхои хаданги бекумораш бизана.
Дурш накуме ки бачан джавонай.
Оташ бай сағи хешу табораш би ана.

Скажи моему дружку, что ма ар его ударит,
Поразят его бесчисленные стрелы.
Но по его молодости я не буду проклинать его.
Пусть огонь падет на голову его близких.

Синкретический характер поверий и культов, связанных с мазарами, хорошо раскрывается при анализе обычно складывающихся вокруг них легенд. В свое время мы показали это на анализе легенд, связанных с одним из крупнейших мазаров горного Таджикистана — мазара Бурха¹. Приведем еще одну легенду, связанную также с крупным мазаром Лянгар, находившимся в долине среднего течения Хингоу.

Мазар этот принадлежит «святому» Джигадо Ходжа, который по приходе в долину сначала основал кишлак Дарай Хайрон, а затем, по данному ему свыше знаменью, — кишлак Пастирог (недалеко от места мазара). Затем ему было новое знамение, что он должен угостить население. Джигадо спросил явившегося ему наставника-пира, чем же угощать; тот ответил, чтобы он взял в горсть земли и высыпал бы ее. Он так и сделал и появились залежи соли.

Другой «святой» Хуш Хасан, живший в кишлаке нижний Лянгар, послал своего ученика-мюрида к Джигадо Ходже просить в жены его дочь. Однако мюрид, получив согласие Джигадо, по пути стал думать о том, что если два «святых» породнятся, то заберут в руки все население, и, возвратившись, сказал: «Джигадо Ходжа ответил, что если у моей собаки будет щенок, то и его я не отдам Хуш Хасану». Хасан пришел в ярость наслал на дочь Джигадо заклятье, пожелав, чтобы она сгорела. Девушка заболела и умерла. Джигадо Ходжа над трупом дочери произнес следующие слова: «Вот дочь моя умерла, но наказание огню — вода».

Когда до Хуш Хасана дошла весть о похоронах, он взял баранью шкуру, бросил в реку, сел на нее вместе со своими мюридами и поплыл вверх по течению; когда он прибыл к месту назначения, то встряхнул шкуру и из нее пошла пыль. Однако после похорон, когда Хуш Хасан поплыл обратно, шкура потонула и сидящие на ней погибли. Труп Хуш Хасана вынесло к кишлаку Лянгар, а трупы его мюридов поплыли дальше: Ходжа Саузпуша вынесло к кишлаку Джирог, Ходжа Маргоу — к кишлаку Пашор, других вынесло на берег у различных кишлаков в Каратегине. Везде в этих местах возникли мазары.

Вариант этой легенды записан А. Э. Розенфельд в Каратегине, вблизи тех мазаров, которые якобы образовались на месте погребения трупов мюридов.

В этой широко распространенной легенде отчетливо видно, что под мусульманской оболочкой скрываются представления, связанные с одухотворением сил и явлений природы. «Святые» выступают как сверхъестественные персонажи, повелевающие такими стихиями, как огонь и вода.

Культе воды, почитание духов, повелевающих водой, в старину, по-видимому, был широко распространен среди таджиков и у других народов Средней Азии. Древний культ покровительницы воды, в частности реки, Анахиты уже неоднократно отмечался в литературе². Обширный материал, касающийся культа воды у таджиков, собран в статье К. А. Богомоло-

¹ Бурх — горный козел. СЭ, 1934, № 1, 2.

² См. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 200—201 (там же и литература).

вой¹. Из приведенной нами легенды видно, что по поверьям, стихия воды как бы берет верх над стихией огня; это свидетельствует о том исключительном значении, которое придавалось воде как источнику благосостояния, от которого зависело все живое.

В этой связи отметим, что некий «святой» Хомуш, мазар которого находится в кишлаке Лянгари-Калон, недалеко от Куляба, по преданию, ездил за советами к своему наставнику-пиру, жившему по другую сторону Пянджа и называвшемуся «пири дарьебон» — «пир, сторожащий воду».

Легенда показывает, что по поверьям, влияние сверхъестественных сил простиралось и на ископаемые богатства, например на залежи соли; в горном Таджикистане они были лишь в немногих местах и поэтому соль сплошь да рядом приходилось доставлять издалека².

В легенде обращают на себя внимание имена двух мюридов — Ходжа Маргоу и Ходжа Сауэпуш.

Этимология первого из них может быть двоякая. Слово «марг» с заднеязычным звонким спирантом «г» в согдийском и ягнобском языках обозначает понятие «луг, лужайка»³, а с заднеязычным взрывным в таджикском языке значит «смерть». Поэтому мазар Ходжа Маргоу (в местном произношении оу — вода) может значить и мазар «Ходжа лугового, болотного», и мазар «Ходжа, умершего от воды, утонувшего», что согласовалось бы с содержанием легенды. Первое же значение, весьма вероятно, принимая во внимание широкое распространение в крае древнего топонима «марг», логически близко к имени другого мюрида — Ходжа Сауэпуш.

Этимология эпитета этого мюрида или «святого» вполне прозрачна. «Сауэпуш» — это «покрывающий зеленью». Мазаров, носящих название «Сауэпуш» в Таджикистане довольно много; один из них, например, находится в той же долине р. Хингоу, близ кишлака Дараи Хайрон (который был, по преданию, основан «святым» Джигадо Ходжа). Полагаю, что мы не ошибемся, если укажем, что название «Сауэпуш» находится в прямой связи с представлением о духах оживающей, весенней природы.

¹ К. А. Богомолова. Следы древнего культа воды у таджиков.— ИООН АН ТаджССР, вып. 2, 1952.

² О поверьях, связанных с солью в Каратегине, см. А. З. Розенфельд. Топонимика нижнего Каратегина в связи с некоторыми вопросами его истории.— ИООН АН ТаджССР, вып. 10—11, 1957.

³ См. С. И. Клиимчицкий. Названия Согдианы в топонимике Таджикистана.— ЗИВ АН СССР, VI, 1937; его же. Ягнобско-согдийские соответствия.— Там же. А. З. Розенфельд. Топонимика нижнего Каратегина..., стр. 87.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры

Содержание

Вып. 71

I. Статьи и доклады

- В. В. Седов. Курганы с ярусными погребениями.
П. А. Раппопорт. Укрепления раннемосковских городищ.
Г. К. Вагнер. К характеристике рязанских памятников шатрового зодчества XVI в.

II. Полевые археологические исследования

- В. П. Любин. Исследования плеолита в Юго-Осетии. (Предварительное сообщение о работах 1954 г.).
Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г.
Н. Н. Шульц и А. Д. Столяр. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира.
Х. И. Крис и Е. В. Веймарн. Курганы эпохи бронзы близ Бахчисарая.
М. М. Герасимова. Черепа из погребений срубной культуры в Среднем Поволжье.
В. С. Сорокин. Археологические памятники северо-западной части Актюбинской области (экспедиция 1955 г. в районы целинных земель).
В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы. (Раскопки 1955 г.).
Ю. А. Заднепровский. Городище Шурабашат.
А. П. Окладников. Археологические исследования в 1955 г. на Дальнем Востоке.
Р. В. Чубарова. Работа Сахалинского отряда Дальневосточной экспедиции в 1955 г.

III. Хроника

- Н. Н. Гурина и Н. Я. Мерперт. Институт истории материальной культуры Академии наук СССР в 1956 г.
Н. Н. Гурина. О работе Сектора палеолита ЛОИИМК АН СССР в 1956 г.
И. А. Талицкая. О работе Сектора неолита и бронзы ИИМК АН СССР в 1956 г.

Список сокращений

Вып. 72

I. Статьи и доклады

- А. И. Каштанов и А. П. Смирнов. Из истории металлургии Среднего Поволжья и Урала.
Р. В. Федорова. Применение спорово-пыльцевого анализа при археологических исследованиях.
Э. А. Симонович. Две статуэтки коня из Побужья.

II. Полевые археологические исследования

- А. В. Збруева. Могильник Метев-Томак.
А. Е. Алихова. Могильник кошибеевского типа у с. Польное-Ялтуново.
Я. В. Станкевич. Памятники славянской культуры середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины.
Ф. Д. Гуревич. О длинных и удлиненных курганах Западной Белоруссии.
Т. Н. Никольская. Шуклинское городище.
В. В. Седов. Гончарная печь из раскопок в г. Владимире.

III. Мелкие заметки и сообщения

- Ю. В. Кухаренко. Из разведок на Волини.
Ю. В. Кухаренко. Чаплинские курганы.
Р. Л. Розенфельдт. Липинский бескурганный могильник.
Р. Л. Розенфельдт. Русский ружейный прибор начала XVII в.

IV. Методика полевых исследований

- Е. А. Румянцев. Стабилизация насыщенной влагой древесины, найденной при археологических раскопках.
Е. А. Румянцев. Один из способов консервации кожи.

V. Хроника

- Н. Н. Погребова. О работе Сектора скифо-сарматской археологии ИИМК АН СССР в 1956 г.
Г. А. Цветаева. Сообщение о докладах, прочитанных на заседаниях Сектора ан-

тичной археологии ИИМК АН СССР в 1956 г.

Н. Н. Гурина. О работе Группы античной археологии ЛОИИМК АН СССР в 1956 г.

Н. Н. Гурина. О работе Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК в 1956 г.

А. В. Алексеев. О работе Сектора славяно-русской археологии ИИМК в 1956 г.

Н. Н. Гурина. О работе Группы славяно-русской археологии ЛОИИМК в 1956 г.

Н. К. Лисицина. Археологические исследования в РСФСР в 1955 г.

Список сокращений

Вып. 73

I. Статьи и доклады

Р. М. Мунчаев. Итоги Кавказской археологической конференции.

В. М. Массон. О культе женского божества у анауских племен.

А. Н. Кирпичников. К истории древнего Белгорода в X—XI вв.

II. Полевые археологические исследования

В. П. Любин. Первая находка нижнего палеолита на Ставрополье.

А. А. Формозов. Исследования по каменному веку Крыма в 1956 году.

А. П. Черныш. Исследования стоянки Молодова V в 1955 году.

П. И. Борисковский. Раскопки палеолитической стоянки Валукинского (Юстенки XIX) в 1956 году.

Н. Н. Гурина. Работа неолитического отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 году.

В. М. Массон. Изучение анауских культур в 1956 году.

А. А. Иессен. Азербайджанская экспедиция в 1956 году.

Л. И. Альбаум. Раскопки Балалык-тепе в 1955 году.

А. М. Беленицкий. Работы Таджикской археологической экспедиции в 1956 году.

С. С. Черников. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 году.

А. П. Окладников. Работы на Дальнем Востоке в 1956 году.

Р. В. Чубарова. Археологические исследования в 1956 году на острове Сахалине.

М. В. Воробьев. О работах Ворошиловского отряда в 1956 году

III. Мелкие заметки и сообщения

М. Я. Рудинский. К вопросу о древнепалеолитических орудиях из кварцита.

IV. Хроника

Н. А. Онайко. Конференция 1956 года по истории и археологии Северного Причерноморья в античную эпоху.

Список сокращений

Вып. 74

I. Статьи и доклады

И. В. Брашинский. Афинский декрет 323/2 года до н. э.

Е. И. Леви. Терракоты из цистерны ольвийской Агоры.

М. М. Кобылина. Новые данные о фангорийских винодельнях.

II. Полевые археологические исследования

В. П. Левенок. Работы Деснинского отряда 1956 г.

А. Я. Крижевская. Новые неолитические стоянки Южного Предуралья.

В. Д. Блаватский. Пятый год работ в Синдике.

Н. И. Сокольский. Раскопки античного поселения около станицы Таманской.

И. Б. Зеест. Раскопки Гермонассы.

И. Т. Кругликова. Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 году.

Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1955 году.

И. И. Ляпушкин. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны.

П. А. Раппопорт. Изучение крепостей, проведенное отрядом Среднерусской археологической экспедиции 1956 года.

Ф. Д. Гуревич. Работы славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 г.

В. Ф. Генинг. Удмуртская археологическая экспедиция.

В. А. Оборин. Камская археологическая экспедиция 1955 года.

О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1956 году.

Г. А. Андреев. Поселение на мысе Седловидном в Уссурийском заливе.

П. П. Закарая. К изучению жилых и оборонительных сооружений городища Урбиси.

III. Мелкие заметки и сообщения

В. И. Марковин и М. И. Исаков. Древняя костяная статуэтка из Дагестана.

Ю. В. Кухаренко. Широкопластинчатые фибулы.

А. С. Каманцева. Гончарная печь в селении Дуба-Юрт.

IV. Хроника

О. Н. Бадер. В камеральной лаборатории ИИМК.

Список сокращений

Вып. 75

От редакции «Кратких сообщений».

I. Статьи и доклады

М. Е. Фосс. Поселения на дюне Озименки.

М. Е. Фосс. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году.

М. Е. Фосс. Неолитическая стоянка Бисерово озеро.

- Г. Н. Лисицына. Результаты микропалеоботанического исследования образцов торфа Бисерова озера.
- В. П. Левашова. К вопросу о механических свойствах древних орудий.
- М. Э. Паничкина. О двух типах верхнепалеолитических нуклеусов (так называемых нуклеусах скулбках и гигантолитах).
- Д. А. Крайнов. Дюнная стоянка Золоторучье I.
- Н. Н. Гурина. Половинская неолитическая стоянка.
- Л. Я. Крижевская. Неолитическая стоянка «Прикол» на озере Пирос.
- А. А. Формозов. Использование подъемного материала с дюнных стоянок в археологических исследованиях.
- А. В. Успенская и Ю. А. Краснов. Новая неолитическая стоянка в Подмосковье.
- И. Г. Розенфельдт. К вопросу о связях древнего населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III — начале II тысячелетия до н. э.
- В. В. Кропоткин. Новые исследования Бялынецких курганов.
- И. К. Цветкова. Стоянка Черная Гора.
- В. М. Раушенбах. Новые находки на Шигирском торфянике.
- С. Н. Тюремнов. История развития северного участка Шигирского торфяника по данным стратиграфии и анализу пыльцы.
- А. Е. Алихова. Жилище на Саконовской неолитической стоянке.
- О. Н. Бадер. Мытищенский могильник фатьяновского типа.
- Т. С. Пассек. Стоянка комаровской культуры на Среднем Днестре.
- Н. В. Трубникова. К вопросу о происхождении городищской культуры.
- П. И. Хавлюк. Стоянки развитого неолита в северной части среднего течения Южного Буга.
- В. Д. Блаватский. О производстве «магарских» чаш в Пантикапее.
- М. М. Кобылина. О позднеэллинистической коропластике Пантикапея.
- В. И. Мошинская. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири.

Список сокращений

Вып. 76

I. Статьи и доклады

- М. Э. Паничкина. О двух типах верхнепалеолитических нуклеусов. II. Гигантолиты.
- Х. К. Алпысбаев. Некоторые результаты изучения кремневых орудий.
- Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева. Исфаринские курганы. (К вопросу о системе хозяйства древней Ферганы).

II. Полевые археологические исследования

- А. А. Крылова. Новые палеолитические местонахождения в Восточном Казахстане.

- З. А. Абрамова, А. П. Окладников, Е. Ф. Седякина. Археологические исследования в долине реки Ангара в 1956 г.
- И. Н. Хлопин. Верхний слой поселения Кара-депе. (По материалам ЮТАКЭ в 1956 г.)
- В. И. Сарияниди. Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр. (По материалам ЮТАКЭ в 1956 г.)
- В. И. Козенкова. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г.
- Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1956 г.
- А. М. Мандельштам. Могильник Арук-тау в Бишкекской долине (Южный Таджикистан).
- В. А. Кузнецов. Наземные гробницы реки Кривой в Ставропольском крае.
- А. Л. Якобсон. Средневековые поселения в Байдарской долине (раскопки 1956 г.)

III. Мелкие заметки и сообщения

- З. А. Абрамова. К вопросу о женских изображениях в мадленскую эпоху.
- В. И. Марковин. Глиняная статуэтка из станицы Урупской.
- Г. А. Брыкина. Кайрак (галька) с тюркской писаницей из Ак-Бешима.

IV. Хроника

- М. Г. Мошкова. Сессия Отделения исторических наук АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1956 года.

Список сокращений

Вып. 77

I. Статьи и доклады

- П. А. Раппопорт. Оборонительные сооружения Галича Мерского.
- Г. К. Вагнер. Деревянный барельеф XVI в. из с. Путятино Рязанской области.
- А. Е. Алихова. К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья.

II. Полевые археологические исследования

- Н. Г. Елагина и Н. Н. Погребова. Археологическая разведка по берегам Ингула.
- П. Д. Либеров. Археологические памятники р. Береки.
- В. Д. Блаватский. Исследования Раевского городища в 1954 году.
- Н. А. Онайко. Раскопки Раевского городища в 1955—1956 годах.
- Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1956 году.
- Э. А. Симонович. Раскопки городища Колочин I в южной Белоруссии.
- Я. В. Станкевич. Предварительные итоги исследований 1956 года в Виллукской области.

- В. В. Седов. Раскопки в Гороховце.
- А. Ф. Дубынин. Археологические исследования 1955 года в Зарядье (Москва).

Х. И. Крис. О назначении кирпичного сооружения из раскопок в Зарядье (Москва).

III. Мелкие сообщения и заметки

- Л. Я. Крижевская. Сосуд ананьинского времени для плавки металла.
Э. А. Рикман. Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах черняховского типа.
И. Г. и Р. Л. Розенфельдт. О некоторых конструкциях московских навесных и врезных замков XIV—XVII веков.

IV. Хроника

Н. К. Лисицына. Археологические исследования в РСФСР в 1956 году.

Список сокращений

Вып. 78

I. Статьи и доклады

- I. И. Борисковский. Некоторые спорные вопросы палеолита Костенок.

II. Полевые археологические исследования

- А. А. Формозов. Исследования памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 году.
Д. А. Крайнов. Раскопки Бахчисарайской мусьефской стоянки в 1957 году.
И. И. Артеменко. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья.
Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1957 году.
Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепях в 1957 году.
И. Т. Кругликова. Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 году.
Н. Н. Погребов и Л. В. Кондрацкий. Археологические разведки в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области.
В. Ф. Гайдукевич, С. И. Капошина и Е. И. Леви. Экспедиция ЛОИИМК АН СССР в 1957 году по античной археологии.
О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1957 году.
А. А. Иессен. Работы Азербайджанской экспедиции в 1957 году.

Е. И. Крупнов. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа.

III. Хроника

- Н. Н. Гурина, Н. Я. Мерперт, И. А. Таблица. О научно-организационной деятельности Института истории материальной культуры в 1957 году.

Список сокращений

Вып. 79

I. Статьи и доклады

- С. А. Плетнев. Средневековые поселения верховьев Северского Донца.

II. Полевые археологические исследования

- Э. А. Сымонович. Раскопки поселения Ломоватое-2.
Б. А. Рыбаков. Раскопки в Любече в 1957 году.
Л. А. Голубева. Белозерская экспедиция 1957 года.
В. В. Семенов. Древнерусские сельские поселения Смоленской земли (по материалам экспедиции 1956—1957 годов).
Р. Л. Розенфельдт. Разведки в Московской области.
А. Ф. Дубынин. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 году.
П. Н. Третьяков. Работы Верхнеднепровской археологической экспедиции 1957 года.
В. П. Даркевич и В. К. Пудовин. Раскопки на Севском городище.
Е. И. Горюнова, А. В. Никитин, А. Л. Монгайт, П. А. Раппопорт. Работы Среднерусской экспедиции в 1957 году.
М. А. Тиханова, Ф. Д. Гуревич, И. И. Ляпушкин, Я. С. Станкевич, М. К. Каргер, К. Д. Лаушкин. Экспедиция ЛОИИМК 1957 г. по изучению славяно-русской археологии в 1957 году.

III. Хроника

Институт истории материальной культуры в 1957 году.

Список сокращений

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСЭ — Большая советская энциклопедия
 ВАН КазССР — Вестник Академии наук Казахской ССР
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВГО — Всесоюзное географическое общество
 ВИ — Вопросы истории
 ВЛУ — Вестник Ленинградского университета
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
 ЗИВ АН СССР — Записки Института востоковедения Академии наук СССР
 ЗСОРГО — Записки Сибирского отделения Русского географического общества
 ИАК — Известия Археологической комиссии
 ИАН — Известия Академии наук
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 ИЖ — Исторический журнал
 Изв. ООН АН ТаджССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук
 Таджикской ССР
 Изв. УзФАН — Известия Узбекского филиала Академии наук
 ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории
 материальной культуры
 КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
 ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
 МАР — Материалы по археологии России
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии
 МГУ — Московский государственный университет
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НИЖ — Наука и жизнь
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии
 ОИПК — Отдел истории первобытной культуры
 ПИДО — Проблемы истории доклассового общества
 ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных
 наук
 СА — Советская археология
 САГУ — Среднеазиатский государственный университет
 СВ — Советское востоковедение
 СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
 СЭ — Советская этнография
 ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция
 ТИАЭ АН КазССР — Труды Института археологии и этнографии Академии наук Ка-
 захской ССР
 ТИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбек-
 ской ССР
 ТИЭ АН СССР — Труды Института этнографии АН СССР
 ТИЯЛИ КирФАН СССР — Труды Института языка, литературы и истории Киргиз-
 ского филиала АН СССР
 ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
 ТПЭ — Таджикско-Памирская экспедиция
 ФАН СССР — Филиал Академии наук СССР
 ЦГИА УзССР — Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР
 ЭВ — Эпиграфика Востока
 ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
 ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
 JRAI — Journal of Royal Anthropological Institute
 MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan
 SMYA — Suomen Muinaisnuistoyhdistyksen Aikakayuskirja

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

От редакции	3
Александр Натанович Бернштам (Ю. А. Заднепровский)	5
Список основных печатных работ А. Н. Бернштама	9
С. С. Черников. О термине «ранние кочевники»	17
В. А. Шишкин. О художественном ремесле в Средней Азии V—VIII вв. по памятникам древней живописи (текстиль)	22
В. В. Гинзбург. Антропологическая характеристика саков Южного Памира	26

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. А. Ранов. Стоянка Каратумшук (Восточный Памир)	40
Б. А. Литвинский. Дахаинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане	47
В. С. Сорокин. Могильник Тасты-бутак 1. (Раскопки 1956—1957 гг.)	53
А. Г. Максимов а. Курганы сакского времени могильника Джувантобе	60
Е. А. Агеева. Некоторые новые данные по археологии Семиречья	65
И. Кожомбердыев. Новые данные о Кенкольском могильнике	70
А. М. Мандельштам. К археологии Каратегина	76
В. Д. Жуков. Обследование городища Старая Кува в 1956 г.	80
М. П. Грязнов. Писаница эпохи бронзы из д. Знаменки в Хакассии	85
Б. А. Латынин. Эйлатанская расписная чаша	90
Н. Г. Горбунова. Роговая пластинка из Ак-Тамского могильника	93
Л. И. Альбаум. Об этнической принадлежности некоторых «балбалов»	95
Б. Я. Ставиский. «Ампула святого Мины» из Самарканда	101
М. Е. Массон. Кладок караханидских медных дирхемов первой половины XII в. из Термеза	103
Е. А. Давидович. Два самаркандских кувшина с датой и именем мастера в надписи	109
Н. А. Кисляков. О некоторых древних поверьях таджиков долины реки Хингоу	114
Краткие сообщения, вып. 71—79	118
Список сокращений	122

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры,
вып. 80

*

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *М. Г. Воробьева*
Технический редактор *О. Г. Ульянова*
РИСО АН СССР № 83—92 В. Сдано в набор 25/II 1960 г.
Подписано к печати 2/VII 1960 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆
Печ. л. 7,75 + 1 вкл. Усл. печ. л. 10,6 Уч.-изд. л. 9,7 (9,6 + 0,1 вкл.).
Тираж 1500 экз. Т — 10509. Изд. № 4167. Тип. зак. 250.
Цена 6 руб. С 1/I 1961 г.— 60 коп.
Издательство Академии наук СССР
Москва Б-62. Подсосенский пер., 21.

2-я типография Издательства АН СССР
Москва Г-99, Шубинский пер., 10